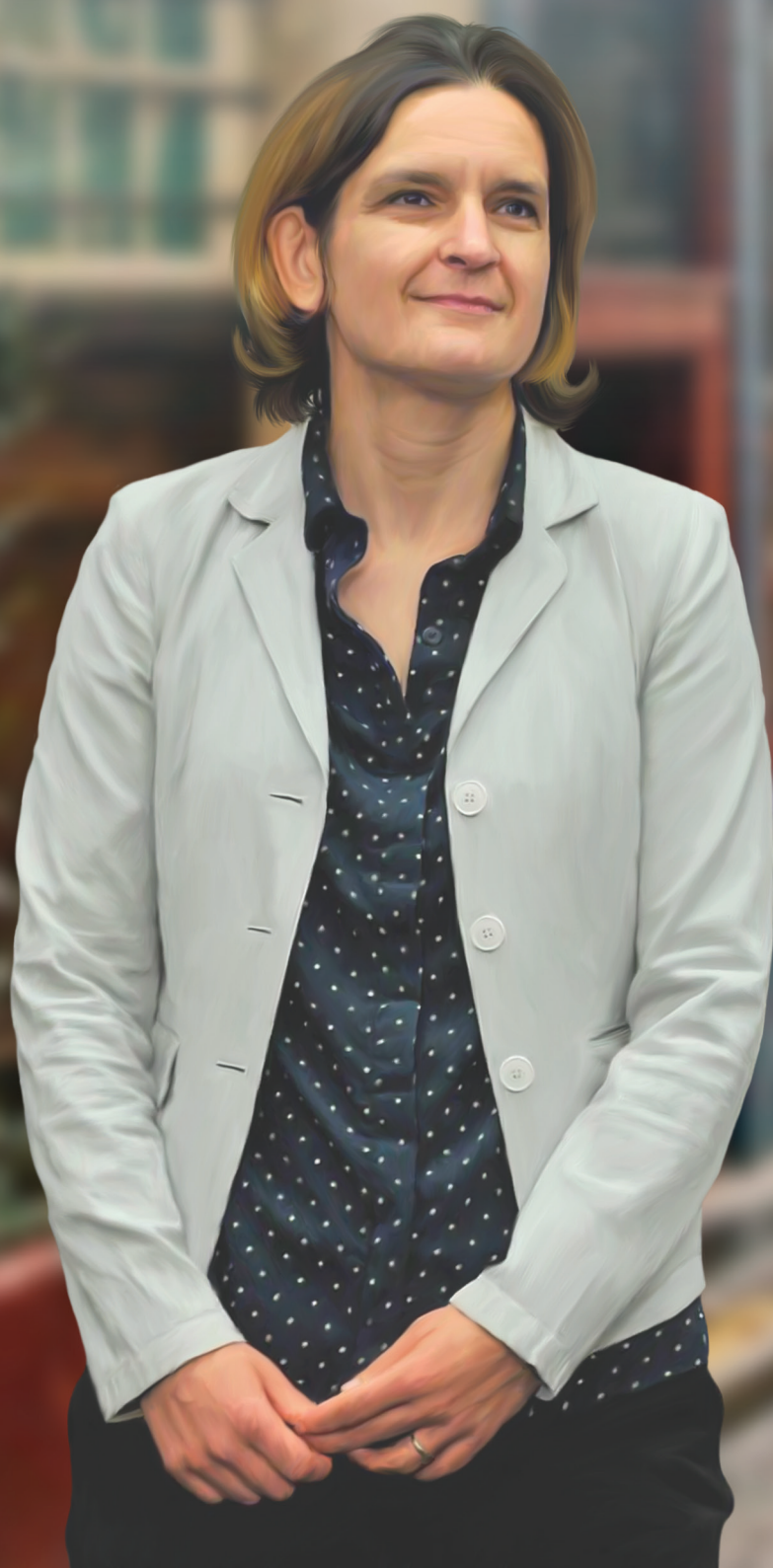

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

30 2020
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 30 (320) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахронов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшоода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Эстер Дюфло* (1972), французский экономист, профессор Массачусетского технологического института.

Эстер Дюфло — вторая в истории женщина, получившая Нобелевскую премию по экономике, и самый молодой ее лауреат. «За экспериментальный подход в снижении уровня глобальной бедности» — с такой формулировкой Нобелевскую премию вручили Эстер, ее мужу Абхиджиту Банерджи и их коллеге Майклу Кремеру. «Исследование, проведенное лауреатами 2019 года, существенно повысило наши возможности в борьбе с мировой бедностью. Всего за два десятилетия их экспериментальный подход изменил развивающиеся экономики, которые сейчас представляют собой преуспевающее поле для исследований», — говорится на сайте Нобелевской премии.

Прежде чем получить премию, Дюфло успела поработать в России и вместе с мужем написать книгу по экономике, переведенную на 17 языков. Журнал *Forbes Woman* выбрал самые любопытные факты о ней:

— Эстер Дюфло родилась в многодетной семье в Париже. От отца-профессора она унаследовала страсть к математике, а от матери-педиатра — чувство социальной справедливости. «Часть меня всегда хотела приносить пользу миру. Это во мне от матери. Она педиатр и активно работала в небольшой некоммерческой организации, занимавшейся детьми — жертвами войн. Она ездила в страны, пережившие войну, а по возвращении показывала нам фотографии, чтобы мы об этом знали», — говорила Дюфло в интервью *Financial Times*.

— Дюфло знает русский язык, в 1993 году она провела в Москве 10 месяцев, преподавала французский язык и параллельно работала помощником звездного экономиста Джеффри Сакса, который тогда консультировал Егора Гайдара, архитектора реформ «шоковой терапии». В интервью *FT* Дюфло говорила, что в России она сразу же увидела, что как экономист может добиться всего и сразу.

— Эстер защитила магистерскую работу по первой советской пятилетке в Высшей нормальной школе в Париже — элитном учебном учреждении, которое выпустило немало будущих ученых и политиков. В 1995 году она приехала в Массачусетский технологический институт (MIT), чтобы получить степень доктора наук. Свои впечатления от США она описывала так: «Ты приезжаешь из Франции, где ты привыкла, что тебя полностью

игнорируют. Ты приезжаешь туда, где люди совершенно не думают об иерархии. Здесь неважно, что ты студентка, что ты только вчера приехала из Франции. Если тебе есть что сказать, если у тебя есть идея, люди прислушаются». В 29 лет она стала штатным преподавателем Массачусетского технологического института.

— Дюфло провела значительную часть карьеры в поездках по Индии и Африке, где она пыталась понять, какие программы борьбы с бедностью эффективны, и пришла к неожиданным выводам. Вместо того чтобы придерживаться упрощенного мнения, что материальная помощь полезна (или, как утверждают некоторые критики свободного рынка, бесполезна) для тех, кто пытается выбраться из «ловушки бедности», Дюфло фокусируется на деталях. Нужно ли раздавать сетки от комаров даром или продавать? Что позволит привлечь детей в школы и убедиться, что они там действительно учатся? Стоит ли отправлять врачей в деревни, чтобы они делали прививки местным жителям, стоит ли раздавать мешки риса? Или и то, и другое? Или ничего?

— Дюфло изучала роль женщины в развивающихся экономиках. Например, она задалась вопросом, исчезнет ли бедность, если миром будут править женщины. «Общепризнанно, что в Африке женщины отвечают за то, чтобы на столе была еда, поэтому дети оказываются в лучшем положении, когда ресурсы переходят к женщинам. Но нельзя рассчитывать, что независимость женщин сделает нас всех богатыми и здоровыми... Женщины получают больше ресурсов отчасти за счет мужчин. Иногда люди пытаются это игнорировать, утверждая, что мы создадим столько дополнительных ресурсов, что все выиграют. Я не думаю, что это так», — говорила она в интервью *FT*.

— В 2011 году в соавторстве со своим мужем и коллегой Абхиджитом Банерджи Дюфло написала книгу «*Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*», получившую признание *Financial Times* и *Goldman Sachs* и переведенную на 17 языков.

— В 39 лет она получила медаль Джона Бейтса Кларка — так называемую «мини-Нобелевскую премию», вручаемую Американской экономической ассоциацией молодым экономистам. Более трети обладателей этой премии в дальнейшем становились Нобелевскими лауреатами.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бондаренко В. С.

Проблемы таможенного администрирования в области обеспечения конкурентоспособности национальных предпринимательских структур..... 169

Бондаренко В. С.

Перспективы развития законодательной базы, обеспечивающей публичный и частный интерес в области таможенного предпринимательского посредничества 172

Бушин Е. В.

Терроризм как угроза национальной безопасности..... 176

Воробьев Н. В.

Понятие космического пространства и небесных тел, их правовой статус, проблемы реализации 178

Зарандия В. В., Боер А. Л.

Теоретические и практические проблемы взыскания процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами 182

Клычлиева Ю. Ч.

Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права..... 184

Кочеулов Ю. Ю.

Краткая характеристика сущности контролирующего должника лица..... 186

Малашенков А. А.

Основания для привлечения к субсидиарной ответственности в банкротстве 188

Переверзева А. М.

Правовое регулирование донорства и трансплантации в России и США 190

Петкина Е. И.

Банкротство физических лиц 195

Петкина Е. И.

Местное самоуправление в системе публичной власти 196

Пискорский Д. В.

Юридическая ответственность и критерии ее дифференциации 198

Пискорский Д. В.

Гражданско-правовая ответственность граждан и юридических лиц..... 200

Середа А. А.

Спорные вопросы реализации смертной казни..... 203

Середа А. А.

Проблемы нормативного правового регулирования корпоративных отношений 207

Серова Н. И.

Обеспечение прав несовершеннолетних участников административного процесса 210

Токмаков В. Е.

Некоторые вопросы исполнения организациями обязанностей по уплате налогов в делах о банкротстве 213

Черкасов С. И.

Налоговый контроль и его признаки 215

Шалашов В. К.

Сопоставление правовой системы Арабского Халифата и правовой системы Золотой Орды.. 218

Шевченко Т. Н.

Организационно-правовое положение Центрального Банка Российской Федерации .. 220

Шевченко Т. Н.

Акты реагирования прокурора как субъекта прокурорского надзора за предварительным следствием..... 222

Шевченко Т. Н.
Правовое регулирование экологических
рисков..... 225

Шевченко Т. Н.
Правовое положение прокуратуры по советскому
законодательству227

ИСТОРИЯ

Богданова Л. В.
Состояние дипломатического корпуса Турции
и России в XIX в. 230

Ломанов В. А.
Некоторые особенности процесса ликвидации
комитетов деревенской бедноты на территории
Петроградской губернии
(ноябрь 1918 — апрель 1919 г.) 232

Мыльцев В. А.
Позиция Франции на Парижской мирной
конференции 1919–1920 гг..... 235

Хачатрян Т. С.
Армения в I в. до н. э. Империя Тиграна II
Великого 238

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ibodova S. K.
Dynamics of the development of Uzbekistan-India
relations at the current stage..... 240

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы таможенного администрирования в области обеспечения конкурентоспособности национальных предпринимательских структур

Бондаренко Валерия Сергеевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, филиал в г. Пятигорске

В статье рассмотрены проблемные аспекты эффективного обеспечения конкурентоспособности национальных предпринимательских структур в глобальной экономике. Проанализированы особенности системы инструментов повышения конкурентоспособности отечественной промышленности. Выявлено и обосновано, необходимость применения мер таможенного регулирования для обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур.

Ключевые слова: таможенное регулирование; конкурентная борьба; таможенное администрирование; предпринимательский сектор.

Problems of customs administration in ensuring competitiveness of national business structures

Bondarenko Valeria Sergeevna, student of magistracy
Pyatigorsk branch of Plekhanov Russian University of Economics

The article considers problematic aspects of effective ensuring the competitiveness of national entrepreneurial structures in the global economy. The peculiarities of the system of tools to increase competitiveness of domestic industry were analyzed. The need to apply customs regulation measures to ensure the competitiveness of entrepreneurial structures has been identified and justified.

Keywords: customs regulation; competition; customs administration; business sector.

В связи с происходящими глобальными изменениями в мире был разработан ТК ЕАЭС, который учел, как государственные интересы, так и интересы представителей бизнес сообщества. Но тем не менее, вопросы публично-правового регулирования конкуренции и конкурентоспособности в этой сфере остаются достаточно дискуссионными и пробельными. На наш взгляд это обусловлено отсутствием единого методологического подхода к вопросу участия государства в системе регулирования конкурентной борьбы в области посредничества с таможенными органами. К тому же, глобальные изменения, касающиеся механизмов и функций государственного администрирования не раскрыты полностью ни в законодательной сфере, ни в научных трудах.

В этой связи, таможенное администрирование в области обеспечения конкурентоспособности предпринимательского сектора становится одним из актуальных вопросов функционирования свободного рынка в глобальной экономике. Тем не менее, есть авторы утвержда-

ющие о нецелесообразности использования данной системы, поскольку «невидимая рука» свободного рынка, рано или поздно расставит все на свои места в глобальной экономике [4]. Следовательно, по их мнению, государству незачем вмешиваться в эти отношения. Однако с данной позицией нельзя согласиться, поскольку на практике, данная теория не может функционировать полноценно, что подтверждается результатами эмпирических данных за последнее время.

Для поддержки своих национальных бизнес структур современные государства создают разнообразные мощнейшие структуры, не считая структур администрирования в области обеспечения конкурентоспособности предпринимательского сектора сформированных на наднациональном уровне. Все это позволяет искать и находить наиболее оптимальные пути развития конкурентной политики страны.

Любое демократическое государство старается регулировать на национальном уровне конкурентную поли-

тику, поскольку за любым органом публичной власти стоит не только бизнес сообщество, но и население страны в целом. С этой точки зрения активная конкурентная политика выступает, как система экономико-правовых возможностей, направленных на развитие страны. Следовательно, данная политика направлена на соблюдение интересов большинства. Однако подобная система имеет и обратную сторону медали, поскольку от ее реализации могут пострадать определенные игроки. Следовательно, встает не менее важный вопрос, касающийся государственной поддержки национальных бизнес структур в жесткой глобальной конкурентной борьбе. Государство старается поддержать своих предпринимателей на внешних рынках, путем минимизации отрицательных последствий.

Английский исследователь Джефф Малган в своем исследовании пришел к выводу, что основными элементами в существующих условиях глобализации экономик являются государства, так как они сами выступают как бренды [1, с. 89]. Упомянутый выше феномен проявлялся и до сегодняшнего дня, поскольку даже при советской власти считалось лучшей обувью югославская, а лучшими напитками — болгарские. Само собой, в те времена это обуславливалось во многом специализацией и кооперацией социалистического толка. Но тем не менее понятие «государство-бренд» на долго засело в головах потребителей.

Таким образом важнейшей задачей конкурентной политики становится идея достучаться до сознания потребителей. Но все же некачественно оказанная услуга или предоставленный товар в конечном счете, может за короткое время уравнивать или даже снизить престиж государства-бренда. В связи с этим, можно утверждать о существовании объективных взаимосвязей между конкурентоспособностью отечественных бизнес структур и позициям государств-брендов, т.е., об обусловленной закономерности.

С принятием Постановления Правительства РФ от 15.04.2014 N 328 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в качестве приоритетных направлений выделены ряд отраслей и производств. В частности, к ним можно отнести отечественное автомобилестроение; сельскохозяйственное машиностроение, отрасли пищевой и перерабатывающей промышленности; легкую промышленность; оборонно-промышленный комплекс; металлургию; лесопромышленный комплекс; современные средства индивидуальной защиты и многое другое.

Основной идеей реализации указанной программы становится на сегодняшний день формирование на национальном уровне конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, которая будет способна интегрировать в мировую экономику, путем саморазвития и разработки передовых промышленных технологий. Правильная реализация данной

программы нацелена на выпуск инновационной продукции, которая в свою очередь повысит обороноспособность страны.

Для успешной реализации указанной программы необходимо задействовать такие инструменты, как Федеральная целевая программа (далее — ФЦП), которая будет способствовать совершенствованию технологической базы и развитию отечественного промышленного комплекса. Чтобы реализация проекта проходила успешно органы публичной власти применяют целый ряд финансовых вливаний, повышающих эффективность промышленного и технологического потенциала (см. Рисунок 1).

Также успешной реализации способствует комплексная научно-исследовательская деятельность в данной области, осуществляемые в рамках государственных контрактов. Указанные и иные инструменты позволяют обеспечить выравнивание условий для товаропроизводителей.

Инструменты нормативно-правового характера обеспечивают устойчивое функционирование всех отраслей промышленности, позволяют создать благоприятные условия для внедрения инновационных и новотехнологических механизмов, регулируют таможенно-тарифные инструменты государственного администрирования и налогового стимулирования.

Из вышеизложенного можно заключить, что таможенное регулирование представляет из себя инструмент, способствующий реализации указанной Программы. В данном аспекте меры таможенного и таможенно-тарифного регулирования занимают особое место.

Указанные меры таможенного регулирования в рамках обеспечения конкурентоспособности предпринимательского сектора выходят за рамки таможенно-тарифного регулирования, поскольку они на практике регулируют дополнительные аспекты, выходящие за рамки данной деятельности, такие как квотирование, обложение специальными пошлинами и многое другое. С точки зрения ряда авторов, тарифные и нетарифные меры таможенного регулирования в рамках матрицы предпринимательства относятся к категории эксплицитной шкалы измерения [3, с. 29-35].

Изменения, происходящие в сфере нормативно-правового регулирования направлены в-первую очередь на повышение спроса и предложения, во-вторую, на улучшение процедуры выхода предпринимателей на новые или существующие рынки. Указанный аспект должен учитывать основной вектор, нацеленный на улучшение форм и методов конкурентной борьбы, как на внешних, так и на внутренних рынках в период глобализации и эксплицитной составляющей институциональной матрицы предпринимательства.

На современном этапе развития глобальной рыночной экономики конкурентная борьба за кошельки потребителей наблюдается не только в открытом противостоянии, поскольку наиболее лучший эффект достигается в борьбе за умы потребителей. Следовательно, можно ска-

Рис. 1. Цель, задачи и инструменты реализации государственной «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»

зять, что борьба ведется на стратегическом уровне, посредством формирования совместных компаний или филиалов на территории других государств. В этой связи, система таможенного регулирования строится на принципах привлекательности, т.е. упрощении процедур создания предприятий или их филиалов. С целью реализации указанных задач, государства адаптируют систему таможенных процедур, под необходимые принципы привлекательности.

Эксплицитным элементом анализируемой выше институциональной матрицы предпринимательства, является комплекс процессов и критерий, вытекающих из имплицитной компоненты. Чаще всего реакции имплицитного характера приводят не к тем эффектам, которые ожидалось при планировании на эксплицитном уровне. Таким образом к данной ситуации применимо выражение Черномырдина В.С., который сказал в свое

время «хотели, как лучше, а получилось — как всегда». В случае последовательной и правильной реализации мер, предусмотренных в программе таможенного регулирования, получится «как лучше». Однако, отдельные предприниматели пытаются иногда ходить не теми дорожками, которые предписаны нормативными правовыми актами, а запутанными коррупционными схемами. В этой связи как уместно употребление крылатого выражения Путин В.В. — у нас десятки человек пишут законы, а тысячи придумывают, как их обходить. И суть этого заключается далеко не в качестве законов, а в сознании людей, совершающих противоправные коррупционные деяния, исходя из личных представлений [2, с. 8].

В рамках института таможенно-тарифного регулирования, данный аспект вопроса выражается в установлении разных ставок ввозной таможенной пошлины, для различных предпринимателей даже в одной сфере предпри-

нимательской деятельности. Поэтому уполномоченные органы публичной власти должны детально отслеживать реакцию различных бизнес сообществ на институциональные модели, обеспечивающие конкурентоспособную

среду, функционирующую на принципах социальной справедливости, комплементарности, детерминизма, монетарности и транспарентности. Указанные меры не коем образом не противоречат последним.

Литература:

1. Малган, Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания ради всеобщего блага/пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. Ред. Я. Охонько. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. с. 89.
2. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений/пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос ун-та — Высшая школа экономики, 2010. с. 8.
3. Сорокин, М.А. Таможенное регулирование в институциональной матрице предпринимательства // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 3, с. 29-35.
4. Сорокин, М.А. Таможенное регулирование в системе инструментов государственного обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур // УЭКС. 2013. № 10 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennoe-regulirovanie-v-sisteme-instrumentov-gosudarstvennogo-obespecheniya-konkurentosposobnosti-predprinimatelskih-struktur> (дата обращения: 17.07.2020).

Перспективы развития законодательной базы, обеспечивающей публичный и частный интерес в области таможенного предпринимательского посредничества

Бондаренко Валерия Сергеевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, филиал в г. Пятигорске

В статье рассмотрены проблемные вопросы сочетания частных и публичных интересов в области таможенного предпринимательского посредничества. Проанализированы особенности государственного контроля со стороны таможенных органов и возложения на них функции ведения реестров таможенных представителей на саморегулируемые организации. Выявлено и обосновано, перспективное направление дальнейшего развития таможенной предпринимательской деятельности, заключающееся в организации саморегулируемых организаций и увеличения объема их прав.

Ключевые слова: таможенный представитель, частные и публичные интересы, таможенные органы, посредничество, саморегулирование.

Prospects for the development of the legislative framework for public and private interest in customs business intermediation

Bondarenko Valerija Sergeevna, student
Russian Economic University named after GV Plekhanov, branch in Pyatigorsk

The article addresses problematic issues of combining private and public interests in the field of customs entrepreneurial mediation. The peculiarities of state control by customs authorities and their assignment of the functions of maintaining registers of customs representatives to self-regulatory organizations were analyzed. It was revealed and justified that the promising direction of the further development of customs entrepreneurial activity consists in the organization of self-regulatory organizations and an increase in the volume of their rights.

Keywords: customs representative, private and public interests, customs authorities, mediation, self-regulation.

Институт таможенного посредничества укрупненно включает в институт коммерческого представительства, регулирование которого осуществляется в соответствии с гражданским законодательством. На практике же правоотношения в рамках данного института

могут регулироваться нормативно-правовыми нормами различных отраслей, что подчеркивает межотраслевой характер указанного правового института. Другой особенностью является специально установленный перечень субъектов. Это связано в первую очередь со спецификой

сфер предпринимательской деятельности: торговое мореплавание, фондовые биржи, страховое дело и другое.

Являясь разновидностью института представительства, таможенная предпринимательская деятельность регулируется дуально как гражданским законодательством, так и отраслевым таможенным законодательством. Таможенным посредником может выступать любое российское юридическое лицо, зарегистрированное на территории Российской Федерации в установленном законом порядке. Организационно-правовая форма указанного субъекта может быть различна, но тем не менее ему нужно получить специальное разрешение от органов государственной власти и быть включенным в реестр, соответствующий ряду оказываемых им услуг.

В целях получения разрешения и включения в реестр субъект, претендующий на осуществление таможенной посреднической деятельности, должен удовлетворять ряду требований, установленных таможенным законодательством. Требования, предъявляемые к кандидатам, могут включать требования в области кадров (наличие определенных специалистов в установленном количестве), обязательное страхование риска, «поручительство» уплаты субъектами внешнеторговой деятельности уплаты налогов и таможенных пошлин. Подтверждение соответствия установленным критериям является основанием для включения кандидата в соответствующий реестр. Это могут быть Реестр таможенных брокеров (представителей), Реестр таможенных перевозчиков, Реестр владельцев складов временного хранения или Реестр владельцев таможенных складов. Реестры ведутся центральным аппаратом Федеральной таможенной службы.

Таможенный посредник осуществляет представление интересов производителя, продавца или покупателя путем предоставления таможенных услуг, совершение фактических и юридических действий, способствующих перемещению материальных потоков через таможенную границу. К ним можно отнести таможенное оформление товаров и транспортных средств, логистические операции по перемещению и хранению продукции, находящейся под таможенным контролем. Помимо этого, субъекты таможенной посреднической деятельности выступают в качестве «поручителя» перед таможенными органами за уплату налогов и таможенных органов участниками внешнеторговой деятельности и несет солидарную ответственность с декларантом. В этом случае законодательство пытается нивелировать их риски путем действия институтов обязательного и добровольного страхования рисков таможенной деятельности.

Выступая в качестве таможенного представителя юридическое лицо дуально вступает в публично-правовые и частно-правовые отношения. Это обусловлено выполняемой им посреднической функций и необходимостью взаимодействия с несколькими сторонами: таможенными органами и участниками внешнеторговой деятельности.

Необходимо также отметить, что нормы, регулирующие деятельность субъектов таможенной предприни-

мательской сферы, могут носить как императивный, так и диспозитивный характер в зависимости от того, взаимоотношения с какой стороной регулируют. Иными словами, правовые нормы, регулирующие включение в реестр юридического лица, осуществляющего посредническую деятельность, уплату налогов и таможенных сборов, оформление обязательного страхования рисков таможенной предпринимательской деятельности и иные взаимоотношения с органами таможенного регулирования в большинстве своем носят императивный характер. Это связано с тем, что данные взаимоотношения связаны с государством и относятся к публично-правовым нормам.

Вместе с тем, нормы, регулирующие отношения таможенных посредников с участниками внешнеторговой деятельности, носят диспозитивный характер и определяются условиями заключенного договора. В данном случае указанные правоотношения классифицируются как частно-правовые и включаются в гражданско-правовой механизм. Таким образом, в части рассматриваемых правоотношений в таможенном законодательстве делается отсылка к Гражданскому Кодексу Российской Федерации.

Дуальный характер правоотношений в таможенной предпринимательской деятельности и их регулирование как таможенным, так и гражданским законодательством имеет большое значение. В этом заключается специфика и важность правового института таможенных посредников для организации эффективного и безопасного перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу. Так, в случае отсутствия взаимодействия таможенного посредника с таможенными органами, все установленные на гражданской основе правоотношения с иными участниками внешнеторговой деятельности не имели бы смысла. В этом проявляется и представительная функция субъектов, осуществляющих посредническую деятельность в таможенной сфере.

В этой связи также представляется возможным говорить о приоритете правоотношений, регулируемых таможенным законодательством, над гражданскими правоотношениями с декларантами или иными участниками внешнеторговой деятельности. Вместе с тем, анализ развития указанных правовых институтов позволяет сделать вывод об историческом первенстве гражданско-правовых отношений по отношению к таможенно-правовым.

Например, Г.В. Матвиенко указывает на комплексность и межотраслевой характер, поскольку в данном случае «правоотношение гражданско-правового характера, возникшее на основе договора, становится юридическим фактом для возникновения публично-правового — административного» [4, с. 68]. Исходя из такого подхода установления гражданско-правовых отношений послужили фундаментом для возникновения таможенно-правовых отношений.

Диспозитивный характер таможенной посреднической деятельности указывает на необходимость нахождения баланса интересов между частной и публичной сторонами. Особые сложности возникают ввиду наложения

частных и публичных интересов друг на друга, а также регулирования указанной сферы не только национальными нормативно-правовыми актами, а также международными договорами и иными международными правовыми актами.

По причине охвата предпринимательской деятельностью практически всех сфер жизни общества наличие всеобъемлющего законодательства не представляется возможным. Как отмечает А. В. Демин, весьма сложно «спрогнозировать долговременное развитие объекта регулирования и охватить его точной нормативной моделью» [1, с. 49].

Таможенный посредник находится на пересечении интересов публичной и частной сторон, при этом ему и необходимо найти указанный баланс между ними. По отношению к таможенным органам таможенный посредник будет исполнять обязанности по уплате налогов и таможенных пошлин в федеральный бюджет, что отражает преследование публичных интересов. По отношению к иным участникам внешнеторговой деятельности таможенные посредники будут выступать их представителями в соответствии с заключенным гражданско-правовым договором или соглашением и отстаивать частные интересы. Как можно видеть из примера, интересы частной и публичной сторон абсолютно разнонаправлены. Если таможенные органы заинтересованы в выполнении фискальной функции и увеличении пополнения федерального бюджета денежными средствами, то контрагенты таможенных посредников всегда будут стараться уменьшить издержки при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу.

Возникает также логичный вопрос о том, кто более заинтересован в осуществлении деятельности таможенного посредника, частная или публичная сторона. Интерес производителя, продавца или покупателя выражается упрощении для него процедуры таможенного оформления и перемещения товаров, поскольку таможенное законодательство весьма емкое, объемное и постоянно актуализируемое. В этой связи контрагент не столько беспокоит увеличение его затрат на оплату услуг третьих лиц, сколько риск нарушения таможенно-правовых норм и наложение на него штрафов и других видов санкций. Передача части функций по продвижению материального потока через таможенную границу позволяет участникам внешнеторговой деятельности сконцентрироваться исключительно на осуществляемой ими деятельности без риска разбирательства с таможенными органами. В таком аспекте частная сторона является весьма заинтересованной в деятельности таможенных представителей.

Необходимо также отметить, что не только коммерческий сектор получает преимущества таможенной предпринимательской деятельности, но и публичная сторона. Таможенные органы, выполняя государственные функции, в первую очередь ориентируются на неукоснительное соблюдение таможенного законодательства, установленных порядков и таможенных формальностей. Вместе с тем, они также заинтересованы в выполнении

всех стадий таможенного процесса эффективно и быстро, в чем им и помогает таможенный посредник. Посредник с точки зрения государства способствуют более эффективному формированию доходов бюджета при минимизации рисков, при этом оптимизируя и облегчая процесс таможенного перемещения товаров для более широкого круга участников экономической деятельности.

Таким образом, органы государственной власти в первую очередь заинтересованы в таможенных посредниках ввиду обладания необходимой компетенции и высокой квалификацией на рынке таможенных услуг. Данный тренд наглядно демонстрирует статистика привлечения юридических лиц, осуществляющих посредническую деятельность в таможенной сфере, при осуществлении ряда таможенных процедур, в общем количестве более половины подаваемых заявок обрабатываются указанными посредниками.

На сегодняшний день проведена реформа в сфере таможенного регулирования, направленная на цифровизацию таможенной деятельности, в том числе деятельности таможенных посредников. В 2015 г. был создан специальный информационный модуль в рамках работы цифровой платформы государственных услуг для осуществления цифрового взаимодействия с уполномоченными таможенными посредниками либо кандидатами на признание таковых. Эти действия способствовали упрощению ряда административных процедур, автоматизации таможенных процессов. В этом случае юридические лица, претендующие на включение в реестр и намеренные осуществлять таможенную предпринимательскую деятельность, вправе были подать заявление посредством электронных носителей и мониторить статус рассмотрения их заявления в режиме онлайн [6].

Данные нововведения позволили сделать процесс внесения кандидата в соответствующие реестры более простым, прозрачным и, что не менее значимо, гораздо быстрее. В указанном информационном модуле указываются также и данные соответствия рассматриваемых российских юридических лиц требованиям таможенного законодательства в целях включения в реестры. Одновременно была осуществлена интеграция платформенных решений, используемых Федеральной таможенной службой России и Федеральной налоговой службой России. Теперь при подаче комплекта документов в таможенные органы таможенные посредники могли не представлять сведения, поданные в налоговые органы и размещенные в информационных модулях.

Рассматривая заинтересованность публичной и частной сторон в деятельности таможенного посредника, необходимо также отметить и выгоды, получаемые самим посредником. Самая первая цель любого таможенного представителя — это извлекаемая экономическая выгода путем получения прибыли на систематической основе. Помимо этого, представляется важным наладить взаимосвязи с органами таможенной деятельности. Отсутствие стабильных отношений с указанными государ-

ственными органами могут привести к потере доверия, исключению из реестров и прекращению деятельности юридического лица.

Мы разделяем мнение А. В. Табаковой, которая считает, что в российской практике перед таможенными посредниками самой важной и существенной задачей является создание прочных отношений с таможенными органами, в том числе неформальных. Показатели деятельности таможенного посредника, получаемый им доход напрямую зависит от наличия хороших взаимоотношений с представителями таможенных органов, от их «благожелательности и щедрости» [7, с. 49].

Безусловно, такие действия формируют риск возникновения коррупции в таможенной сфере. Представителям таможенных органов гораздо легче осуществлять свою незаконную коррупционную деятельность с проверенным таможенным посредником, чем с часто меняющимися производителями, продавцами и покупателями. Например, таможенные представители могут завышать уплату участников внешнеэкономической деятельности, не информировать о наличии таможенных льгот и другое. Таким образом, неформальные отношения способствуют возникновению коррупции и, как следствие, деструктивному перекоосу всей системы таможенной предпринимательской деятельности.

Получение разрешения государственных органов на осуществление посреднической деятельности и включение в соответствующие реестры строго контролируется уполномоченными на это таможенными органами. Мы предлагаем уменьшить государственный контроль в этой сфере, перейдя от разрешительной системы, предполагающей получения одобрения соответствующих государственных органов на включение в реестры, к саморегулированию.

На сегодняшний день саморегулирование получило большое распространение в области строительства, аудита, консалтинга, фондовых бирж, ценных бумаг, теплоснабжении и другое. В соответствии с законодательным определением саморегулирование представляет собой самостоятельную и инициативную деятельность, осуществляемую субъектами предпринимательской деятельности. Ее правовая и экономическая сущность выражается в создании правил и порядков реализации предпринимательской деятельности, осуществлении контроля за соблюдением принятых стандартов и правил. Иными словами, наблюдается делегирование части государственных полномочий российским организациям, которые становятся ответственными за неукоснительное выполнение принятых ими самими требований и правил.

Здесь необходимо провести четкую границу, что саморегулируемые организации не подменяют деятельность

органов государственной власти, вместе с тем и не поглощаются государственным аппаратом. Мы согласны с мнением Ю. Г. Лесковой, которая считает, что указанные «механизмы должны функционировать во взаимодействии, дополнять друг друга с целью наиболее эффективного достижения поставленных целей» [3, с. 19].

Деятельность саморегулирующих организаций представляется весьма актуальной для рынка таможенных услуг. В первую очередь это связано с теневым рынком, на котором функционируют так называемые «серые» и «черные» брокеры. Саморегулирование будет способствовать сокращению количества таких организаций, занимающихся незаконной деятельностью, и организации более эффективного контроля за ними на рынке.

Например, национальным объединением таможенных представителей уже разработаны стандарты и правила саморегулируемой организации таможенных представителей, включающие требования безусловного выполнения положений таможенного законодательства [5]. В частности, регламентируются требования к заключению договоров на таможенные услуги, оказываемые таможенным посредником, оценочная деятельность таможенных услуг и другое.

Разрабатываемый данным объединением проект делает акцент на правила регулирования гражданских правоотношений таможенного посредника с иными участниками внешнеэкономической деятельности, вместе с тем не регламентирует порядок получения юридическим лицом статуса таможенного представителя. Авторами указанного проекта предполагается, что таможенные органы будут вести реестр, не выдавая разрешения на включение организаций с список, но в целях информированности государственных органов. При этом контроль будет осуществляться не за конкретными таможенными посредниками, а за саморегулируемыми организациями, в которых они входят [2]. Мы разделяем рассмотренный подход к реформированию таможенной предпринимательской деятельности и считаем, что необходимо проводить либеральную политику в полной мере, не ограничиваясь половинчатыми мерами.

Таким образом, подводя итог исследования необходимо отметить перспективное направление дальнейшего развития таможенной предпринимательской деятельности, заключающееся в организации саморегулируемых организаций и увеличения объема их прав. В частности, предлагается делегировать функции таможенных органов по ведению реестров на них. Саморегулирование будет способствовать достижению баланса между частными и публичными целями в сфере осуществления таможенной предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Демин, А. В. «Мягкое» право в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М., 2016. с. 49.
2. Кошкар, Е. Контроль качества услуг — дело бизнеса. URL: http://notp.ru/?page_id=294 (дата обращения: 20.07.2020).

3. Лескова, Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. с. 19.
4. Матвиенко, Г. В. Административные процедуры в таможенном праве / под ред. С. В. Запольского. М., 2008. с. 68.
5. Официальный сайт Национального объединения таможенных представителей. URL: [http:// notp.ru/?page_id=124](http://notp.ru/?page_id=124) (дата обращения: 20.07.2020).
6. Современные информационные технологии для развития института таможенных представителей. URL: [http://www. customs.ru/index. php?option=com_content&view=article&id=20847:2015-04-15-12-09-18&catid=40:201101-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835](http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20847:2015-04-15-12-09-18&catid=40:201101-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835) (дата обращения: 20.07.2020).
7. Табаков, А. В. Чьи интересы представляет таможенный представитель? Опыт изучения неформальных отношений в таможенной сфере // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 2 (54). с. 49.

Терроризм как угроза национальной безопасности

Бушин Евгений Вячеславович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шурухнов Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Терроризм является угрозой национальной безопасности в связи с масштабным применением насилия и серьезной угрозой стабильности мира. Для успешной борьбы с терроризмом необходима консолидация международных сил и официальное определение понятия терроризма.

Ключевые слова: терроризм, глобальная проблема, террористический акт, насилие, международный терроризм.

Terrorism as a threat to national security

Bushin Evgenij Vjacheslavovich, student

Scientific adviser: Shurukhnov Nikolay Grigorevich, doctor of legal sciences, professor
Kaluga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Terrorism is a threat to national security due to the large-scale use of violence and a serious threat to the stability of the world. The successful fight against terrorism requires the consolidation of international forces and a formal definition of terrorism.

Keywords: terrorism, global problem, terrorist act, violence, international terrorism.

Согласно Указу Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» терроризм объявлен одной из основных угроз государственной и общественной безопасности. В документе обозначены основные опасности, которые несет терроризм: насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [1].

Проблема терроризма в Российской Федерации достигла высоких показателей с конца XX века, разрастаясь, достигая все большей зоны поражения с каждым десятилетием. В настоящее время терроризм несет «серьезную угрозу стабильности и безопасности социального мира и прогрессу человечества» [2]. Что говорит об актуальности проблемы.

Для успешной борьбы с терроризмом необходимо определить точную формулировку данного понятия, что в настоящее время весьма сложно. Среди исследователей данного термина нет однозначного ответа на вопрос, что же является терроризмом.

Ряд специалистов считают терроризмом любые проявления насилия, направленного на нарушение общепринятых демократических прав и свобод человека.

Данный подход вызывает вопросы. Уголовная ответственность в России наступает за такие проявления насилия, как убийство, нанесение побоев, истязание, умыш-

ленное причинения вреда здоровью разной тяжести, доведение до самоубийства и другие действия, осуществляемые с использованием метода насилия (физического или психологического). При рассмотрении дел необходимо учитывать мотивы и цели преступника, отделяя преступления на почве материальной или личной заинтересованности (как и бытовые случаи) от терроризма, в основе которого дестабилизация жизни общества.

Другие ученые считают терроризмом определенные нарушения законов, обозначенные в законодательной базе. Представленная формулировка обширна, допуская разнообразные трактовки законов.

Соответственно данные точки зрения определяют главными признаками фактор насилия, приводящий к нарушению основ правовой базы государства, выраженной в покушении на официально закрепленные общественные и политические постулаты.

Третьи выдвигают идею о борьбе за права против государства силами «оппозиционных группировок» [2]. Данная точка зрения весьма спорна в виду определенной опасности трактования, позволяя оправдывать террористические акты посредством обвинения власти в применении карательных функций. Тем самым утверждая идею о сопротивлении политике государства в связи с несогласием или иным видением реальности. Следует помнить, что важнейшей функцией государства является обеспечение правопорядка и защита прав граждан, а несогласие с властью выражается в мирном законодательном порядке.

Схожие идеи выдвигают и последователи Б. Клозье утверждающего тождественность терроризма и политики государства, как «мотивированного насилия с политическими целями» [3].

Данные представления не способствуют консолидации общества, в связи с попытками понять и оправдать лиц, совершающих террористические действия, что не позволяет выработать слаженную позицию по борьбе с насилием.

Приведенный список определений терроризма не полный, но он отражает тенденции в понимании смысла данного понятия. Одни ученые твердо убеждены, что терроризм является преступлением в независимости от мотивов инициаторов или исполнителей; другие, готовы оправдать террористические действия, основываясь на внутренних побуждениях и внешней среде.

Нет единства в понимании и особенностей терроризма.

Во-первых, одни ученые утверждают, что терроризм «представляет собой нечто новое, не имеющее прецедента в истории» [3]. Соответственно, отдельные, не связанные общностью целей и мотивов события и действия не предполагают детального изучения и не являются серьезной проблемой.

Во-вторых, согласно точке зрения других ученых, терроризм является «реакцией на несправедливость, а террористы — фанатики-идеалисты» [3]. Подобное мнение вызвано разнообразными причинами: пониманием действий террористов, вызванных социальной несправедли-

востью и борьбой за равное общество и демократическое государство; притеснениями отдельных лиц (народов, групп), выраженных в ущемлении прав человека; идеологическими причинами, кроющимися в особом, отличном от политики государства понимании строения общества.

Тем не менее, большинство исследователей проблемы выделяют общее содержание, формы и характерные черты терроризма.

В содержание терроризма входят определенные процедуры, которые включают:

планирование и организацию терактов; пропаганду терроризма, вербовку последователей идей и целей террористов; разнообразные формы насилия над человеком, уничтожение предметов материальной культуры и объектов исторической ценности; насильственный захват власти и установление нового правления; использование репрессий в отношении сторонников старого режима; создание атмосферы страха путем проведения акций устрашения и терактов против населения; использование разнообразных форм насилия (угрозы, теракты, массовые убийства, пытки, захват заложников и пр.); точечные убийства наиболее влиятельных фигур государственной власти и общества; развертывание центров по вербовке и подготовке последователей; поиски и использование финансов и влияния лояльных лиц и государств; создание международных террористических сетей и т. д.

Главными формами терроризма являются — террористическая агрессия, террористическая акция, преступления, имеющие особенности терроризма. Террористическая агрессия выступает в качестве масштабного теракта, осуществляемого преимущественно силами международного терроризма в целях низвержения власти. Террористическая организация может включать представителей разных народов и разных стран. В ряде случаев, такие сообщества могут иметь и официальную поддержку государств в форме дипломатической помощи и (или) использовании военного контингента. Такая форма терроризма представляет собой значительную мощь, побороить которую может только сильное и стабильное государство.

Террористическая акция представляет собой осуществление отдельных преступлений, которые могут быть различны по объему причинения ущерба и по характеру. Подобные акции всегда наносят урон населению.

Преступления, имеющие признаки терроризма могут представлять как нагнетание обстановки в государстве (волна не подтвержденных слухов), так и выражаться в реальной угрозе (диверсия на предприятии, приводящая к выбросу вредных веществ и массовой гибели людей).

Террористы руководствуются изощренными методами, включающими ряд видов. К первому относится действия против человека: причинения вреда здоровью или приводящие к смерти; осуществление насилия против человека; захват заложников и похищение лиц и т. п. Второй вид состоит из следующих действий: захват государственных объектов, зданий и организаций; диверсии на предприятиях; разрушение объектов куль-

туры; и т. п. Третий вид основан на попытках подчинения и привлечения терроризму: шантаж представителей власти; распространение лжеинформации о высоком предназначении террористов и праведности их целей; вербовка и подстрекательство.

Соответственно, терроризм многогранен и смертоносен. Террор всегда сеет страх и приносит потери, в какие бы формы не был облачен террорист (борец против системы, борец за права меньшинств, борец за правую веру и пр.) итогом его деятельности всегда будут преступления и поверженные люди.

Несмотря на то, что в тексте Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций (60/288) прописано, что «терроризм не может и не должен ассоциироваться с какой-либо религией, национальностью, цивилизацией или этнической группой» [4] в мировом сообществе единство отсутствует.

Разнообразная трактовка терроризма не позволяет осуществлять международное сотрудничество в борьбе с террористами без разногласий. Терракт может расцениваться как серьезное преступления против населения для одного государства, однако, террористы, совершившие его, могут быть оправданы и возведены в положение борцов за свободу (права) в другом государстве.

Известны примеры невыдачи террористов России странами Европы в связи с несогласием с обвинениями их в терроризме, несмотря на обширную доказательную

базу и исчерпывающие свидетельства (видеоматериалы, рассказы очевидцев и жертв).

Не менее важным являются внутренние определения терроризма в государствах. К примеру, несанкционированные действия (не имеющие официального разрешения) в Северной Ирландии трактуются в Великобритании в качестве проявления террористической активности. Движение Хезболла (ливанская шиитская организация), признана террористической организацией в ведущих странах мира, при этом, поддерживаемая такими государствами, как Иран и Сирия, в ряде стран не отмечена, как террористическая группа.

Полная победа над терроризмом как глобальным явлением возможна при полном согласии стран, выработке единого документа, отражающего теоретические особенности понятия и практические меры по борьбе с явлением и его последователями.

Доля преступлений террористического характера и экстремисткой направленности от общего числа зарегистрированных преступлений в России за январь 2020 г. составила 0,11% [5]. Российская Федерация на протяжении десятилетий успешно борется с терроризмом. В настоящее время безопасность граждан под защитой силы закона, пропаганды неприятия любых форм насилия против власти и личности. Тем не менее, необходим постоянный мониторинг террористических настроений и совершенствование методов борьбы с терроризмом.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — 31 декабря.
2. Дмитриев, А.И., Максимов А.В. Теоретические основы терроризма. Определение экономического ущерба при оценке эффективности общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. — 2017. — № 1 (76). — с. 13-18.
3. Дмитриев, А.И. Терроризм как угроза национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. — 2018. — № 1 (79). — с. 45-51.
4. Зонов, Ф. Международный терроризм и международный опыт борьбы с ним // Власть. — 2011. — № 12. 103-106.
5. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики информационных технологий. Состояние преступности в России. // Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС. — За январь 2020 год.

Понятие космического пространства и небесных тел, их правовой статус, проблемы реализации

Воробьев Никита Владимирович, студент
Саратовская государственная юридическая академия, Смоленский филиал

Статья посвящена понятию космического пространства, небесных тел с точки зрения права. В ней сравниваются понятия «космическое пространство» и «воздушное пространство». Также рассматривается их правовой статус, как и проблемы, возникающей в процессе реализации норм права, регулирующих данные понятия. Данная статья охватывает такой вопрос, как «космический туризм» и правовое регулирование статуса лиц, которые совершают полет.

Ключевые слова: космическое пространство, небесное тело, космос, космический объект, воздушное пространство, международное право, демилитаризация космического пространства.

The article is devoted to the concept of outer space, celestial bodies from the point of view of law. It compares the concepts of «outer space» and «airspace». Their legal status is also considered, as are the problems arising in the process of implementing the rules of law governing these concepts. This article covers the issue of «space tourism» and the legal regulation of the status of persons who fly.

Key words: outer space, celestial body, space, space object, airspace, international law, demilitarization of outer space.

Понятие «космическое пространство» используется в Договоре по космосу 1967 г. 37 раз, не считая остальные международные акты, однако определение данного понятия в международном космическом праве не выработано. Если исходить из смысла упомянутого ранее договора, космическое пространство и небесные тела признаются «предметами, изъятыми из оборота», то есть не могут быть кем-либо присвоены и находятся в общем пользовании, но в то же время не считаются «общей соб-

ственностью», или «общей вещью». Договор по космосу считает «достоянием всего человечества» итоги деятельности по изучению и использованию космоса, но не его самого [1, ст. ст. 1-2].

Чтобы выработать понятие «космического пространства» необходимо детально изучить его отличие от воздушного пространства, с которым у них различные правовые режимы. Приведем несколько критериев для сравнения в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение «космического» и «воздушного пространства»

Критерий сравнения	Космическое пространство	Воздушное пространство
Принадлежность	Никому не принадлежит; общее пользование	Территориальный суверенитет
Использование	Свободно для всех государств	С разрешения государства, которому оно принадлежит
Использование вооружения	Запрет на размещение ядерного и иного оружия массового поражения	Ограничения отсутствуют
Изучение	Нет обязанности исследования во благо и в интересах всех стран	Обязанность исследования во благо и в интересах всех стран
Ответственность	Государства несут материальную ответственность за всю национальную деятельность в космическом пространстве	Государства не несут материальную ответственность за причиненный ущерб воздушными судами, принадлежащими юридическим лицам
Реестр судов	Каждое судно занесено в реестр	Международный реестр отсутствует
Получение информации о Земле	С помощью зондов; не ограничено	Запрещено зондирование на территории иностранных государств без установленных соглашений

В правовой науке в основном преобладают два подхода к разграничению космического и воздушного пространства: пространственный и функциональный. В свою очередь первый можно подразделить еще на две группы: одни исследователи предлагают найти природную физическую границу между этими пространствами, другие считают необходимым закрепить в договорном порядке границу на условной высоте.

Сторонники функционального подхода считают надземное пространство неделимым, объединяющего два правовых режима: космический и воздушный [2, ст. 69]. Следовательно, ввести общепризнанное определение космического пространства в международных соглашениях с отчетливыми пределами по нижней высоте пока не представляется возможным. Этот вопрос остается на повестке дня Комитета ООН по космосу и в настоящее время.

На заседаниях Юридического подкомитета Комитета ООН по мирному использованию космического пространства многие страны многократно выступали с предложениями относительно путей решения данной проблемы. Одна из позиций, которую поддерживает Российская Федерация, исходит из того, что необходимо определить границу в договорном порядке, что космическое пространство начинается на высоте, не более ста десяти километров над уровнем Океана [3, ст. 27].

По нашему мнению, наиболее полно отражает сущность понятия «космическое пространство» следующее определение, которое необходимо закрепить в международном законодательстве: «Космическое пространство — это относительно пустые участки Вселенной, которые лежат вне границ атмосфер небесных тел, и в которых движутся различные космические объекты: галактики,

звезды, планеты и т. д., включающие межгалактическое пространство (дальний космос), межзвездное и межпланетное пространство (ближний космос), правовой режим которых определяется международным космическим правом».

Теперь попытаемся разобраться со смыслом понятия «небесное тело» с помощью анализа ряда норм международного космического права.

Например, в пункте 1 статьи 1 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах, говорится «положения настоящего Соглашения, относящиеся к Луне, применяются также к другим небесным телам Солнечной системы, помимо Земли, за исключением тех случаев, когда вступают в силу конкретные правовые нормы в отношении любого из этих небесных тел». Затем, в пункте 3 указанной статьи упомянутого соглашения сказано «настоящее Соглашение не применяется к вземным материалам, которые достигают поверхности Земли естественным путем».

Таким образом, под «небесным телом» подразумевается вся естественная вземную материя, которая находится в космическом пространстве в пределах Солнечной системы. Как следствие, отталкиваясь от норм Соглашения о Луне, под данное понятие подпадает все вещество естественной природы, которое находится в космическом пространстве, что с позиции права, как мы считаем, невозможно считать правильным.

Наиболее точным определением, как нам кажется, является определение, данное Малковым С. П., которое мы и предлагаем внести в международные правовые нормы: «Под небесным понимается пригодный для освоения и использования естественный объект природного происхождения, находящийся в космическом пространстве на орбите вокруг Солнца, либо на орбите вокруг иного, большего по размерам небесного тела, обладающий достаточной гравитацией, необходимой для оборудования на данном природном объекте или на его орбите обитаемой космической станции» [3, ст. 113].

Что же касается правового режима космического пространства и небесных тел, то он тесным образом связан с отдельными общими принципами космической деятельности, следовательно, его необходимо рассматривать в связи с этими принципами, которые содержатся в договоре 1967 г. по космосу.

Страны, подписавшие Договор, занимаются изучением и использованием космического пространства, включая спутник земли — Луну, а также иные небесные тела, в соответствии положениями международного права, в частности Уставом Организацией Объединенных Наций. Из этого можно сделать вывод, что область использования международного права расширилась, к территориям и пространству на Земле добавилось также и космическое пространство. Все это определяется интересами всех стран, а также всего человечества.

Исследование и использование космического пространства осуществляется в интересах всех стран, вне

зависимости от уровня их экономического и научного развития, и являются общим достоянием, включая результаты деятельности по исследованию и использованию космоса. Соглашением о деятельности государств на Луне и других небесных телах установлено, что Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества. Однако стоит уточнить, что в международных нормах предусмотрено: космос и небесные тела не могут рассматриваться в качестве «общей вещи» или «общей собственности». Они только находятся в его общем пользовании. Всякое присвоение таких объектов недопустимо. Подобные объекты должны использоваться на справедливой и разумной основе чтобы обеспечивать паритет всех участников международно-правовых отношений в использовании этих объектов.

Применительно к небесным телам общим наследием человечества являются как сами небесные тела, так и их ресурсы, добытые и добытые в перспективе. Договор 1967 г. по космосу зафиксировал положение о том, что «космическое пространство ... не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» (ст. II). Тожественное положение закреплено в ст. 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах. На Луне объявляется свобода научных исследований с учетом равенства всех участников и отсутствием дискриминации.

Наряду с этим, страны, участвующие в соглашении, приняли обязательства установить международный режим для урегулирования использования природных ресурсов Луны, когда появится возможность такого использования. Данный режим устанавливается в целях упорядочения и безопасного освоения природных ресурсов Луны, рационального их регулирования, «справедливого распределения между всеми государствами-участниками благ, получаемых от этих ресурсов, с особым учетом интересов и нужд развивающихся стран, а также усилий тех стран, которые прямо или косвенно внесли свой вклад в исследование Луны».

Космическое пространство доступно для исследования и использования всеми государствами без дискриминации, на основе паритета, при свободном доступе во все участки космических объектов. Принцип свободы исследования и использования космического пространства и небесных тел включает в себя также научное исследование. Одним из главных положений космического права стал принцип частичной демилитаризации космического пространства и полной демилитаризации небесных тел, в частности Луны. Это означает, что государства-участники обязуются не размещать на орбите Земли объекты с ядерным оружием или иными видами оружия массового уничтожения, не устанавливать его на небесных телах и не размещать его в космическом пространстве иными способами.

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. устанавли-

вает дополнительные ограничения военной деятельности государств: на Луне наложен запрет на угрозу силой или применение силы, любые другие враждебные действия или угроза их совершения; запрещено использование Луны для совершения любых подобных действий или применения любых подобных угроз в отношении Земли, космических кораблей, их персонала или искусственных космических объектов. Однако, стоит отметить, что участие на Луне военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей допускается.

Ограничение военной деятельности в космосе и на небесных телах предусматривается также и другими международными актами, к примеру, в Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Космическое право появилось достаточно давно и входит в состав международного права, тем не менее в нем продолжает сохраняться ряд пробелов и отдельных не определенных вопросов. Одной из таких неопределенностей можно назвать правовой статус космических туристов.

С развитием технологий полета в космос все доступнее становится космический туризм на коммерческой основе. Кроме того, в связи с перспективным освоением Марса, все острее становится вопрос о космических пассажирских перевозках. Поэтому появляется все большая необходимость в определении правового статуса лиц, которые совершают полет. Очевидно, этот статус не может быть идентичен статусу космонавтов на профессиональной основе. Правому статусу космических туристов необходима серьезная широкая и разноплановая доработка. На данный момент пробелом продолжают оставаться вопросы о разделении ответственности между туристом, туроператором и исполнителем соответствующей услуги, гарантировании безопасности космических туристов, особенностям отбора, предполетной подготовки и другие. Эти вопросы выносятся на государственный, а также международный уровень, с целью обеспечения такой деятельности и контроля за ее осуществлением.

Так, например, Закон РФ от 20 августа 1993 г. N 5663-I «О космической деятельности» в ред. от 15 апреля 2019 г. содержит следующее положение: «граждане Российской Федерации, выразившие желание участвовать в космических полетах и отвечающие установленным профессиональным и медицинским требованиям, отбираются для подготовки и осуществления космических полетов на основе конкурса». Данное положение регулирует отбор профессиональных космонавтов, однако возникает вопрос: «Будет ли иметь место отбор среди желающих отправиться в полет не на профессиональной основе как пассажира?». На данный момент ответа в законодательстве РФ не содержится.

Однако, уже сейчас можно точно утверждать, что на всех членов экипажа, включая космических туристов, будут распространяться условия «Соглашения о спасении

космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство».

Еще одной из проблем, существующих в международном космическом праве, можно выделить высотную делимитацию воздушного и космического пространств. Согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ «Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними». Соответственно возникает вопрос, как установить вертикальные пределы воздушного пространства государства и начало космического пространства. Как и в международном праве, так и в национальных законодательствах государств не содержатся никаких норм, которые устанавливали бы границу между этими пространствами. Но на практике между странами сложилось соглашение, о котором говорилось ранее. Данная нечеткость высотного предела становится особенно актуальной в случае пересечения национального воздушного пространства в ходе запуска и посадки космических аппаратов. Каждое государство пытается найти решение этой проблеме. Например, согласно ст. 19 п. 4 Закона РФ «О космической деятельности»: «Космический объект иностранного государства может осуществлять одноразовый безвредный пролет через воздушное пространство Российской Федерации с целью запуска такого объекта на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство, а также с целью возвращения его на Землю при условии заблаговременного уведомления соответствующих служб Российской Федерации о времени, месте, траектории и иных условиях такого пролета» [4, ст. 101].

Еще одна проблема — регулирование некоторых вопросов в отношении геостационарной орбиты. Геостационарная орбита (ГСО) представляет собой круговую орбиту, которая расположена над экватором на высоте 35 786 км над уровнем моря находясь на которой, искусственный спутник вращается вокруг Земли с ее же скоростью. Подобное расположение спутников очень удобное, так как спутник всегда будет неподвижен относительно точки на экваторе. Однако размещение спутников в данной области ограничено, так как, находясь друг от друга на слишком близком расстоянии, их радиоаппаратура будет вызывать помехи. В связи с этим появились длительные споры о правовом статусе ГСО и о порядке ее использования. Ее международно-правовой статус на сегодняшний день не определен в специальном порядке, а лишь вытекает из положений Договора по космосу, Соглашения о Луне и других международно-правовых актов. В соответствии с ними, ГСО — это часть космического пространства, а значит на нее распространяются нормы и принципы международного права, в отношении данного пространства.

Актуален и вопрос добычи полезных ископаемых в космосе. К примеру, в 2012 году американская компания «Planetary Resources», приняла решение заниматься поиском полезных ископаемых в космосе, однако в отно-

шении данного вопроса, правовое регулирование добычи полезных ископаемых в космосе неоднозначно. Согласно договору о космосе, добыча ресурсов в космосе не запрещается до тех пор, пока горнодобывающая станция фактически не представляет «захвата» части космического пространства. В отношении добычи на астероидах, существующая в этом договоре норма, позволяет несколько обойти данное правило. Например, там сказано «небесные тела не могут присваиваться странами», следовательно, это не исключает возможности добывать ресурсы на астероидах частными компаниями, либо позволяет оформить добычу ресурсов как использование, а не присвоение астероида. Такой прецедент уже существует, когда в ходе миссии Аполло, NASA доставила на Землю несколько сотен килограмм лунных пород, что считалось исполь-

зованием Луны, а не ее присвоением. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, принятое ООН в 1984 году, отчасти уточнило права на ведение горнодобывающей деятельности в космосе: «Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества». Соглашение о Луне не было ратифицировано, в итоге пункт Договора по космосу о добыче природных ресурсов остается все также без уточнения.

Настоящий пробел возможно устранить с помощью принятия норм по аналогии с международным морским правом. Согласно ст. 137 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, ни одно из государств не вправе претендовать на суверенитет... и ни одно государство, физическое или юридическое лицо не может присваивать какую бы то ни было часть морского дна или его ресурсов».

Литература:

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. — Текст: электронный // Организация объединенных наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 18.12.2019).
2. Зюбанов, Ю. А. Статус космического пространства // Специализированный ежемесячный журнал «Юрист». 2008. № 1;
3. Малков, С. П. Международное космическое право: учеб. пособие. СПбГУАП. СПб., 2002. — 344 с.
4. Огородов, Д. «Право на космос» // Вокруг света. 2008. № 2814. — с. 100–108.

Теоретические и практические проблемы взыскания процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами

Зарандия Виталий Валерьевич, студент магистратуры;

Боер Артем Львович, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассмотрен ряд проблемных вопросов относительно взыскания процентов за неправомерное использование чужих денежных средств, исследованы трудности применения данного института в современных условиях.

Ключевые слова: проценты, денежные средства, незаконное пользование, убытки, неустойка

Проблема взыскания процентов за нарушение денежных обязательств долгое время являлась предметом бурных научных споров. В последние годы, в связи достаточно устоявшейся правоприменительной практикой дискуссии несколько стихли, что создало иллюзию неактуальности проблематики определения правовой природы взыскания процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами. Однако, вопрос адекватности правового регулирования данного правового института, по нашему мнению, не теряет своей актуальности, поскольку обеспечение надлежащего исполнения денежных обязательств является одной из ключевых задач субъектов договорных правоотношений, доказательством чему может служить масштаб-

ность злоупотреблений в данном правовом сегменте, а также большое число судебных споров. Законодателем не решены все возникшие в рассматриваемой сфере проблемы, да и сама судебная практика, нередко противоречивая по своей природе, планомерно вносит новые и достаточно спорные вопросы, что также повышает научный интерес к проблемам взыскания процентов за незаконное использование денежных средств, не принадлежащих субъекту.

Согласно п.1 ст.395 ГК РФ в рамках неисполнения денежных обязательств за неправомерное пользование чужими денежными средствами законом установлен специальный вид ответственности — взыскание процентов на сумму долга в случаях уклонения должником от возврата

денежных средств, их удержания или любого вида просрочки в уплате денежных средств.

Проценты за незаконное пользование чужими денежными средствами (проценты по ст.395 ГК РФ), по их правовой природе, нельзя считать платой за пользование денежными средствами, они являются своеобразной санкцией, применяемой к недобросовестному должнику за совершенное им правонарушение. Взыскание процентов за незаконное пользование принципиально отлично от уплаты должником процентов по денежному обязательству (ст.317.1 ГК РФ) или выплаты законной неустойки, и по общему правилу данная санкция имеет зачетный характер относительно понесенных убытков кредитором.

Стоит отметить, что проблема ответственности за использование чужих денежных средств в число новелл современного гражданского права не входит, поскольку взыскание процентов как санкция было известно еще дореформенному законодательству. Так, ст.395 ГК РФ предшествовали положения ст.226 ГК РСФСР, п.3 ст.66, ч.2 п. 3 ст.133 Основ гражданского законодательства СССР 1991 года. Однако современный Гражданский кодекс РФ как структурно и терминологически, так и концептуально определил институт процентов за использование чужих денежных средств несколько по-иному, что не только не разрешило ключевых проблем правового регулирования новых хозяйственных отношений, но и поставило перед правоприменительной практикой ряд сложных вопросов.

Ниже рассмотрим некоторые проблемы теории и практики правоприменения положений о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, нерешенность которых свидетельствует о неполноценности их компенсационной функции.

В целом отечественной теории и правоприменительной практике отрицается отнесение института взыскания процентов по ст.395 ГК РФ к охранительным обязательствам. Однако, в отдельных научных трудах учеными-цивилистами высказываются теоретические позиции, согласно которым предлагается учитывать все многообразие правовых фактов, которые порождают обязанность возмещать убытки, в связи с чем необходимо различать правовую природу понесенных убытков и, соответственно, предлагается совместное начисление и взыскание как убытков, так и процентов по ст.395 ГК РФ [1]. В частности, защитный характер убытков в зарубежном законодательстве не препятствует совместному их взысканию вместе с процентами. К примеру, согласно п.1153 ГК Франции по отношению к убыткам установлен штрафной характер процентов как по денежным, так и относительно неденежных обязательств.

В отечественном гражданском праве уже стало традиционным относить взыскание убытков к охранительным денежным обязательствам. При этом взыскание процентов по ст.395 ГК РФ, обладая аналогичной компенсационной природой в силу охранительного характера данных требований, убытки и проценты содержат в себе

разную экономическую природу, имеют различный правовой механизм взыскания и регулирования, в связи с чем убытки и проценты являются самостоятельными формами гражданско-правовой ответственности. Исходя из этого мы приходим к выводу, что недопустимо одновременное начисление и взыскание на сумму денежного долга убытков и процентов.

Также считаем, что решение вопроса о начислении и взыскании процентов по ст.395 ГК РФ на сумму неустойки и убытков лежит в определении правовой природы этих притязаний. Если за основу взять традиционную классификацию охранительных и регулятивных обязательств, то бесспорно, что убытки и неустойка относятся к охранительным требованиям. Однако не все охранительные требования в равной степени тесно связаны с обязательствами, которые их породили [2]. Таким образом, встает вопрос о том, какую долю автономии приобретают требования о возмещении ущерба и выплате неустойки и с какого момента такие требования от основного обязательства становятся независимыми (что в практике правоприменения называется «основным долгом»).

В отношении неустойки традиционную позицию по этому вопросу занимает Е. А. Суханов, который считает, что требование о ее взыскании является составной частью обязательства, подлежащего покрытию неустойкой, усиливая тем самым акцессорный характер неустойки [3].

Традиционная позиция оправданно критикуется в современных исследованиях, а также опровергается правоприменителем [4]. Так, например, в одном из дел во взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами было отказано в связи с просрочкой выплаты суммы долга, присужденного решением суда, но не в связи с недопустимостью применения такой санкции, а в связи с тем, что использование ответчиком денежных средств истца не было доказано в связи с их ненадлежащим удержанием [5]. В другом деле суд также разрешил возможность взыскания процентов за использование чужих денежных средств в размере, установленном судом, при условии, что вина ответчика в неисполнении решения суда будет доказана [6].

В теории гражданских правоотношений существует точка зрения, что правоотношения сами по себе могут быть юридическим фактом и влечь за собой возникновение новых правоотношений. Эта теория в полной мере применима к ситуации, когда с момента вынесения судебного решения «основной долг» как обязательство и новое обязательство по возмещению убытка и неустойки разделены, а требование об убытке или неустойке, хотя и является защитным, но юридически не зависит от основного обязательства. Обязательство по уплате «основного долга» и вступившее в законную силу решение суда представляют собой сложную юридическую структуру, которая порождает отдельное требование о выплате процентов.

Таким образом, неустойка и убытки, начисленные по решению суда, представляют собой самостоятельное обязательство денежного характера, которое позволяет на-

числять проценты за использование чужих денежных средств в случае неисполнения решения суда.

В заключение отметим, что взыскание процентов за использование чужих денежных средств — это одна из эффективных форм защиты прав хозяйствующих субъектов. Являясь одной из форм гражданско-правовой ответствен-

ности, взыскание процентов по ст.395 ГК РФ достаточно широко применимо на практике. При этом, ряд проблем, несмотря на реформирование гражданского законодательства, все таки остается, что требует доскональной проработки данных вопросов и упорядочивания рассматриваемого правового института.

Литература:

1. Васильева, А. М. Правовая природа процентов за пользование чужими денежными средствами // Марийский юридический вестник. 2017. № 2 (21). с. 47–48.
2. Борисова, А. А. Взыскание неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами // Юрисконсульт в строительстве. 2014. № 3. с. 65–69.
3. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011.
4. Дечко, Е. С. Актуальные вопросы взыскания процентов за неисполнение денежных обязательств // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 9 (43). с. 517–519
5. Решение Братского городского суда Иркутской области от 29 ноября 2019 г. по делу № 2–2283/2019 // СудАкт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/>
6. Решение Мончегорского городского суда Мурманской области от 1 сентября 2017 г. по делу № 2–661/2017 // СудАкт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/>

Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права

Клычлиева Юлия Чарыевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор анализирует актуальные проблемы уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, актуальные проблемы, российское право, уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, пенитенциарные учреждения, пенитенциарная система, Федеральная служба исполнения наказания, реформирование, развитие общества, повышенная криминализация мест отбывания наказания, защита прав и свобод осужденных, адаптация, реабилитация.

Уголовно-исполнительное право является одной из отраслей российского права, которое нуждается в постоянном реформировании и развитии, поскольку от правового состояния данной отрасли зависит криминальная обстановка в стране, развитие общества в целом, а также многие социальные и юридические аспекты, имеющие важнейшее значение для всего государственного аппарата и общества в целом. Уголовно-исполнительное право в соответствии с нормами ст.1 Уголовно-исполнительного Кодекса РФ [1] преследует цели исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и иными лицами. Задачами уголовно-исполнительного права, в то же самое время, является оказание помощи осужденным в социальной адаптации, защита прав и свобод осужденных, определение средств исправления осужденных. Высокий уровень рецидивной преступности в российской уголовно-исполнительной системе, низкая эффективность исправительных учреждений и большие проблемы в социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших наказание в российских пе-

нитенциарных учреждениях прямо указывают на наличие серьезнейших проблем в российском уголовно-исполнительном праве, системе исполнения уголовных наказаний и всей пенитенциарной системе в целом. Низкую эффективность уголовно-исполнительной политики государства подтверждает официальная статистика МВД РФ за январь-декабрь 2018 г. Согласно приведенным данным почти каждое второе преступление (58,3 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления [5].

Многими авторами и исследователями отмечается, что Федеральная служба исполнения наказания (ФСИН) давно утратила свои функции и перестала соответствовать своей цели и прямому назначению. Как отмечает в своем докладе В. Л. Торопов, рецидивная преступность в России — это следствие некомпетентности и непрофессионализма сотрудников ФСИН и бесполезности пенитенциарной системы в целом. Российские тюрьмы, как констатирует автор, стали «школой, выпускающих рецидивистов» [3].

Более того, начинают появляться предложения по немедленному реформированию пенитенциарной системы и превращения ее из милитаризованной военной системы в полугражданскую структуру. Так, экспертами Общероссийского гражданского форума в 2019 г. были предложены радикальные изменения в концепцию уголовно-исполнительной системы, согласно которым все, кроме охраны в исправительных учреждениях должны осуществлять гражданские специалисты. Кроме того, заключенным предлагается разрешить пользоваться сотовой связью и доступом в Интернет, что вполне успешно применяется во многих странах Европы [4].

Основной проблемой является повышенная криминализация мест отбывания наказания и наличие некоей преступной профессиональной среды, которая способствует специфическим ментальным и психологическим установкам, которые существуют в пенитенциарной системе России в качестве системы главенствующих принципов и общественно-идеологических установок. Речь идет о том, что определенная категория осужденных, которая относится к так называемой «отрицательной части» осужденных культивирует и воспроизводит криминальные социальные поведенческие установки, которые можно охарактеризовать общим понятием «воровской блатной идеологии». Именно наличие такой идеологии не позволяет тем лицам, которые впервые совершили преступление, исправляться и приобретать в местах лишения свободы новые знания, умения и навыки, исправляться трудом, а также участвовать в общественно полезной деятельности осужденных.

При этом особая общественная опасность этой идеологии заключается в том, что она действует не только в мире профессиональных преступников и рецидивистов, принадлежащих к отрицательно настроенной части осужденных, но она распространяется далеко за пределы исправительных учреждений, растлевает самих сотрудников УИС, формируя у них моральные и поведенческие качества, аналогичные качествам отрицательно настроенных осужденных. Общеизвестен феномен «АУЕ» — молодежной субкультуры, почитающей воровскую идеологию и поведенческие стереотипы отрицательно настроенной части осужденных. Эта субкультура «выросла» именно из воровской блатной идеологии и распространила свое влияние на наименее психологически и социально защищенную прослойку общества — подростков и детей, влияние социума и общества на которых минимально.

Одной из серьезнейших проблем уголовно-исполнительной системы (УИС) является то, что она при отбывании наказания не делает вообще никаких принципиальных различий между осужденными, совершившими преступления, равняя их всех только по признаку тяжести совершенного преступления и совершенно не учитывая личностные характеристики осужденного, его психологические установки, отношение к содеянному, а также отношение к идеологии профессиональных преступников и рецидивистов. Именно этот недостаток приводит к тому,

что зачастую в одном помещении, в одном и том же исправительном учреждении оказываются профессиональные преступники — «блатные» и отрицательно настроенные осужденные и так называемые «случайные преступники», к которым можно относить тех, кто совершил преступление не только впервые, но также и в том случае, если его нельзя отнести к последователям и приверженцам идеологии «блатных» и профессиональных преступников и воров. Если следовать такому подходу, то даже рецидивист, если он негативно настроен по отношению к воровской блатной идеологии, имеет шанс быть признанным «случайным преступником», как бы парадоксально это не звучало.

Парадокс поставленной проблемы заключается в том, что на серьезном научном уровне она даже не обсуждается, хотя воровская и блатная идеология, блатное «миропонимание» как взгляд на жизненный уклад со стороны профессиональных преступников, для которых преступление не есть случайность, но есть целенаправленный способ получения средств к существованию, принцип жизни и является не эпизодически совершенным, но представляет собой систематическую деятельность как образ жизни и склад мыслей, пронизала собой все слои жизни, начиная от пенитенциарной системы, заканчивая общероссийским телевидением, героизирующим «воров в законе», профессиональных преступников и рассуждающим в категориях «блатных» и воров. Все как бы игнорируют эту проблему, не уделяя ей должного внимания, и на серьезном научном уровне она была изучена лишь В. Шаламовым в его «Колымских рассказах» [6]. Современный подход к этому вопросу не включает в себя изучение такого образа жизни, жизненного уклада и всей системы соответствующих воровских ценностей, но допускает лишь упоминание «блатной романтики», которая, по мнению некоторых исследователей, препятствует исправлению осужденных и приводит к совершению преступлений ранее не совершавшими преступлениями лицами. Подобный подход следует признать поверхностным и легкомысленным, граничащим с наивностью.

Основными исследователями данной проблемы, как правило, выступают сами сотрудники ФСИН, которые сталкиваются с этой проблемой в реальной практике, в то время, как она представляет высокую степень общественной опасности и за пределами пенитенциарной системы, выходя далеко за периметр тюрем и исправительных учреждений. Оказываясь на свободе, преступники не только продолжают свое поведение в духе «блатной и воровской идеологии», но и пропагандируют «ценности» «блатной жизни» перед всеми остальными обывателями, подчеркивая ее особую привлекательность и «особое» привилегированное положение осужденных, исповедующих соответствующий стиль жизни. При этом противоположной общественной работы не ведется ни в местах лишения свободы, ни за ее пределами, поскольку никто не проводит «антиворовскую и антиблатную пропаганду», показывая всю опасность, низость, предельный

цинизм и кощунство, а также высшую и запредельную степень лжи данной идеологии, которая разрушает неокрепшие умы, в особенности у подростков и детей, делая их приверженцами субкультуры АУЕ. Как отмечает в своей работе В. В. Новиков и М. М. Москвитина, приверженность части осужденных к криминальной субкультуре и блатной романтике вызывает серьезную обеспокоенность у руководства исправительных учреждений. При этом авторы не отрицают того, что даже сами сотрудники ФСИН нередко используют в своей речи обороты из общения блатных и воров, свойственные их субкультуре, что только подтверждает наши доводы [2]. Однако все же большинство проводимых исследований не учитывают степень опасности этой субкультуры, не давая должной оценке ее масштабам и распространенности, поскольку она исследуется лишь во влиянии на несовершеннолетних осужденных, в то время, как эта субкультура уже давно переросла из понятия «суб» в понятие «культуры» и подменила собой официальную культуру, разложив ее и приведя к деградации официальной культуры, поскольку вся

криминальная воровская и блатная идеология направлена на то, чтобы разложить и привести к деградации и уничтожению официальной светской культуры.

Все это указывает на то, что российское общество пребывает в неведении и забвении относительно его реальной криминализации понятиями блатного и воровского мира, которыми пропиталась буквально вся светская жизнь, которая даже не связана с криминальным миром. То есть, воровская блатная идеология давно успешно и широко шагает по всей стране, заменяя и подменяя собой официальную культуру. С этим необходимо бороться, ведя антиворовскую антиблатную и антикриминальную пропаганду не только в местах лишения свободы, но и за их пределами, и особенно это необходимо делать в школах. Для этого необходимо привлекать художественные и литературные произведения соответствующего направления, а также знакомить учащихся с реальными случаями и последствиями следования данной криминальной культуры. Это образовательная и психологическая деятельность гуманистического толка, которую необходимо начинать прямо сейчас.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный Кодекс РФ от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ // РГ — 16.01.1997 г. — № 9
2. Новиков, В. В., Москвитина М. М. Социально-психологические причины привлекательности блатной романтики для несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы — 2015 г. — № 2
3. Торопов, В. Л. Влияние уголовно-исполнительной политики на состояние рецидивной преступности в Российской Федерации — режим доступа: http://ombudsmanspb.ru/files/0002019/002_Konkurs_Prava_cheloveka/1_mesto_statya_2019.pdf (дата обращения: 09.07.2020 г.)
4. Алехина, М., Дергачев В. Эксперты ОГФ предложили реформировать российские тюрьмы и колонии // Электронный портал РБК — 03.10.2019 г. — режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/03/10/2019/5d9591009a79476eb3ce6740>
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 09.07.2020 г.)
6. Шаламов, В. Т. Колымские рассказы — режим доступа: <https://shalamov.ru/library/2/> (дата обращения: 09.07.2020 г.)

Краткая характеристика сущности контролирующего должника лица

Кочеулов Юрий Юрьевич, управляющий партнер
Юридическая компания «ГК Право» (г. Москва)

Банкротство — один из наиболее сложных и комплексных институтов гражданского права, который некоторыми учеными называется «высшей математикой в юриспруденции» [5]. Действительно, сложно представить себе еще одну область знаний, требующую столь многогранного подхода.

Одним из важнейших понятий в банкротстве является определение контролирующего должника лица. Стоит отметить, что в изначальной редакции ФЗ «О банкротстве» [1] данное понятие не фигурировало вовсе.

Впервые понятие и определение контролирующего должника лица появилось в редакции ФЗ «О банкротстве» от 28.04.2009, когда статья 2 данного акта была дополнена новым абзацем, в котором и давалась дефиниция указанному термину. В редакции ФЗ «О банкротстве» от 28.04.2009 контролирующее должника лицо определялось как «лицо, имеющее либо имевшее в течение менее чем два года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или воз-

можность иным образом определять действия должника...».

Следующим этапом развития законодательства о контролирующем должнике лице можно назвать появление 29.07.2017 новой главы III.2 в ФЗ «О банкротстве», где содержится отдельная статья, посвященная рассматриваемому лицу. Данный субъект в рассматриваемой редакции определяется как «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий». Данное определение остается неизменным на протяжении уже трех лет, дополняясь лишь частично конкретизацией в некоторых Постановлениях Пленума ВС, о чем будет указано позднее.

Проведя небольшой анализ, можно выявить следующие изменения, которые претерпело определение контролирующего должника лица:

1) Двухлетний срок, в течение которого лицо должно обладать возможностью давать указания должнику для отнесения такого лица к контролирующему должнику, был увеличен до трех лет;

2) Сам трехлетний срок стал отсчитываться не с момента принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, а с момента появления признаков банкротства у должника. Данное нововведение крайне положительно восприняли в юридической литературе. Специалист в сфере привлечения к субсидиарной ответственности А. А. Малашенков указывает на тот факт, что раньше недобросовестные контролирующие должника лица могли годами затягивать процесс с целью минимизации своих рисков, а теперь даже в случае, если ведение процедуры наблюдения затянется, и она будет инициирована через несколько лет, это не станет препятствием для привлечения контролирующих должника лиц к ответственности.

Вслед за внесением изменений в ФЗ «О банкротстве» 21.12.2017 года вышло Постановление Пленума ВС «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» [2]. Данный акт привнес значительные нововведения в сферу правового регулирования положения контролирующего должника лица, а также помог разрешить многие практические проблемы, которые не были урегулированы новой главой ФЗ «О банкротстве».

Теперь проведем анализ действующего законодательства и выявим основные признаки, присущие контролирующему должнику лицу.

Во-первых, для того, чтобы лицо было признано контролирующим должника, у него должна быть реальная возможность определять действия последнего, то есть да-

вать ему обязательные для исполнения указания. Такая возможность может достигаться за счет:

А) Родства (к примеру, супруг единственного учредителя осуществляет фактическое руководство организацией);

Б) Должностного положения (например, наличие возможности определять действия должника может подтверждаться должностной инструкцией, из которой будет явно прослеживаться «управленческий» характер полномочий лица [6]);

В) Наличия полномочий на совершение сделок от имени должника (в частности, если у лица есть генеральная доверенность на совершение любой сделки от лица компании);

Г) Наличие личных неформальных отношений, совместное проживание, совместное обучение, совместная служебная деятельность [3].

Кроме того, необходимо отметить, что п.4 ст. 61.10 ФЗ «О банкротстве» содержит три презумпции относимости лица к контролирующему должнику:

1) Лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;

2) Лицо имело право распоряжаться 50 % и более голосующих акций (долей) общества или назначать руководителя должника;

3) Лицо извлекало выгоду из незаконного и недобросовестного поведения лиц, входящих в органы управления должника.

Во-вторых, возможность определять действия должника должна появиться в трехлетний период до возникновения признаков банкротства. Как уже было сказано, определение временного критерия не с момента принятия заявления о признании должника банкротом, а с момента возникновения признаков банкротства весьма положительно повлияло на развитие отечественного законодательства и правоприменительную практику.

Изменения, которые претерпело законодательство о банкротстве в 2017 году, сделали возможным признание контролирующим должника лицом практически любого субъекта. В связи с данным фактом Верховный Суд в п.3 Постановления Пленума № 53 отметил, что лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно:

1) •Состояло в отношениях родства или свойства с членами органов управления компании-должника;

2) Обладало полномочием на совершение отдельных ординарных сделок от имени должника;

3) Замещало должности главного бухгалтера, финансового директора должника;

4) Формально владеет не более, чем 10 % акций (долей) организации-должника.

Понятие контролирующего должника лица и критерии отнесения к нему претерпели значительные изменения за последние несколько лет. Учитывая тот факт, что ин-

ститут банкротства (и непосредственно механизм субсидиарной ответственности) является одним из наиболее действенных методов взыскания денежных средств, важ-

ность законодательного урегулирования контролирующего должника лица сложно переоценить.

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации / Ю. Ю. Кочеулов. — Москва: Статут, 2020. — 141 с.
5. Андреев, Николай Евгений Суворов «Банкротство — это высшая математика в юриспруденции» / Николай Андреев. — Текст: электронный // regforum: [сайт]. — URL: https://regforum.ru/posts/2011_evgeniy_suvorov/ (дата обращения: 22.07.2020).
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2019 г. № Ф05–9105/2015 по делу А40–54279/14

Основания для привлечения к субсидиарной ответственности в банкротстве

Малашенков Алексей Алексеевич, управляющий партнер
Юридическая компания «ГК Право» (г. Москва)

Юридическая ответственность выполняет роль своеобразного регулятора для всех общественных правоотношений. В ситуации, когда недобросовестные контрагенты не исполняют или недобросовестно исполняют возложенные на них обязательства, юридическая ответственность позволяет либо принудить нарушителя к совершению определенных действий, либо наложить санкции имущественного характера.

Гражданско-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности. Многие известные цивилисты, например Е. А. Суханов, выделяют три основных вида гражданско-правовой ответственности: долевую, солидарную и субсидиарную [3]. Именно последняя разновидность и будет рассмотрена в данной статье.

Субсидиарная ответственность наступает в ситуации, когда основной ответчик либо отказался, либо оказался не в состоянии удовлетворить требования своих кредиторов. Как отмечает специалист в области субсидиарной ответственности В. П. Ильин, субсидиарная ответственность «дополняет основную, что приводит к повышению степени защиты потерпевшего лица».

В институте банкротства наибольшую роль играет именно механизм субсидиарной ответственности. Согласно официальным данным, приведенным на сайте ЕФРСБ, количество поданных заявлений за период с 2017 до 2018 года выросло больше, чем на 30 %. В свою очередь количество привлеченных к субсидиарной ответственности лиц увеличилось более, чем в два раза, а общий размер удовлетворенных требований превысил 330 млрд.

рублей, что превышает аналогичный показатель прошлого года в три раза [2].

Все вышесказанное указывает на тот факт, что участники имущественного оборота все меньше боятся использовать институт банкротства и привлечения к субсидиарной ответственности для взыскания денежных средств.

Формально все основания для привлечения к субсидиарной ответственности можно разделить на два крупных блока: субсидиарная ответственность за невозможность полного непогашения требований кредиторов и субсидиарная ответственность за неподачу заявления должником о признании банкротом.

К субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов привлекаются контролирующие должника лица, на что прямо указано в п.2 ст. 61.11 ФЗ «О банкротстве» [1].

Рассматриваемый блок оснований содержит следующие обстоятельства, наличие которых предполагает вину контролирующего должника лица в невозможности погашения должником требований кредиторов (т.н. опровержимые презумпции):

1) причинение контролирующим должника лицом существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения или одобрения им сделки.

2) К данному основанию относится, в том числе, совершение должником сделок с предпочтением и подозрительных сделок.

3) Сделки с предпочтением — сделки, совершенные должником в пользу отдельного кредитора в нарушение очередности погашения требований кредиторов. Осно-

вания для признания сделки совершенной с предпочтением установлены в ст. 61.3 ФЗ «О банкротстве».

4) Подозрительные сделки — невыгодные в экономическом смысле сделки для должника. Существует две основные разновидности подозрительных сделок, обе из них указаны в ст. 61.2 ФЗ «О банкротстве»;

5) отсутствие документов бухгалтерской отчетности на момент введения процедуры наблюдения либо отсутствие в таких документах необходимой информации.

6) Для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по рассматриваемому основанию необходимо доказать, во-первых, наличие у такого лица обязанности по ведению бухгалтерской отчетности, во-вторых, сам факт отсутствия или искажения отчетности и, в-третьих, причинно-следственную связь между отсутствием или искажением документов и затруднением процедуры банкротства;

7) сумма задолженности из требований, связанных с привлечением должника (руководителя должника) к уголовной, административной или налоговой ответственности составляет более 50 % от общего количества требований в третьей очереди реестра.

8) А. С. Кузьмичев, специалист в сфере привлечения к субсидиарной ответственности, отмечает, что налоговая служба, как правило, перед наложением санкций проводит тщательную проверку доказательственной базы, вследствие чего суды в целях экономии времени почти всегда прислушиваются к налоговому органу;

9) непередача контролирующим должника лицом бухгалтерской документации арбитражному управленческому, либо искажение такой документации.

10) Суть данного основания, как указывает партнер юридической компании «ГК Право» Кочеулов Ю. Ю., сводится к тому, что без переданной арбитражному управленческому документации он не в состоянии осуществить возложенные на него обязанности и, соответственно, вся процедура банкротства будет произведена ненадлежащим образом [4].

11) Для привлечения контролирующего должника лица по указанному основанию необходимо доказать, во-первых, наличие у него обязанности по организации и ведению отчетности, во-вторых, факт непередачи отчетности арбитражному управленческому и, в-третьих, причинно-следственную связь между непередачей документов и затруднением ведения процедуры банкротства.

12) Не сложно увидеть сходные черты данного основания с основанием отсутствия отчетности у контролирующего должника лица;

13) невнесение в ЕФРСБ или ЕФРСФДЮЛ обязательных для внесения сведений или внесение недостоверных сведений о юридическом лице на дату возбуждения дела о банкротстве.

14) Данное основание также тесно пересекается с уже разобранными выше, в связи с чем подробно останавливаться на нем не имеет смысла.

15) совершение деяний, существенно ухудшивших финансовое положение должника после возникновения признаков банкротства.

16) Основное отличие данного основания от вышесказанных состоит в том, что в рассматриваемой ситуации на дату совершения деяний, причинивших неблагоприятные последствия для должника, признаки объективного банкротства должника уже существуют.

17) Соответственно, своими деяниями контролирующее должника лицо еще более усугубляет сложившееся положение, вследствие чего выбраться из «долговой ямы» практически не представляется возможным.

Второй блок оснований для привлечения лица к субсидиарной ответственности представляет собой одно основание, а именно неподачу или несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом. Речь идет, разумеется, о неподаче заявления самим должником или его руководителем. На кредиторе такой обязанности нет.

Рассматриваемое основание во многом связано со ст. 9 ФЗ «О банкротстве» где содержится перечень обстоятельств, при наступлении которых руководитель должника обязан в течение месяца обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Для того, чтобы привлечь контролирующее должника лицо по данному основанию, необходимо доказать следующие обстоятельства:

1) наличие у контролирующего должника соответствующих полномочий;

2) возникновение признаков объективного банкротства;

3) неподача руководителем должника заявления о признании банкротом в месячный срок с момента выявления соответствующих признаков.

Кроме того, нужно учитывать тот факт, что размер ответственности контролирующего должника лица при привлечении его по данному основанию будет иным, чем в рассматриваемых выше основаниях. Согласно ст. 61.12 ФЗ «О банкротстве» ответственность контролирующего должника лица будет равна размеру обязательств должника, возникших после истечения срока, предусмотренного на подачу заявления, и до возбуждения дела о банкротстве должника.

Институт субсидиарной ответственности является очень сложным и комплексным механизмом банкротства. Нами были рассмотрены основные черты данного инструмента, в частности довольно подробно разобраны основания для привлечения лица к субсидиарной ответственности.

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Банкротства компаний — статистика Федресурса за 2019 год. — Текст: электронный // Федресурс: [сайт]. — URL: <https://fedresurs.ru/news/f8f7e5b4-9388-499e-9516-6434932f5b66> (дата обращения: 23.07.2020).
3. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2011.
4. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации / Ю. Ю. Кочеулов. — Москва: Статут, 2020. — 141 с.

Правовое регулирование донорства и трансплантации в России и США

Переверзева Анна Максимовна, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Статья посвящена анализу правового регулирования деятельности, связанной с донорством и трансплантацией, в России и США. Рассматриваются основные требования к донорам, реципиентам, медицинским организациям. В работе автор указывает на пробелы в российском законодательстве о донорстве.

Ключевые слова: донорство, трансплантация, донор, реципиент, медицинское учреждение, презумпция согласия, врач, органы, ткани, изъятие.

Идея пересадки органов и тканей появилась ещё в сознании людей средневековья. Однако воплотить в жизнь замысел не удавалось по многим причинам, в том числе из-за отсутствия необходимых знаний о функционировании тела человека. Уже во времена ренессанса появляются первые сочинения на эту тему. Так, итальянский хирург Гаспар Тальякоцци (1545–1599) отмечал в своей работе «De curtorum chirurgia per insitionem, libri duo», что при пересадке человеку фрагмента чужой кожи всегда происходит отторжение.

Основное развитие трансплантация получила в середине прошлого века. Именно в это время В. П. Демихов выполнил первую экспериментальную трансплантацию дополнительного сердца (1946 год), а уже в 1963 году в Денвере американский хирург Томас Старзл принял первую в мире попытку трансплантации печени у человека. Закономерным последствием было придание юридического смысла концепции мозговой смерти в 1966 году [12].

На сегодняшний день в России регулированию трансплантации выделено особое место в медицинско-правовом поле. Основным законом, регламентирующим трансплантацию, является Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323-ФЗ). В п. 10 ст. 2, давая определение понятия «медицинская деятельность», закон делит её на направления профессиональной деятельности. Среди них выделена деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях. Есть и специальный закон — Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее — Закон о трансплантации). В нем установлены условия и порядок трансплантации органов и тканей человека; учреждения здравоохранения, осуществляющие

забор, заготовку, трансплантацию органов и тканей человека; ответственность этих учреждений и их персонала. Примечательно, что оба закона не разграничивают термины «трансплантация» и «пересадка», для них они являются синонимами.

Необходимо разобраться, что подпадает под отношения, связанные с донорством. Закон № 323-ФЗ в пп. 7 п. 3 ст. 80 даёт перечень мероприятий, которые составляют медицинскую деятельность, связанную с донорством органов и тканей человека, причем он весьма широкий: медицинское обследование донора, обеспечение сохранности донорских органов и тканей до их изъятия у донора, изъятие донорских органов и тканей, хранение и транспортировка донорских органов и тканей. Тем временем, Постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 утвержден перечень медицинских услуг, которые подлежат лицензированию, так, в области трансплантации выделено: изъятие и хранение органов и тканей человека для трансплантации; забор гемопоэтических стволовых клеток; транспортировка органов и тканей человека для трансплантации; транспортировка гемопоэтических стволовых клеток и костного мозга; хирургия (трансплантации органов и тканей); трансплантация костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток. Следовательно, остается не совсем понятным в каком случае и какие конкретно мероприятия будут включаться в состав медицинской деятельности в области трансплантации или донорства. Возможно, что в разных ситуациях ряд предшествующих трансплантации действий может быть рассмотрен как в составе трансплантации, так и вне её, в то же время совершенно ясно, что трансплантация и пересадка орган или ткани — это одна категория, а донорство — это процесс, предшествующий трансплантации.

Среди участников трансплантации можно выделить основные группы: доноры, реципиенты и медицинские организации. Что касается такого субъекта, как ме-

дицинское учреждение, то здесь, обратившись к со ст. 4 Закона о трансплантации, можно обнаружить, что установлена монополия государства на забор и заготовку органов и тканей человека, а также на их трансплантацию. Подробный перечень уполномоченных на забор и трансплантацию органов медицинских организаций содержится в Приказе Минздрава России № 73н, РАН № 2 от 20.02.2019 «Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека». Сложнее обстоят дела с донорами.

Донором не может стать любой желающий, согласно ст. 3 Закона о трансплантации для донорства лицу необходимо достигнуть 18 лет (за исключением случаев пересадки костного мозга) и не быть признанным недееспособным. Доноры проходят ещё через критерий здоровья, то есть изъятие органов и (или) тканей не допускается, если установлено, что они принадлежат лицу, страдающему болезнью, представляющей опасность для жизни и здоровья реципиента. А также в случае если донор и реципиент находятся в служебной или иной зависимости друг от друга. Данный запрет вытекает из общего запрета на принуждение к донорству. Принуждение, как физическое, так и психическое живого донора к согласию на изъятие у него органов или тканей преследуется Уголовным кодексом РФ.

Со стороны реципиента тоже необходимо получить согласие по ст. 6 Закона о трансплантации. При этом реципиент должен быть предупрежден о возможных осложнениях для его здоровья в связи с предстоящим оперативным вмешательством. Если реципиент не достиг совершеннолетия либо признан недееспособным, то пересадка органов/тканей будет осуществляться с письменного согласия родителей или законного представителя. Закон допускает возможность пересадки органов и тканей реципиенту без его согласия либо без согласия его родителей (законного представителя), только когда промедление в проведении соответствующей операции угрожает жизни реципиента, а получить такое согласие невозможно.

В случае же с посмертным донорством по ст. 9 Закона о трансплантации при наличии бесспорных доказательств факта смерти, зафиксированного консилиумом врачей-специалистов, органы/ткани могут быть изъяты у трупа для трансплантации. Порядок определения смерти человека установлен ст. 66 Закона № 323-ФЗ и уточнен Постановлением Правительства РФ от 20.09.2012 № 950. Преследуя задачу недопущения недобросовестности в получении желательного результата со стороны лиц, устанавливающих факт смерти, закон запрещает участвовать в диагностике смерти трансплантологам и членам бригад, обеспечивающих работу донорской службы.

Раскрывая этот случай донорства, надо отметить, что сюда относится изъятие органов/ тканей у пациентов с диагнозом «смерть головного мозга». Заключение о смерти выдается на основании констатации необратимой ги-

бели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной Приказом Минздрава России от 25.12.2014 № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека». Консилиум врачей, состоящий из анестезиолога-реаниматолога и невролога, имеющих опыт работы в отделении интенсивной терапии и реанимации не менее 5 лет, устанавливает диагноз смерти головного мозга. По аналогии с биологической смертью есть норма о запрете участия специалистов, принимающих участие в изъятии и трансплантации органов и тканей.

По процедурным моментам можно отметить, что согласно ст. 10 Закона о трансплантации изъятие органов и тканей у трупа допускается только с разрешения главного врача учреждения здравоохранения. Если требуется проведение судебно-медицинской экспертизы, разрешение на изъятие органов/тканей у трупа должно быть дано также судебно-медицинским экспертом с уведомлением об этом прокурора.

Особенным случаем является прижизненное донорство. Оно возможно только если отсутствуют пригодные для трансплантации органы, изъятые у трупа, или альтернативный метод лечения, сопоставимый по эффективности с трансплантацией, а лечение пациента необходимо в ближайшее время. Отдельно отмечено в ст. 13 Закона о трансплантации, что отнюдь не любой орган можно изъять. Разрешено извлекать только парный орган, часть органа или ткани, отсутствие которых не влечет за собой необратимого расстройства здоровья. В связи с этим ст. 11 Закона о трансплантации разрешает изъятие органов/тканей у живого донора для трансплантации реципиенту при соблюдении следующих условий:

— Если донор предупрежден о возможных осложнениях для его здоровья в связи с предстоящим оперативным вмешательством по изъятию органов и (или) тканей;

— Если донор свободно и сознательно в письменной форме выразил согласие на изъятие своих органов и (или) тканей;

— Если донор прошел всестороннее медицинское обследование и имеется заключение консилиума врачей-специалистов о возможности изъятия у него органов и (или) тканей для трансплантации.

Среди ограничительных мер по отношению к прижизненному донорству органов можно выделить требование наличия генетической связи донора с реципиентом. Исключением из этого правила является случай пересадки костного мозга, здесь необязательна родственная связь. Роль другого ограничения играет запрет использования в качестве живых доноров несовершеннолетних (даже если сам несовершеннолетний выразил желание стать донором) и недееспособных лиц. Но аналогичное исключение разрешает несовершеннолетнему при наличии информированного согласия, подписанного родителями, быть донором костного мозга (п. 11 Порядка, утвержденного Приказом Минздрава России от 12.12.2018 № 875н).

Но данное исключение не распространяется на недееспособных лиц.

Очень дискуссионным по сей день остается вопрос о презумпции согласия умершего на донорство, содержащейся в ст. 8 Закона о трансплантации. Согласно этой презумпции посмертное донорство законодательно разрешено в том случае, если умерший человек при жизни или его родственники (после его смерти) не выразили несогласие на изъятие органов и тканей умершего. Причем в законодательстве отсутствует обязанность медицинского работника уведомлять родственников умершего об изъятии органов или тканей в целях донорства. На эту тему высказывался и Конституционный суд РФ в определении № 224-О от 10 февраля 2016 года. Придавая трансплантации значение последнего возможного варианта лечения пациента и ссылаясь на практику мирового сообщества (в частности, на Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов), Конституционный суд РФ оправдывает наличие такой презумпции в российском законодательстве. К тому же, по мнению суда, сама по себе формулировка нормы с презумпцией является ясной и определенной, что не нарушает конституционные права граждан. Следовательно, родственники умершего не должны ждать вопросов о судьбе органов умершего от медицинских работников. Необходимо как можно раньше проинформировать врачей о несогласии в случае, если при жизни человек не выразил в установленном порядке свое несогласие. Так, в соответствии с п. 6 ст. 47 Закона № 323-ФЗ совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое согласие или несогласие на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Исключение закреплено в отношении несовершеннолетних и недееспособных. Для изъятия органа или ткани необходимо получить согласие родителей, причем закон не упоминает о законных представителях несовершеннолетнего или недееспособного, что является правовым пробелом (п. 8 ст. 47 Закона № 323-ФЗ).

Сторонники презумпции согласия аргументируют необходимость этих норм тем, что это благодаря этому государственные системы здравоохранения обеспечены максимальным количеством доноров, а также отсутствуют большие расходы на содержание национальной системы донорских карт. Противники же позиции отмечают, что граждане, которые знают о презумпции согласия находятся в меньшинстве, о чем свидетельствуют результаты проведенных опросов, поэтому для граждан это иногда становится проблемным моментом во взаимоотношениях с системой здравоохранения [13]. На чьей стороне правда, во многом зависит от системы ценностей человека или конкретной социальной группы. Точный ответ здесь в ближайшее время дать затруднительно, нужно

дождаться нового витка прогресса как в медицине, так и во всей общественной жизни, тогда на смену старым взглядам придут новые, отвечающие в большей степени вызовам времени.

Рассмотрев регулирование донорства и трансплантации в России, можно обратиться к законодательству США и проследить, как же там решены сложнейшие биоэтические вопросы в контексте правовой регламентации такой деятельности.

Правовая база, регулирующая донорство органов в США, построена на принципах, разработанных специально для развития системы трансплантации. Базовым законом является Закон об анатомическом дарении (Uniform Anatomical Gift Act). Его приняли в 1968 году с целью обеспечения единообразия в правоприменении среди штатов и упрощения процесса получения органов у умерших людей. Закон об анатомическом дарении не является федеральным законом, а скорее шаблоном, который штаты могут использовать при разработке своих собственных законов, регулирующих донорство. Тем не менее каждый штат и округ Колумбия приняли Закон об анатомическом дарении 1968 года. Из-за универсального характера принятия этот закон иногда ошибочно принимают за федеральный закон [8].

Сейчас во многих штатах действует Закон об анатомическом дарении последней редакции (2006 год), но некоторые штаты внесли свои изменения в донорское законодательство, в дополнение каждый штат ведет свой собственный реестр доноров (всего 53 реестра (т. е. в каждом из 50 штатов США, в округе Колумбия, Пуэрто-Рико и на Виргинских островах) [7], в результате этого правоприменение Закона об анатомическом дарении может быть противоречивым [2].

Закон об анатомическом дарении разрешает любому лицу по достижении 18 лет при подаче заявки на получение водительского удостоверения выразить свою волю по поводу судьбы своих органов или тканей, в том числе можно выбрать какой орган или ткань допустимо изъять, а какой нельзя, или же можно решить в отношении всего тела, а также для каких целей будет использоваться донорский материал: трансплантация, преподавание, научные исследования и так далее. Решение субъекта можно обозначить в нескольких формах: специальный символ на водительском удостоверении или карте донора, внесение информации в реестр доноров. Причем как закон 1987, так и современная редакция запрещают родственникам отрицать прижизненное легально закрепленное желание умершего по вопросам донорства [5].

Согласно Закону об анатомическом дарении в США действует противоположная российской модели волеизъявления на изъятие органов — «opting-in system» (система презумпции несогласия), то есть человек или его ближайший родственник в случае смерти должны выразить своё явное согласие на изъятие органа в законодательно предусмотренном порядке. Чтобы свести к минимуму путаницу в отношении того, кто из ближайших

родственников имеет законное право выражать согласие, закон дает полномочия родственникам определять судьбу органов умерших по виду родственной связи. Например, закон ставит супругов выше братьев и сестер, взрослых детей и родителей [10].

Ещё одним центральным актом является Национальный закон о трансплантации органов (National Organ Transplant Act), принятый в 1984 году. Целью Национального закона о трансплантации органов является обеспечение справедливого распределения донорских органов и увеличение количества донорского материала, доступного для трансплантации. Он запретил продавать, получать или иным образом предавать любой орган человека, используемый для трансплантации за вознаграждение, если это связано с торговыми отношениями между штатами. Там же указана и санкция в виде штрафа 50 000 долл. США или (и) 5 лет лишения свободы. До этого Закон об анатомическом дарении не указывал, можно ли продавать органы, оставляя вопрос открытым для интерпретации. Однако покупку и продажу спермы, яйцеклеток и препаратов крови не затронули данные ограничения [1].

Этот закон закрепил за секретарем Министерства здравоохранения США (Department of Health and Human Services) функцию по организации Сети по донорству и трансплантации органов (Organ Procurement and Transplantation Network). К этой Сети должны быть подключены все медицинские учреждения, выполняющие трансплантацию органов. Формально эта норма для добровольного выполнения, но на практике соблюдение внутренней политики и членство в Сети является обязательным, иначе они утрачивают права на федеральные выплаты [8].

Сеть по донорству и трансплантации органов организует процесс получения пациентом донорского органа: согласно списку ожидающих трансплантации пациентов, участвует в распределении донорских органов, далее координирует транспортировку органа в больницу с будущим реципиентом. Также Сеть принимает свои стандарты качества трансплантации органа и внутреннюю политику, регулирующую распределение донорских органов и тканей, причем для ряда органов (сердце, легкие, печень, почки и др.) существуют отдельные правила [11].

Для удобства территория США была разделена на 11 регионов под руководством Сети по донорству и трансплантации. Региональные советники являются представителями своей зоны в совете директоров Сети [9]. Такое деление налаживает информационные потоки между Сетью и трансплантологическим сообществом, куда входят донорские организации, трансплантологи, пациенты и другие специалисты. На форумах Сети ведутся открытые обсуждения, на основе которых потом Сеть может принимать решения.

Как только появляется предполагаемый реципиент, координатор из центра трансплантации вносит в базу данных Сети информацию о типе пациента. Первый

тип — «активный», что означает готовность будущего реципиента в любой момент участвовать в трансплантации. Второй тип — это «неактивный», что подразумевает либо временную непригодность для участия трансплантации, либо же ещё не завершился процесс в отношении него по наделению правом получения донорского органа. Далее сопоставляется информация о донорском материале с медицинскими характеристиками пациентов первого типа. Потом в соответствии с правилами о распределении полученные списки ранжируются, и работники Сети связываются с выбранным медицинским учреждением для организации доставки донорского органа [6].

В соответствии со стандартами медицинской помощи реципиенты также дают согласие до проведения пересадки органа или ткани. Причем на протяжении всего процесса, связанного с трансплантацией, будущего реципиента с самого первого приема консультирует хирург-трансплантолог и другие специалисты, доводя до сведения пациента о возможных рисках и последствиях. Также до реципиента доводится внутренняя политика Сети по донорству и трансплантации органов, информация о персональных данных, которые потом могут быть обезличены и использоваться в научных целях [8].

Также регулирование вопросов донорства и трансплантации осуществляется нормами общего права, в частности Федеральной политикой защиты участников исследований (Federal Policy for the Protection of Human Subjects). Нормы Федеральной политики определяют человека, как живого человека, о котором исследователь получает (1) данные или биологические образцы посредством вмешательства или взаимодействия с индивидуумом, или же (2) получает, использует, изучает, анализирует идентифицируемую личную информацию или идентифицируемые биологические образцы [4]. Как видно из определения, под эти нормы будет подпадать только прижизненный донор, а случай посмертного донорства регулироваться этим актом уже не будет. Но в то же время необходимо помнить о существовании Закона об анатомических дарах, чье действие охватывает посмертных доноров. Нельзя сказать, что умершие доноры оказываются под меньшей защитой нежели прижизненные доноры, так как Закон об анатомических дарах содержит ряд этических принципов, которые обеспечивают уважение воли покойного по поводу судьбы его тела [8].

Как и в России, существуют некоторые особенности регулирования случаев, где донор не достиг 18 лет. Здесь действует похожее правило. Родитель или законный представитель принимает решение о посмертном донорстве органов ребенка. Родители или законные представители могут быть осведомлены о предпочтениях своего ребенка после проведенного в школе ознакомительного урока о донорстве [3]. Поэтому роль общественного просвещения в отношении донорства ценится высоко.

Тема донорства и трансплантации достаточно широка и до сих пор имеет ряд неразрешенных вопросов как биоэтического, так и правового, медицинского характера. На

сегодняшний день в России уже сформирован крепкий правовой фундамент в этой области. Теперь же необходимо согласно продиктованным временем трудностям вносить своевременные и эффективные корректировки в действующее законодательство. Учитывая Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, в области трансплантации грядут скоро новые технологии: разработка методов трансплантации ткане-инженерных конструкций, включая их кровоснабжение и иннервацию; получение материалов, стимулирующие регенеративные процессы при трансплантации и регулирующие клеточную активность и дифференцировку в организме. Также согласно распоряжению Правительства РФ от 3 декабря 2012 г. № 2237-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований го-

сударственных академий наук на 2013–2020 годы» среди инвазивных технологий особую роль играет трансплантация органов и тканей, в частности говорится о новой технологии получения донорских органов путем клонирования. Все это свидетельствует о скором появлении прорывных научных достижений в российской действительности. Кроме того, несмотря на увеличение количества донорских органов от умерших доноров в последние годы, спрос на донорские органы продолжает превышать предложение. В совокупности эти факторы должны направить российского законодателя на изменения, в результате которых у пациентов будет более высокий уровень доверия к системе донорства и трансплантации, и одновременно врачи и другие специалисты смогут работать в комфортных для них условиях.

Литература:

1. Cohen, I. G. Can the government ban organ sale? Recent court challenges and the future of US law on selling human organs and other tissue / I. G. Cohen. — Текст: непосредственный // *Am J Transplant*. — 2012. — № 12 (8). — с. 34–42.
2. Donate Life America About us / Donate Life America. — Текст: электронный // *Donate life*: [сайт]. — URL: <https://www.donatelife.net/mission-vision> (дата обращения: 21.07.2020).
3. Effects of classroom education on knowledge and attitudes regarding organ donation in ethnically diverse urban high schools / V. Cárdenas [и др.]. — Текст: непосредственный // *Clinical Transplantation*. — 2010. — № 24(6). — с. 784–793.
4. Federal Register. Federal policy for the protection of human subjects. *Federal Register*. 12. Vol. 82. 2017. 2017. pp. 7149–7274.
5. Goodwin, M. Black markets: The supply and demand of body parts / M. Goodwin. — 1. — New York: Cambridge University Press, 2006. — 120 с. — Текст: непосредственный.
6. Guidance for donor and recipient information sharing. 2017с.— Текст: электронный // *Organ Procurement and Transplantation Network*: [сайт]. — <https://optn.transplant.hrsa.gov/resources/guidance/guidance-for-donor-and-recipient-information-sharing>. (дата обращения: 21.07.2020).
7. HRSA State organ donation legislation: Review legislation by type / HRSA. — Текст: электронный // *U. S. Government Information on Organ Donation and Transplantation*: [сайт]. — URL: https://www.organdonor.gov/legislation_micro/index.html#tableTitle. (дата обращения: 21.07.2020).
8. Liverman, C. T. Opportunities for Organ Donor Intervention Research: Saving Lives by Improving the Quality and Quantity of Organs for Transplantation / C. T. Liverman, S. Domnitz, J. F. Childress. — 1. — Washington: National Academies Press (US), 2017. — 170 с. — Текст: непосредственный.
9. Members. 2017d. — Текст: электронный // *Organ Procurement and Transplantation Network*: [сайт]. — URL: https://optn.transplant.hrsa.gov/media/1200/optn_policies.pdf (дата обращения: 21.07.2020).
10. OHRP (Office for Human Research Protections). About Attachment A: Recommended guidance on minimal risk research and informed consent / OHRP (Office for Human Research Protections).. — Текст: электронный // *U. S. Department of Health & Human Services*: [сайт]. — URL: <https://www.hhs.gov/ohrp/node/4344> (дата обращения: 21.07.2020).
11. Policies. *Organ Procurement and Transplantation Network*. 2017a. — Текст: электронный // *Organ Procurement and Transplantation Network*: [сайт]. — URL: https://optn.transplant.hrsa.gov/media/1200/optn_policies.pdf (дата обращения: 21.07.2020).
12. Опимах, И. В. Одна жизнь — два сердца / И. В. Опимах. — Текст: непосредственный // *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. — 2019. — № 2 (36). — с. 69–74.
13. Сокольчик, В. Н. Презумпция согласия: общественное мнение и биоэтические вызовы / В. Н. Сокольчик. — Текст: непосредственный // *Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: материалы 18-й международной научной конференции, 17–18 мая 2018 г.*. — Минск: ИВЦ Минфина, 2018. — с. 214–215.

Банкротство физических лиц

Петкина Екатерина Игоревна, студент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В настоящее время происходит постоянное увеличение количества сведений о банкротстве юридических лиц, однако наиболее опасным для самого общества является массовая неудовлетворительная платежеспособность граждан, а именно физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью. Кризис, который стал продолжительным, порождает массовое обеспечение заемными средствами население, которое в итоге не в состоянии погасить долги. Это послужило одной из причин вступления в силу 1 октября 2015 года новых положений Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], которые рассматривают банкротство физических лиц, в частности, не осуществляющих предпринимательскую деятельность. Принятые нормы свидетельствуют о том, что каждый гражданин может быть реабилитирован из состояния банкротства с дальнейшим получением доходов, которые не будут отчуждены.

Существует немало точек зрения по применению перечисленных выше положений. Обратимся к зарубежному опыту: например, в США, где основным ориентиром по отношению к системе банкротства выступает должник — физическое лицо. Нормативно-правовые акты США предполагают следующие альтернативы выхода из состояния банкротства: передача кредиторам имущества с дальнейшим освобождением от обязательств, либо, наоборот, покрытие долгов посредством будущих доходов с сохранением имеющегося имущества [2, с. 283]. Также при недостаточном покрытии имуществом и будущими доходами всех задолженностей лицом предусмотрено конкурсное производство, что подразумевает деление имущества пропорционально задолженностям между кредиторами [2, с. 284].

Однако, несмотря на столь пристальное внимание данной проблеме, существует ряд обстоятельств, которые затрудняют реализацию перечисленных выше положений в полной мере [3, с. 43].

Одним из таких является правовая безграмотность населения в данной отрасли, поскольку большая часть должников не понимают своего правового положения в данной ситуации, являются не компетентными в некоторых вопросах. Например, в США существует практика подачи заявления самого должника о своей неплатежеспособности, которое не требует никакого подтверждения своего состояния (выписки с банковских счетов и др.), как это предполагается в Российском законодательстве, этот процесс возлагается на компетентные органы [2, с. 284]. К тому же, многие организации кредитования отрицательно относятся к предоставлению документов банкрот-

ства своих клиентов, как показывает российская практика, поскольку это значительно подрывает имидж организации и лишает ее некоторого дохода. Решение данной ситуации автор предлагает следующий: перенять опыт зарубежных стран, а также повысить информированность граждан о самом процессе и последствиях банкротства посредством компетентных органов.

Другим обстоятельством, затрудняющим процесс реализации банкротства граждан, является их правовой статус. Физические лица, не являющиеся предпринимателями, могут быть членами кооператива, выступать акционерами, быть владельцем доли в уставном капитале или иметь другие обязательства, неразрывно связанными с его личностью. В данной ситуации самым крайним этапом процесса банкротства юридического лица является ликвидация, что невозможно произвести с физическим лицом, поскольку только смерть прекращает его обязательства. Таким образом, было бы рациональным ввести временный мораторий, в качестве вида наказания, на некоторые действия физического лица после ликвидации задолженных обязательств.

Следующее обстоятельство возникает непосредственно во время реализации устранения банкротства физического лица: отсутствие должной заинтересованности арбитражных управляющих, как следствие низкой оплаты и ликвидности управления делами [3, с. 49]. Большая часть физических лиц, обращающихся в государственные органы для признания своей несостоятельности, не имеет дохода даже равному прожиточному минимуму на момент подачи заявления, следовательно, даже средняя оплата работы управляющего, как одного из этапов выхода из состояния неплатежеспособности, в 25 тысяч рублей приходится невыполнимой для них. Поэтому автор считает необходимым вводить альтернативы увеличения периода оплаты выше представленного лица, чтобы физическому лицу это представлялось возможным, а арбитражному управляющему осуществлять выплаты за счет средств федерального бюджета.

Еще одним обстоятельством, затрудняющим реализацию норм о банкротстве физических лиц, является отсутствие единого подхода при вынесении решений суда относительно добросовестности должника. Признаками недобросовестного должника являются фиктивное банкротство и преднамеренное [5, с. 209]. Под фиктивным банкротством понимаются осознанное лицом объявление, предполагающее его фиктивное банкротство. Преднамеренное банкротство объясняется тем, что гражданин совершает определенные осознанные действия или бездействия, заведомо зная об

отсутствии условий удовлетворения требований кредиторов [4, с. 61].

Для примера обратимся на официальный сайт Единого федерального реестра сведений о банкротстве. Согласно Решению Арбитражного суда Республики Башкортостан от 27.08.2019 г. по делу № А07–23950/2019 Мигранов Айрат Закарович признан несостоятельным (банкротом), в отношении которого введена процедура реализации имущества и назначен финансовый управляющий [6]. Гражданин на момент подачи заявления имел задолженность перед четырьмя банками в сумме свыше 800 671 рублей при наличии следующего имущества: 2 земельных участка, жилой дом и автомобиль. Исходя из Решения, сделаем вывод, что суд признал действия крайнего гражданина добросовестными, поскольку его требование удовлетворили — признали несостоятельным и назначили финансового управляющего, следовательно, признаков преднамеренного банкротства не было выявлено.

Другой пример позволяет сделать вывод о том, что при подобных условиях рассматриваемых Арбитражным судом дел могут быть выявлены признаки преднамеренного банкротства или фиктивного банкротства, хотя сам должник, возможно, в силу правовой безграмотности был не в состоянии объективно оценить сложившуюся ситу-

ацию. Например, Решением Арбитражного суда Ростовской области от 16.07.2019 г. (резольтивная часть) по делу № А53–39915/2018 введена процедура реализации имущества гражданина Руслана Асадовича Магомедшарипова [6]. Гражданин имеет задолженность в сумме от 1,5 миллиона рублей перед кредиторами, и не имеет имущества, которое бы соответствовало сумме для покрытия задолженности. Однако финансовый управляющий высказал предположение о наличии признаков преднамеренного банкротства, которые по итогу были выявлены. Сделаем вывод о том, что конкретных зафиксированных предпосылок для вынесения предположений о недобросовестности будущего банкрота не существует, поэтому автор предлагает закрепить положения, касающиеся признаков, указывающих на фиктивное или преднамеренное банкротство.

Таким образом, институт несостоятельности (банкротства) физического лица, не занимающегося предпринимательской деятельностью, является достаточно молодым. Однако в мировой практике уже имеет опыт. Поскольку неплатежеспособность населения является отрицательной характеристикой для любой страны, стоит обратить на это внимание: детализировать положения о процессе признания несостоятельным гражданина.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.07.2019) // «Собрание законодательства РФ», 2002, № 43, ст. 4190.
2. Бадахова, Л. Р. Некоторые аспекты банкротства граждан в США // Общество и право. 2010. № 4 (31). с. 283–284.
3. Зинковский, М. А. Проблемы банкротства физического лица // Вестник БелЮИ МВД России. 2016. № 2. с. 48–49.
4. Прохоров, М. Ю. Обзор некоторых изменений российского законодательства, принятых в связи с введением положений, предусматривающих процедуру банкротства физического лица // КРИМИНАЛИСТЪ. 2015. № 2(17). с. 60–62.
5. Разумович, И. Н., Лузик А. А. Отдельные аспекты банкротства физических лиц: Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. с. 208–212.
6. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве // URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/Default.aspx>

Местное самоуправление в системе публичной власти

Петкина Екатерина Игоревна, студент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Сложный феномен, как местное самоуправление, является темой для обсуждения не один десяток лет в России. Казалось, существует нормативное регулирование посредством главы 8 Конституции Российской Федерации, федерального закона № 131-ФЗ, однако процесс формирования продолжается, по мнению исследователей. Проблема является актуальной во все времена, поскольку затрагивает интересы каждого гражданина нашей страны. В настоящий момент остро поставлен вопрос отнесения

местного самоуправления в систему публичной власти. С одной стороны, это давно доказано практиками и теоретиками — состав МСУ в системе публичной власти, как одного из разновидностей. С другой стороны, можно встретить и противоречия этой позиции, в частности, закрепления такого положения в Основном Законе страны.

Обратимся к Проекту Закона о поправке конституции Российской Федерации [7], который является одним из самых обсуждаемых событий начала 2020 года в России.

Согласно пункту 21 Проекта Закона о поправке образуется закрепленная в Конституции РФ «публичная власть», в состав которой входят органы местного самоуправления и органы государственной власти. Такой факт можно интерпретировать, как попытка «структурировать» власть в стране, утвердить ее соотношение на уровне всей страны.

Для детального рассмотрения проблемного поля зафиксируем определение понятия «публичная власть». Ч. С. Мустафин приводит следующее: «публичная власть — это власть, подчиняющая себе всех членов общества, которая осуществляется самим обществом» [6, с. 18]. Другими словами, публичная власть выступает, как один из способов осуществления народовластия. Также необходимо отметить формы публичной демократии по С. А. Авакьяну [5, с. 373]: «государственная власть, общественная власть (политические партии общественные организации), общественно-государственная власть (местное самоуправление)». Следовательно, положение о том, что публичная власть, в составе которой и государственная, и местная, не является не столько «новой», сколько давно принятым фактом в научном сообществе.

Савин В. И. [8, с. 151], анализируя федеральные законы № 131-ФЗ и № 184-ФЗ [2;1], которые регулируют общие принципы организации органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов РФ соответственно, дает понять о том, что существует немало дублирующих, несогласованных между собой положений, на основании чего возникает сложно управляемая система взаимодействий органов разных уровней. Однако сложность на местном уровне заключается еще и в невозможности самостоятельно решить следующие проблемы органов местного самоуправления: низкий уровень доходной части местных бюджетов, отсутствие связи населения с исполнительной властью, снижение общественного контроля над органами местной власти, а также отсутствие полноценного функционирования представительных органов на местах. Так, утверждение общих принципов организации системы публичной власти на всех уровнях решало бы сложившуюся проблему, в том числе, активировало контрольную функцию.

Л. Т. Чихладзе приводит следующее положение: «местное самоуправление — это муниципальная публичная власть, имеющая основные признаки, характеризующая государственную власть» [9, с. 173]. Другими словами, местная и государственная власть — это разные виды публичной власти, которые имеют общие черты и специфические для каждой. В частности, специфическими чертами являются территориальные отличия властного применения, масштаб источника власти и степень иерархии актов нормативного правотворчества [9, с. 174]. Общей чертой является, например, властно-принудительный характер деятельности.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Текст]: федер. закон от

Итак, органы местного самоуправления на этапе возникновения основывались на принципах системы публичной власти, следовательно, такое закрепление юридически положительно повлияет на функционирование всей системы управления государством.

А. Р. Еремин обращает внимание на достаточно регламентированный процесс местного самоуправления на современном этапе, однако процесс реформирования не окончен. Доктор юридических наук выделяет проблему разграничения полномочий между уровнями публичной власти, в подтверждение приводится пример взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления, которые находятся на недостаточном уровне правового и экономического регулирования [3, с. 20]. Также А. Р. Еремин поясняет, что любое изменение на практике должно основываться на теории, закрепленной в Основном законе. Следовательно, автор работы считает возможность закрепления публичной власти и ее видов положительным моментом в истории реформирования местного самоуправления, а также, первым этапом по достижению разграничений полномочий между органами власти.

Критика отнесения местного самоуправления в структуру публичной власти существует в информационном пространстве и состоит в том, что местное самоуправление войдет в «единую систему публичной власти», другими словами, вся власть станет централизованной [4]. Так, акцентируется ч. 44 п.6 Проекта Закона о поправке Конституции РФ, в которой находится положение о том, что органы государственной власти будут иметь возможность участия при формировании органов местного самоуправления. Однако ученые, имеющие теоретическую базу и большой опыт, не склонны к данной позиции. Автор считает, что формирование данной оппозиции сформировано на основе предвзятости населения к органам государственной власти. Конечно, такая возможность существует, однако Проект Закона о поправке Конституции РФ предполагает пересмотр всей системы публичной власти, что будет способствовать ее стремлению к максимальной прозрачности действий.

Сделаем вывод, на настоящий момент существуют проблемы в сфере функционирования органов местного самоуправления, а также в сфере их взаимодействия с органами государственной власти. Решение такой ситуации видится в определении государственной власти и местной власти, как разновидностей публичной власти, закрепленного нормативно. Такой шаг послужит основанием для улучшения организационной деятельности государственной власти и местного самоуправления, что в дальнейшем окажется положительное влияние на благополучие населения.

- 06.10.1999 г. № 184-ФЗ / Российская Федерация. Законы // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.
2. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ / Российская Федерация. Законы // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
 3. Еремин, А. Р. Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации // Вестник Саратовской юридической Академии. — 2018. — № 6 (125). с. 15–22. URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36795527> (дата обращения: 15.03.2020).
 4. Изменение конституционного строя: к чему приведет предложенная президентом правка основного закона // Forbes. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fobshchestvo%2F391711-izmenenie-konstitucionnogo-stroya-k-chemu-privedet-predlozhennaya-prezidentom> (дата обращения: 16.03.2020).
 5. Конституционное право: Энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. — М., 2000. — 688 с.
 6. Мустафин, Ч. С. Муниципальная власть как первичный уровень публичной власти // Международный журнал гуманитарных и естественных наук [Электронный ресурс]: электрон. научн. журн. — 2019. — № 12–2 (39). с. 18–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=418109746031> (дата обращения: 16.03.2020).
 7. Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 16.03.2020).
 8. Савин, В. И. Местное самоуправление в системе публичной власти России // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — № 3. — с. 150–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-sisteme-publichnoy-vlasti-rossii> (дата обращения: 15.03.2020).
 9. Чихладзе, Л. Т. Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 3. с. 171–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-sisteme-publichnoy-vlasti-v-rossiyskoy-federatsii-1> (дата обращения: 15.03.2020).

Юридическая ответственность и критерии ее дифференциации

Пискорский Дмитрий Владиславович, студент

Сахалинский институт железнодорожного транспорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Южно-Сахалинск)

Автор статьи определяет сущность юридической ответственности: историю возникновения данного явления и появления самого научного термина, изменения правопонимания, равно как — правового феномена в свете изменения парадигмы власти; производится разграничение понятий «ответственность», «наказание» и «санкция»; предлагает авторское обоснование существующей ситуации одновременного применения санкций разных отраслей материального права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правопорядок, наказание, санкция, гражданско-правовая ответственность, административное право.

Термин «юридическая ответственность» равно как отображение сложившейся в европейском праве мысли появился в юридической науке примерно в XIX–XX вв.

Данное событие стало допустимо вследствие окончательного завершения к 1792 г. смены парадигмы власти, перемены самой сути власти, значительных перемен в конституции [7]. Концепция юридической ответственности обладает в основе установленной двойностью обстоятельств своего бытия в позитивном праве: с одной стороны, обстоятельством юридической ответственности считается обусловленность; с другой — свойство самого действия. Так, автор предлагает в качестве структурных элементов юридической ответственности выделять типы, формы и виды юридической ответственности.

Типы юридической ответственности являются своего рода крупным элементом системы юридической ответ-

ственности и представляют собой группировку ее системных элементов.

По мнению автора, типами юридической ответственности являются частноправовая и публично-правовая ответственность [1]. Системные элементы юридической ответственности, объединяющие несколько видов юридической ответственности, образуют формы юридической ответственности.

В терминологии Д. А. Липинского это подсистема юридической ответственности. В качестве первичного элемента юридической ответственности М. П. Авдеенкова по признакам объекта или субъекта посягательства предлагает выделять виды юридической ответственности, которые Д. А. Липинский называет подвидами, или элементами, системы юридической ответственности.

Что касается норм юридической ответственности, которые Д. А. Липинский обозначает как первичные эле-

менты структуры юридической ответственности, то М. П. Авдеенкова, отмечая, что нормы юридической ответственности входят в круг норм, формирующих ту или иную отрасль права, не рассматривает их в качестве структурных элементов юридической ответственности.

Свои умозаключения исследователь поясняет тем, что нормами права регламентируется только публично-правовая ответственность. В отличие от публично-правовой, частноправовая ответственность регулируется как нормами права, так и актами участников правоотношений [1].

Действительно, к примеру, гражданско-правовая ответственность обеспечивается государственным принуждением, которое может быть предусмотрено законом или договором.

Однако сама договорная ответственность предусмотрена соответствующими институтами гражданского права, которое объединяет нормы, касающиеся конкретного договора. Иными словами, возможность регулирования частноправовой ответственности актами участников данных правоотношений не может выходить за рамки норм действующего законодательства.

Поэтому следует согласиться с Д. А. Липинским, который в качестве первичного элемента юридической ответственности называет норму права. В основу функционального критерия положены функции юридической ответственности, исходя из которых выделяют право-восстановительную, штрафную [8] и карательную ответственность [9].

При этом, учитывая многофункциональность юридической ответственности, ученые называют ее главными функциями «право-восстановительную (репарационную) и репрессивную (карательную)».

За пределами внимания сторонников функционального критерия остается тот факт, что функции юридической ответственности не классифицируются на главные и не главные или на основные и дополнительные.

Кроме того, не стоит отрицать и тот факт, что некоторые виды юридической ответственности выполняют несколько функций. К примеру, уголовной ответственности, помимо карательной, присущи регулятивная и восстановительная функции [2], а гражданско-правовой ответственности, помимо право-восстановительной, — карательная функция [10].

Если согласиться с приведенной выше точкой зрения, то получается, что в уголовном или гражданском праве существуют отдельно карательная и отдельно право-восстановительная функция ответственности.

Однако на самом деле в процессе реализации юридической ответственности ее функции взаимодействуют друг с другом. Следующим критерием выделения элементов юридической ответственности является разделение права на публичное и частное.

Некоторые ученые называют этот критерий «критерием интересов», так как частное право защищает интересы частных лиц, а публичное право стоит на страже публичных или общегосударственных интересов [3].

По данному критерию выделяют публично-правовую и частноправовую юридическую ответственность.

Если критерий интересов принять за основу, то публично-правовые интересы остаются за пределами защиты частного права, в то время как любые правоотношения, возникающие в связи с совершенным правонарушением, являются публично-правовыми. Кроме того, сущность государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности предопределяется охранительными отношениями ответственности.

Субъективный критерий позволяет ученым выделить такие элементы юридической ответственности, как субъективную (наступает при наличии виновных действий правонарушителя), объективную (наступает при отсутствии вины в действиях правонарушителя и при наличии причинной связи между действиями и наступившим вредом) и абсолютную (наступает при отсутствии вины и причинной связи) ответственность [4].

Недостатком применения данного критерия является то, что не учитываются системные свойства института юридической ответственности и принцип виновности, свойственный многим видам юридической ответственности.

Более того, абсолютная ответственность, отражая некоторые признаки международной ответственности, не может распространиться на отечественную систему юридической ответственности. Структурные элементы юридической ответственности выделяют и по признакам юридической ответственности.

Прежде всего это субъективный состав юридической ответственности, в зависимости от которого выделяют юридическую ответственность физических лиц и юридическую ответственность юридических лиц.

В свою очередь внутри каждого вида ответственности выделяют юридическую ответственность отдельных видов юридических лиц, а также юридическую ответственность должностного лица, иностранного гражданина или лица без гражданства, несовершеннолетних и прочее.

Не стоит отрицать тот факт, что несмотря на то, что субъективный критерий выделения элементов юридической ответственности не отражает системных свойств юридической ответственности, в то же время он позволяет выяснить, какой вид юридической ответственности может нести то или иное лицо.

Тем самым исключается дублирование юридической ответственности. Следующим критерием выделения структурных элементов юридической ответственности является вид правоотношений, в которых реализуется юридическая ответственность.

Такой критерий позволяет ученым выделять позитивную и негативную юридическую ответственность [5], институт позитивной и принудительной ответственности, принудительную и поощрительную уголовную ответственность [6].

Однако данный критерий не отражает системных свойств юридической ответственности, так как пози-

тивная и негативная юридическая ответственность являются не видами, а формами реализации юридической ответственности.

О. А. Кожевников в качестве критерия выделения элементов структуры юридической ответственности называет характер государственного принуждения, выделяя минимальное (психологическая ответственность, которая проявляется в конституционной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности), значительное (материальная ответственность) и максимальное (уголовная ответственность) государственное принуждение.

Предлагаемый ученым критерий выделения элементов юридической ответственности имеет свои недостатки.

Во-первых, происходит смешение различных классификационных критериев — отраслевого, силы государ-

ственного принуждения, характера применяемых ограничений, вида правовой нормы.

Во-вторых, неприемлемым представляется использование таких субъективных категорий, как «максимальное», «значительное» и «минимальное», восприятие которых может быть неодинаковым у различных субъектов.

В-третьих, любому виду юридической ответственности свойственно такое качество, как психическое воздействие, реализующееся посредством осуждения (порицания), а не только конституционной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. В качестве критерия выделения структурных элементов юридической ответственности некоторые ученые называют субъекта, применяющего юридическую ответственность.

Литература:

1. Авдеенкова, М. П. Элементы системы юридической ответственности и особенности их взаимодействия // Современное право. 2012. № 5. с. 44–49.
2. Кленова, Т. В. Метод уголовно-правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия: Юриспруденция. 2010. № 12. с. 12–21.
3. Крусс, В. И. Конституционные критерии юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. с. 15–22.
4. Черданцев, А. В., Кожевников С. Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 6. с. 39–48.
5. Умнова, И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2010. 304 с.
6. Разгильдиев, Б. Т. Понятие и социальное назначение принципа уголовного права // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 1. с. 85–91.
7. Липинский, Д. А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... доктора юрид. наук. Самара, 2010. 487 с.
8. Лейст, О. Э. Виды юридической ответственности // Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. М.: Зерцало, 1998. с. 110–121.
9. Кислухин, В. А. К вопросу о понятии и видах юридической ответственности // Труды Кировского филиала Московской государственной юридической академии. Киров: Фил. Моск. гос. юрид. акад. в г. Кирове, 1998. № 2. с. 80–84.
10. Хохлов, В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти: ТолПИ, 1997. 318 с.

Гражданско-правовая ответственность граждан и юридических лиц

Пискорский Дмитрий Владиславович, студент

Сахалинский институт железнодорожного транспорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Южно-Сахалинск)

Статья посвящена определению актуального вопроса о гражданско-правовой ответственности граждан и юридических лиц, как в российском, так и зарубежном праве, а именно на примере европейских стран. Автором изучаются гражданские положения, на основании которых регулируется определенная сфера. В указанной статье рассматриваются недостатки и несовершенства законодательства в отношении ответственности публично-правовых образований. Высказывается мнение о необходимости построения механизма гражданско-правовой ответственности на основе общих доктринальных принципов гражданско-правовой ответственности, как граждан, так и юридических лиц.

Ключевые слова: правонарушение, механизм ответственности, гражданско-правовая ответственность.

Очевидным обстоятельством является реакция государства на правонарушение а именно, это всегда отрицательная реакция, сторонники указанной трактовки

в качестве универсального признака гражданской ответственности указывают — осуждение правонарушителя, равно как и назначение последнему наказания — установ-

ление для него неблагоприятных последствий в виде ограничений личного либо имущественного характера или возложения на него дополнительных обременительных обязанностей [3].

Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский указывали, что ответственность «следует определять как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений личного или имущественного порядка» [7].

Общую позицию, касаемо гражданско-правовых отношений, и нарушений в указанной сфере, возможно, изложить следующим образом: правонарушитель посягнул на общественные интересы и причинил вред государству и обществу, за что должен претерпеть определенного рода лишения, а именно понести наказание за содеянное.

Автор говорит о том, что правовой ответственностью признается общая категория, которая распространяется абсолютно на все отрасли права, на основании чего в цивилистической литературе, помимо прочего, утверждалось, что ответственность в гражданском праве определяет своей целью общественное осуждение правонарушителя. Так, по мнению П. Варула, гражданско-правовая ответственность есть — «осуждение со стороны государства поведения субъекта гражданского права», не определенного требованиям гражданско-правовых норм и договоров, что «заключается либо в лишении данного субъекта определенного субъективного права, либо в наложении на него дополнительной юридической обязанности» [2].

В. В. Васькин, Н. И. Овчинникова и Л. Н. Рогович в рамках определения характеристики гражданско-правовой ответственности применяли определение «общественное осуждение правонарушителя» [3].

Рассмотрим понятие гражданско-правовой ответственности в рамках современной юридической науки. Автор отмечает, что гражданско-правовая ответственность влечет за собой имущественные лишения для правонарушителей, обеспечивая при этом обеспечение тех имущественных потерь, которые несет потерпевший в результате совершенного против него правонарушения, указанное, по своей природе, является «актом экономического воздействия» за совершенное правонарушение.

Автор говорит о том, что целью гражданско-правовой ответственности в России и, собственно, в цивилизованном мире, является возмещение имущественных потерь потерпевшего, равно как и восстановление имущественного положения. То же самое, в рамках гражданской ответственности можно говорить и об ответственности юридических лиц, так автор говорит о том, что в 1947 году в Англии принимается закон по аналогии с законом США, здесь мы говорим о гражданско-правовой ответственности по отношению к частным лицам. Указанный закон, закрепил невозможность в рамках указанной категории дел, принудительного исполнения.

В правовой литературе, возможно, проследить, что главной отличительной особенностью гражданско-правовой ответственности представляет собой материальная направленность. Использование гражданско-правовой ответственности каждый раз связано с возмещением имущественных потерь, взысканием определенного вреда, уплаты неустоек [7]. Из вышесказанного следует, что гражданско-правовая ответственность постоянно определяет какие-либо виды лишения имущественного характера. В гражданском праве даже в том случае, когда нарушаются личные неимущественные права, правонарушитель не привлекается к ответственности, которая определяет за собой ограничения личного характера. Так, к мерам гражданско-правовой ответственности возможно относить только лишь те ограничения, которые понесут для правонарушителя неблагоприятные имущественные последствия, которые не наступили бы, если бы не его неправомерное поведение.

Следовательно, только лишь часть определяемых выше гражданско-правовых способов защиты исключительных прав, могут являться мерами гражданско-правовой ответственности, а именно: 1) возмещение убытков как общая мера гражданско-правовой ответственности; 2) выплата компенсации как специальная мера гражданско-правовой ответственности, применяемая в случаях, предусмотренных ГК РФ.

Указанные автором меры гражданско-правовой ответственности, необходимо отнести к штрафным охранительным правоотношениям, поскольку, возмещение убытков, равно как и выплата компенсации предполагают имущественные лишения для нарушителя прав, с целью восстановления имущественного положения потерпевшего. В дальнейшем автором будет рассмотрена общая характеристика указанных мер гражданско-правовой ответственности. Собственно, в современной юридической учебной литературе подобного рода подход имеет сторонников.

И, несмотря на дискуссионность вопроса о соотношении понятий «общественная опасность» и «общественная вредность», авторы-правоведы признают существование противоречия между любым правонарушением и общественными интересами, что прямо влияет на характеристику юридической ответственности. Е. Л. Поцелуев считает, что «каждое правонарушение причиняет или может причинить вред, ущерб охраняемым общественным отношениям, благу, ценностям, которые законодатель взял под охрану и защиту, установив за посягательство на них негативные санкции, различные виды юридической ответственности. [5].

А. Ф. Галузин, определивший в своих трудах проблемы соотношения правонарушений в публичном и частном праве, говорит о том что: «...ни Кодекс РФ об административных правонарушениях, ни Таможенный кодекс, ни ГК РФ, ни другие законодательные акты не указывают на общественную опасность как признак правонарушения», однако указанное «не означает вовсе, что эти норма-

тивные акты не учитывают общественной опасности совершенных административных, дисциплинарных, гражданских правонарушений» [6]. Так автор может говорить о том, что в российской современной доктрине сохраняются определенные традиции, заложенные в советский период, в соответствии с которыми каждое правонарушение признается противоречащим общественным интересам и представляющим собой общественно-опасное, а равно, наказуемое деяние. Абсолютно естественно, что при указанном подходе к совершенному пониманию правонарушения, гражданское правоотношение, определяющее ответственность, стоит рассматривать как возникающее между правонарушителем и государством, но не между частными лицами.

На сегодняшний день, в условиях возврата к разделению права на частное и публичное и становления определения «публичное право защищает публичные интересы, а частное право — частные интересы», указанная идея определяет достаточное признание. Автор определяет, что гражданские правонарушения не могут обладать определенным признаком общественной опасности, поскольку, здесь он выступает определенным критерием для установления преступления и одновременно основанием, разграничивающим правонарушение на преступление и малозначительное деяние (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Однако означает ли указанное, что само по себе гражданские правонарушения не определяют негативное влияние на общественные интересы и никак не связаны с ним?

Означает ли указанное, что единственным основанием гражданско-правовой ответственности является нарушение субъективных гражданских прав, а целью гражданско-правовой ответственности — исключительно восстановление нарушенного субъективного права?

Гражданское правонарушение отнюдь не постоянно сопряжено с нарушением субъективных прав прочих лиц, здесь автор готов привести пример — ситуацию бесхозяйственного содержания жилого здания, в которой гражданин не соблюдает индивидуальных прав прочих лиц, однако тем самым не совершает правонарушения и может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности. На самом деле, субъект, бесхозяйственно содержащий личную жилую собственность, не нарушает ничьих индивидуальных прав, однако нарушает правовой запрет на осуществление таковых деяний. Не нарушает ничьих субъективных прав и обмен валюты, реализованный гражданами с нарушением определенного порядка. Однако он все равно считается незаконным, поскольку нарушает законодательный запрет на осуществление подобных сделок в обход кредитных учреждений, установленный в публичных интересах.

Если исходить из осмысления юридической ответственности как реакции страны на свершенное правонарушение, выражающейся в установлении для правонарушителя негативных результатов в виде лишения индивидуального или материального характера, в таком

случае под это установление подпадет несколько мер, предустановленных гражданским законодательством: санкции за принятие сделки, противоречащей правопорядку и нравственности что предусматривается ст. 169 ГК РФ; отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором указанное имущество находится (ст. 239 ГК РФ); приобретение бесхозяйственно содержащихся культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ); конфискация имущества (ст. 243 ГК РФ) и прочие.

В литературе по поводу таких мер, называемых конфискационными санкциями, высказаны различные точки зрения.

Так, в 1946 г. в соединенных штатах Америки был установлен Федеральный закон о претензиях из причинения вреда [1], в котором имелись регламентированные проблемы ответственности федерации при причинении ущерба гражданам. Правительство в соответствии с жалобами о причинении ущерба гражданам так же, равно как в случае, если бы ущерб был причинен физическим лицом, на равных отвечает за содеянное, — это общее правило ответственности в США. Однако в этом правовом акте имеется оговорка, что учитывает освобождение государства от ответственности за ущерб, нанесенный при исполнении органами власти определенного рода полномочий, вне зависимости от того было ли в указанном случае превышение собственных, государственных полномочий.

Таким образом, присутствие указанной ремарки, не предоставляет возможности приводить указанный пример гражданско-правовой ответственности как фактически благоприятный, поскольку указанный пример совершенно регрессивен в отношении функционирующего российского законодательства. Однако самостоятельная концепция издания особого закона, который регулирует ответственность публично-правовых образований и юридических лиц, перед гражданами является достаточно современным, и нужным для отечественного законодательства.

Автор, по мимо прочего, рассматривает конфискационные санкции, установленные не за нарушение субъективных гражданских прав, а за нарушение публичных интересов.

При этом автор отмечает, что предписанное никак не представляется поводом для непризнания их мерами гражданско-правовой ответственности.

Установленный аспект дает возможность нам причислить правонарушения вопреки частных заинтересованностей к первой группе, а правонарушения вопреки общественных интересов — ко второй.

Видится, что в этой систематизации есть рациональное зерно также ее позволительно было бы вложить в основу разделения гражданско-правовых санкций на меры ответственности частноправового характера, а кроме прочего и конфискационные наказания.

Но, согласно суждению автора, наиболее оптимальной считается система, которая основывается не на характеристике субъектов, а на цели используемых наказаний.

Таким образом, возможно, заявлять о том, что в случае если бы в абсолютно всех вариантах совершения гражданских правонарушений разговор шел о возобновлении материальной сферы потерпевшего — индивидуального субъекта гражданского права, в таком случае, возможно, было бы в целях освобождения самого гражданского права от публично-правовых категорий, заменить категорию «гражданско-правовая ответственность» группой «гражданско-правовая защита» [4].

Однако, как было представлено, гражданские правонарушения могут преступать не только лишь субъективные гражданские права и оберегаемый законодательством круг интересов частных лиц, однако также общественные интересы. Непосредственно, и согласно этой причине,

наиболее оптимальной, автор видит теорию, относительно которой к ответственности в индивидуальном праве, возможно, отнести «те самые взаимоотношения, которым определенно характерен сам критерий публичности, один из субъектов данных отношений, постоянно представляет собою государство. Это те отношения, в которых наказание не носит компенсационный вид, но относится больше к «каре», или определенного рода наказанию». Но взаимоотношения по взысканию ущербов, неустойки, сумм причиненного вреда, какие обычно относятся к области гражданско-правовой ответственности, следует признать отношениями согласно охране индивидуальных гражданских прав и оберегаемых законодательством интересов.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2003, № 40, ст. 3822
2. Тузов, Д. О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2011. № 1. с. 39.
3. Поцелуев, Е. Л. Правонарушение как социальное явление // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Естественные, общественные науки. 2013. Вып. 1. с. 31.
4. Морозов, С. Ю., Мызров М. Н. Публичные образования как субъекты международного частного права // Власть закона. 2012. № 1. с. 142–145.
5. Хохлова, Г. В. Понятие гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. ст. Вып. 5 / Под ред. В. В. Витрянского. М., 2012. с. 81.
6. Шершеневич, Г. Ф. Курс гражданского права. М, 2011. с. 512–513.
7. Красавчиков, О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве / Красавчиков О. А. // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 2015. с. 260–261.

Спорные вопросы реализации смертной казни

Середа Анастасия Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: смертная казнь, Российская Федерация, преступление, наказание, связь.

Смертная казнь и ее применение являются достаточно дискуссионными, однако весьма важными вопросами. При этом вопрос о необходимости реализации такой меры ответственности, как смертная казнь, в Российской Федерации стоит достаточно давно. Также важно отметить, что в доктрине и политической сфере приводилось множество доводов как за существование и применение данной меры, так и против и споры по данному вопросу не утихают до сих пор.

На современном этапе можно говорить о том, что выделились три основные теоретические позиции по данному вопросу.

Ряд ученых и практиков говорят о необходимости немедленно отменить смертную казнь, выступая в целом против данного вида наказания. При этом они говорят о том, что смертная казнь как вид наказания является аморальной и нецелесообразной.

Вторая группа исследователей, напротив, выступают в поддержку применения смертной казни. При этом в данном случае исследователи рассматривают смертную казнь не только как ограничение правового характера, но также как физическое уничтожение преступника, гарантирующее абсолютную безопасность общества от повторения подобного преступного деяния данного лица.

Третья группа авторов в общем и целом выступают в поддержку такого вида наказания, как смертная казнь, однако говорят о необходимости сокращения ее применения и постепенной отмены данного наказания.

Необходимо сказать о том, что все указанные позиции должным образом обоснованы и содержат грамотные аргументы, в связи с чем принятие какой-то из указанных позиций представляется весьма затруднительным.

Если рассматривать позицию сторонников применения смертной казни, то они указывают на справедливость применения такого наказания в качестве возмездия за те особо тяжкие преступные деяния, которые были совершены осужденным. В соответствии с данной позицией некоторые люди совершают настолько ужасные преступления, что лишение жизни воспринимается как единственной справедливой реакцией на такие деяния. Вместе с тем зачастую такая аргументация содержит в себе желание мести, которое замаскировано уголовно-правовым принципом справедливости.

С точки зрения эмоционального восприятия данный аргумент является достаточно мощным. Вместе с тем данный аргумент при признании его справедливым разрушает основы прав человека, которые основываются на том, что права человека являются неотчуждаемыми. В этой связи в литературе приводятся слова Ирландской комиссии за справедливость и мир, согласно которым «приводя смертный приговор в исполнение, мы безвозвратно исключаем всякую возможность, какой бы отдаленной она ни была, последующего раскаяния, исправления или примирения; наконец, исключаем возможность морального развития и пробуждения совести» [1].

Следующим наиболее распространенным аргументом, поддерживающим смертную казнь, выступает то, что данная мера оказывает на преступность сдерживающее воздействие. В этой связи необходимость убийства преступника оправдывается тем, что такое действие позволит удержать других лиц от совершения подобных деяний и защитить общество от особо тяжких преступлений. Вместе с тем на указанный аргумент есть и прямо противоположное мнение, которое получило достаточно яркое отражение в словах Никифорова А. С., указывающего на то, что смертная казнь не только не является сдерживающим фактором, но, наоборот, способствует росту преступности: «Преступник наверняка дополнительно озверел и стал по принципу «семь бед — один ответ» убирать, убивать потом потерпевших и свидетелей, чего он раньше, как правило, не делал. Раньше — даже в условиях не всегда компетентного и добросовестного следствия и суда — все-таки была альтернатива, был шанс получить срок поменьше. Теперь этот шанс исчез. По тому же принципу стали совершаться убийства теми насильниками, разбойниками и бандитами, которые до принятия Указа от 30 апреля 1954 г., по которому вводилась смертная казнь за умышленное убийство, от убийств, скорее всего, воздержались бы» [2].

При этом указанная позиция является интересной в связи с рассмотрением следующих статистических

данных. До введения моратория на смертную казнь в 1996 г., согласно постановлению Совета Европы от 25.01.96 г., в Российской Федерации было совершено следующее количество умышленных убийств по признакам статьи 102 ранее действовавшего Уголовного кодекса РСФСР: в 1990 г. — 2832, в 1991 г. — 2842, в 1992 г. — 3582, в 1993 г. — 4919, в 1994 г. — 5760, в 1995 г. — 5800.

В этой связи можно говорить о том, что в 1994 г. относительно 1990 г. количество умышленных убийств возросло на 103,4 %, а в 1995 г. относительно 1991 г. — на 104,3 %. В связи с этим подтверждается вывод о том, что смертная казнь не является сдерживающим преступность фактором, более того, рост преступности продолжается.

В контексте рассматриваемого вопроса также необходимо сказать о том, что сегодня не установлено, каким образом влияет жестокость наказания на преступность в государстве. Так, в некоторых государствах с высоким уровнем преступности наказания ужесточаются, и наоборот, часто в странах, где достаточно строгие наказания, имеет место высокая степень преступности. В данном взаимодействии сложно на сегодняшний день определить, что из данных явлений выступает как причина, а какое является следствием.

Вместе с тем и жестокие наказания, и уровень преступности коренятся в определенных причинах социального характера: традиции, обычаи, уровень общественной нравственности и правовой культуры, весь склад социального бытия общества. В случае оправдания смертной казни говорят о том, что только такое наказание может удовлетворить специфическую потребность общества. При этом вне зависимости то характера и содержания данной потребности общества она характеризуется таким масштабом, что оправдывает жестокое наказание смертью.

В этой связи также важно обратить внимание на то, что такая потребность различна в зависимости от общества, государства и времени ее проявления. Для каких-то стран смертная казнь является средством предупреждения и наказания за убийство. Для других стран смертная казнь становится средством борьбы с терроризмом, распространением наркотиков и т. д. Вместе с тем такая позиция основывается на характеристике преступника как «рационального», который взвешивает свои действия и последствия таких действий. Вместе с тем в большинстве случаев лица, которые совершают тяжкие преступления либо не задумываются о последствиях вообще, ибо рассчитывают на избежание осуждения. При этом также немаловажным является то, что жестокие наказания, как смертная казнь, направлением своего воздействия имеют тех преступников, которые по разным причинам их игнорируют либо не боятся (например, фанатики-террористы, маньяки и пр.).

В этой связи можно говорить о том, что общепредупредительное значение смертной казни в отношении общества в целом как жестокого наказания не имеет такого значения, о котором говорят некоторые исследователи.

Однако смертная казнь имеет смысл как мера частного предупреждения — в отношении каждого определенного опасного преступника. Однако данный фактор не может перевесить те обстоятельства, которые говорят о невозможности применения смертной казни в таких целях. Так, в этом смысле ставится вопрос о приведении в исполнение смертных приговоров, которые являются приведенными в исполнение ошибочно или неправосудными. В такой ситуации цена ошибки представляется слишком высокой, с учетом того, что судебные ошибки являются неизбежными, к сожалению. В таком случае жизнь человека ставится в зависимость от жизненных обстоятельств и случайности, повлекшей совершение человеческой ошибки.

В этой связи отметим, что рассматриваемый довод о судебных ошибках является наиболее распространенным. В этой связи Д. А. Корецкий говорит о следующем: «Казнь — предмет политических спекуляций. За политические преступления Чикатило расстреляли невинного Кравченко! А почему не пишут, кто такой Кравченко? Он тоже убийца и уже отбывал наказание за другое убийство на сексуальной почве! А потом взял на себя и этот эпизод» [3]. Второй эпизод подобной судебной ошибки имел место, когда был расстрелян серийный убийца Михасевич (витебское дело), который совершил больше 10 убийств. Однако ему также было приписано одно из убийств Чикатило. В этой связи А. С. Михлин говорит о том, что «считать, что пострадал невинный, вряд ли есть основания» [4].

При рассмотрении данного вопроса также имеет место и более прагматичный подход, который основывается на том, что заключенных, совершивших особо тяжкие преступления, за которые назначено пожизненное заключение, дешевле просто убить, нежели содержать в тюрьме. В данном контексте А. Ф. Кистяковский говорил следующее: «Единственное ее преимущество в глазах народов состоит в том, что она очень простое, дешевое и не гололомное наказание» [5].

На сегодняшний день особенно остро вопрос применения смертной казни встает, когда речь идет о террористах. Так в соответствии со статьей 3 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, участником которой является и Российская Федерация, «стороны принимают такие меры, которые могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области национального законодательства, для обеспечения того, чтобы деяния, указанные в пункте 1 статьи 1 настоящей Конвенции (терроризм, сепаратизм, экстремизм) ... влекли наказание соразмерно степени их тяжести» [6]. Таким образом, при установлении уголовной ответственности за преступления в области терроризма, государство-участник конвенции должно оценивать, какая мера наказания соответствует степени тяжести совершенных деяний.

В связи с этим необходимо сказать о том, что смертная казнь соответствует степени тяжести преступлений террористической направленности.

Смертная казнь рассматривается как высшая мера наказания и исключает возможность рецидива. Представляется, что такое положение вещей связано с глобальным характером проблемы терроризма. Кроме того, в результате террористической деятельности страдает большое количество человек. Также с учетом сформировавшейся международной обстановки террористические акты происходят все чаще, что требует принятия необходимых мер, которые бы могли эффективно решать проблемы возникновения террористических организаций и их деятельности.

При этом данная категория преступлений является важной и актуальной и такая важность подтверждается тем, что в соответствии с российским уголовным законодательством к лицам, которые совершили такие преступления, как террористический акт, сроки давности не применяются, в связи с чем лицо не может быть по этому основанию освобождено от уголовной ответственности.

Ответственность в области осуществления террористической деятельности в основном устанавливается статьями 205 и 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом санкции данных статей не предусматривают применения к преступникам такой меры наказания, как смертная казнь. Именно по этому поводу в течение последних лет ведутся жаркие споры относительно введения для террористов такой меры наказания, как смертная казнь.

В этой связи 25 марта 2016 года на информационных ресурсах появилась информация о том, что руководителем партии «Справедливая Россия» Сергеем Мироновым и депутатами Михаилом Емельяновым и Олегом Ниловым был внесен в Государственную Думу законопроект, который предусматривает введение смертной казни за преступления террористического характера, предусмотренные статьями 205 и 205.1. Данный проект закона был зарегистрирован. При этом внесение изменений предполагает именно введение смертной казни в качестве меры наказания за данные преступления. Свою позицию инициаторы законопроекта обосновывают тем, что подобное ужесточение меры наказания за данные преступления может предотвратить совершение таких преступлений в дальнейшем. Представляется, что данная позиция обоснована.

Важно отметить, что в 2015 году подобный законопроект уже вносился на рассмотрение законодательного органа, однако получил отрицательный отзыв Верховного Суда Российской Федерации и не был принят [7]. Также в этой связи представляется интересным ответить, что в конце 2015 года председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин выразил свое мнение о том, что в России следует ввести смертную казнь за тяжкие преступления.

При этом также важно рассмотреть положения международных документов. В соответствии со ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод «право каждого лица на жизнь охраняется за-

коном. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание» [8]. Вместе с тем в соответствии с Протоколом № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни, в соответствии с которым «смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» [9].

В этой связи также важно отметить, что мораторий на смертную казнь в Российской Федерации действует с 1999 года, однако также важно, что Российская Федерация до сих пор не ратифицировала протокол № 6 к Конвенции по правам человека. Однако Российская Федерация также не выражала своего намерения не становится участником данного протокола, что согласно Венской конвенцией о праве международных договоров трактуется как обязанность России воздерживаться от действий, которые противоречат данному документу.

Вместе с тем по этому поводу дал свои разъяснения Конституционный Суд Российской Федерации. Постановлением Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 N 3-П указывается на возможность применения смертной казни, когда суды присяжных будут введены на всей территории Российской Федерации. Вместе с тем в соответствии с Определением Конституционного Суда от 19.11.2009 N 1344-О-Р Конституционным судом указывается, что «Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 N 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т. е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 Конституции РФ, означают, что исполнение Постановления N 3-П в части, касающейся введения суда

с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей» [10].

Таким образом, с точки зрения норм международного права и внутригосударственного законодательства, установление смертной казни не является юридически правильным, то есть такие нормы просто не будут действовать. Однако в настоящее время также стоит вопрос о необходимости введения такого наказания, его целесообразности и эффективности.

Представляется, что в контексте рассматриваемого вопроса важно оценивать террористическую деятельность не только как преступную деятельность, но и как наиболее опасную деятельность для любого общества и государства во всем мире.

Кроме того, с учетом того, что террористические акты в мире имеют место последнее время все чаще и страдает от данных действий все больше людей, государствам необходимо предпринимать решительные шаги по пресечению подобных преступлений, а также по устранению рецидива таких преступлений. В этой связи введение смертной казни является ответственным, но важным и эффективным шагом в данном направлении. Вместе с тем представляется, что верховенство и неотчуждаемость прав человека и гражданина на сегодняшний день не предоставит необходимой почвы для реализации смертной казни как уголовного наказания за преступления террористической направленности.

Суммируя изложенное, можно говорить том, при разработке нормативного правового регулирования в области отмены смертной казни России должна определиться, признает ли государство категорию «неисправимых» преступников, в связи с чем будет ли логичным и закономерным применение такого наказания, как смертная казнь, или нет. В этой связи разработка указанных положений требует формирования и построения тщательно продуманной государственной политики в данном направлении, которая будет сопряжена с повышением уровня правосознания населения, направленная на четкое понимание им нравственных устоев современного демократического гражданского общества.

Литература:

1. Головистикова, А. Н. Смертная казнь и право на жизнь [Электронный ресурс] URL: <https://www.lawmix.ru/comm/2141> (дата обращения 10.07.2020).
2. Никифоров, А. С. Приложение: предложения к проекту «Основы государственной политики борьбы с преступностью» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ. правовая система.
3. Корецкий, Д. А. Смертная казнь в аспекте современной криминологической ситуации / Д. А. Корецкий // Право на смертную казнь. — М.: Частное право, 2004. — с. 168–173.
4. Михлин, А. С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее / А. С. Михлин. — М., 2000. — 156 с.
5. Кистяковский, А. Ф. Исследование о смертной казни / А. Ф. Кистяковский. — Тула: Автограф, 2000. — 129 с.
6. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. — 2003. — 13 октября 2003 г. № 41. Ст. 3947.

7. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.duma.gov.ru/>
8. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>
9. Протокол № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни [Электронный ресурс] URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440804/2440804.htm>
10. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 N 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ. правовая система.

Проблемы нормативного правового регулирования корпоративных отношений

Середа Анастасия Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: корпоративные отношения, юридическое лицо, способ защиты, правовое регулирование, Гражданский кодекс.

Рассматривая вопросы характеристики корпоративных отношений в предмете гражданского права, представляется возможным обратить внимание на то, что на сегодняшний день корпорации различных видов имеют большое значение для функционирования и развития рыночной экономики как в России, так и в других государствах. При этом, как уже указывалось ранее, корпоративные организации на сегодняшний день функционируют в различных организационно-правовых формах. При этом, как отмечается авторами, достаточно большая часть современных корпоративных организаций «имеют сложную систему внутреннего организационного строения, некоторые создаются одним учредителем, либо один из учредителей имеет преимущественную долю в капитале корпорации» [1].

Отметим, что нормативное правовое регулирование корпоративных отношений в Российской Федерации на современном этапе имеет свои проблемы, которые сказываются на правоприменительной практике в данной области. Так, если рассматривать проблемы нормативного правового регулирования в данной области, важно определить, систему нормативных правовых актов, которыми регулируются корпоративные отношения. Так, основу нормативного правового регулирования в данной области составляет Гражданский кодекс РФ [2], где в соответствии с положениями статьи 2 в предмет гражданского права относятся две категории корпоративных отношений:

1) отношения, которые связаны с участием в корпоративных организациях;

2) отношения, которые связаны с управлением корпоративными организациями.

Кроме того, к числу важных нормативных правовых актов в данной области относятся Федеральный закон «Об акционерных обществах» [3], Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» [4], нормативные правовые акты Центрального Банка России в области рынка ценных бумаг, нормативные правовые акты, регулирующие вопросы налогообложения, банкротства, а также иные нормативные правовые акты.

Также важно обратить внимание и на специфику нормативного правового регулирования корпоративных отношений. Так, важным шагом в развитии правового регулирования в данной области стала разработка «Кодекса корпоративного поведения», который заложил основу проведения систематического анализа управления в данной области, а также для формирования этических стандартов в области корпоративных отношений.

Так, глава 1 указывает на то, что «корпоративное поведение должно быть основано на уважении прав и законных интересов его участников и способствовать эффективной деятельности общества, в том числе увеличению стоимости активов общества, созданию рабочих мест и поддержанию финансовой стабильности и прибыльности общества. Принципы корпоративного поведения... направлены на создание доверия в отношениях, возникающих в связи с управлением обществом» [5]. Основы, которые были определены данным документом актуальны и сегодня, в связи с чем получили свое закрепление в «Кодексе корпоративного управления», действующем на сегодняшний день [6].

Рассматривая систему правовых актов, регулирующих корпоративные отношения, важно обратить внимание на то, что реформирование в данной области продолжается и сегодня. В этой связи необходимо сказать о том, что сегодня функционирует Российский институт директоров (создан в ноябре 2001 года), главными целями которого является разработка, внедрение и мониторинг стандартов корпоративного управления. Данный институт был создан наиболее крупными компаниями-эмитентами в России. В марте 2003 года Российский институт директоров является рабочим органом Национального совета по корпоративному управлению. Также интересно отметить, что Российский институт директоров на сегодняшний день выступает как «ведущий экспертно-ресурсный центр в области корпоративного управления, один из ключевых участников создания российского «Кодекса корпоративного поведения», разработчик «Профессионального стандарта корпоративных директоров», а также национального реестра и рейтинга корпоративного управления [7]. В этой связи данный институт играет немаловажную роль в развитии нормативного правового регулирования корпоративных отношений в России.

Если рассматривать развитие нормативного правового регулирования в данной области, то представляется возможным обратить внимание на следующее. В сентябре 2014 года вступили в силу изменения, которые были внесены в главу 4 Гражданского кодекса РФ. Так, например, в законодательство было введено такое понятие, как «корпорация», получило свое закрепление регулирование управления в корпорациях, определены меры ответственности лиц, которые выступают от имени юридического лица, а также членов коллегиального органа юридического лица, а также его мажоритарных участников, установлена возможность признания несостоявшейся реорганизации, а также признания недействительным решения о реорганизации, закреплены общие положения о корпоративных договорах.

Если говорить отдельно о корпоративных договорах, то на сегодняшний день они являются не в полной мере оцененными по своему значению. Ранее в России использовались соглашения между акционерами, однако нормативное правовое закрепление корпоративных договоров произошло только в 2009 году, через Закон о внесении изменений от 03.06.2009 [8].

Как отмечается в литературе, «за прошедшее время институт акционерных соглашений использовался в целях создания инновационной экономики, повышения ее инвестиционной привлекательности и защиты права собственности, а также защиты прав отдельных акционеров или их групп. В настоящее время расширена сфера такого соглашения» [1]. Так, в соответствии с положениями статьи 67.2 Гражданского кодекса субъектами корпоративного договора могут быть участники всех хозяйственных обществ. Также интересно, что в соответствии с положениями гражданского законодательства положения о корпоративном договоре применяются к отношениям креди-

торов хозяйственного общества, а также других третьих лиц с участниками общества, а также к соглашениям о создании хозяйственного общества, если другие правила не установлены законодательством или не вытекают из существа отношений.

Согласно положениям статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ «участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств» [2]. Исходя из данного определения, можно сказать о том, что с помощью корпоративного договора имеется возможность влияния на управления хозяйственным обществом через определенное осуществление членами общества своих корпоративных прав. Законодательство определяет примерный перечень таких действий, относя к их числу голосование определенным образом, приобретение либо отчуждение доли (акции), отказ от осуществления своих прав. Необходимо отметить, что последняя закрепленная возможность в судебной практике воспринимается неоднозначно. Если рассматривать на конкретном примере, то можно обратить внимание на так называемое дело «МегаФона», в соответствии с которым три судебные инстанции сделали вывод о том, что договорные положения соглашения и распоряжении акционерами своими правами являются недействительными, так как в этом случае суды оценили это соглашение отказом от прав, который недопустим в соответствии с положениями Гражданского кодекса [9]. Вместе с тем Гражданский кодекс не содержит в себе запрета на отказ от осуществления своих прав. Думается, что корпоративным договором могут быть определены случаи и обстоятельства, когда участники хозяйственного общества отказываются от осуществления ими своих корпоративных прав (например, в интересах другого участника, в интересах самого общества).

Также необходимо обратить внимание на то, что в статье Гражданского кодекса РФ, которая посвящена корпоративному договору, определенная часть вопросов в данной области не урегулирована. Так, например, таким вопросам являются вопрос о возможности его расторжения корпоративного договора. При этом общие правила сложно в данном случае применять из-за очевидной специфика рассматриваемого договора.

Далее, необходимо обратить внимание на такую актуальную проблему, как защита прав миноритарных ак-

ционеров. Миноритарными являются такие акционеры, которые имеют недостаточное количество акций и не участвует в «жизни» общества, а только получает дивиденды [10]. В этой связи возникает вопрос о том, какое же количество акций должно быть у акционера, чтобы он считался миноритарным. Федеральное законодательство не дает ответа на данный вопрос, однако анализ законодательства в данной области позволяет провести некоторые разграничения акционеров.

Вместе с тем также важно сказать о том, что законодательство не содержит гарантии прав миноритарных акционеров, в связи с чем возникают вопросы о том, как должен быть защищен акционер, который находится в меньшинстве. Основной проблемой миноритарных акционеров является то, что при решении вопросов посредством голосования из-за недостаточности голосов у них отсутствует возможность влияния на результаты голосования. Вместе с тем законодательством предусматривается возможность заключения между миноритарными акционерами соглашения, в котором определяется, каким образом акционеры будут голосовать в том или ином случае. То есть при объединении миноритарные акционеры могут повлиять на исход голосования.

Если рассматривать способы защиты прав миноритарных акционеров, то необходимо отметить три способа, выделяемых в научной литературе, с помощью которых можно разрешить спор между таким акционером, чьи права были нарушены, и самим обществом [11]:

- внесудебный (внутрикорпоративный) порядок,
- административный (за правонарушения на рынке ценных бумаг),
- судебный порядок.

Для внутрикорпоративного способа характерно разрешение спора через переговоры, создание согласительных комиссий. На практике такой способ защиты может быть возможен только в том случае, если в обществе есть соответствующее соглашение, которое бы защищало права миноритарных акционеров, а также с помощью которого

бы осуществлялось регулирование указанных процедур. Другим вариантом также может стать закрепление таких положений в уставе общества.

Кроме того, выделяются два подвида такого способа защиты:

- 1) «порядок защиты прав самостоятельными действиями управомоченного лица (например, предусмотренное ст. 75 Закона об акционерных обществах право требования выкупа принадлежащих акций);
- 2) согласительный (согласовательный) порядок защиты, при котором урегулирование конфликта осуществляется преимущественно путем согласования конфликтующими сторонами своих интересов (например, примирительные процедуры)» [12].

Вместе с тем на сегодняшний день применение данного способа защиты миноритарных акционеров является достаточно редким, так как корпоративные отношения в России валяются еще достаточно молодым институтом.

В этой связи можно также отметить, что несмотря на юридическое закрепление возможностей и способов защиты прав миноритарных акционеров, на практике возможность удовлетворительного исхода дела очень мала. Так, например, миноритарный акционер имеет право признать крупную сделку недействительной при соблюдении порядка ее одобрения. При этом возможность удовлетворения требований истца на практике сведена к нулю, так как количество голосующих акций у такого акционера не является достаточной для того, чтобы принять иное решение.

Таким образом, можно говорить о том, что правовое регулирование корпоративных отношений в Российской Федерации является еще достаточно молодым и не имеет такого опыта, как в некоторых зарубежных странах, в связи с чем на сегодняшний день имеют место пробелы правового регулирования, которые необходимо в дальнейшем восполнить для нормального и эффективного функционирования корпоративных отношений.

Литература:

1. Филиппова, Т.А., Коваленко Е.Ю. Корпоративное управление: актуальные проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] URL: http://izvestia.asu.ru/media/files/issue/23/articles/ru/Izvestia_N3_06.09.2016_p159-163.pdf (дата обращения: 22.06.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
4. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17. — Ст. 1918.
5. Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» [Электронный ресурс]. — URL: www.cbr.ru. (дата обращения: 22.06.2020).
6. Письмо ЦБ России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. — 2014. — № 40.
7. Корпоративное управление: история и практика [Электронный ресурс]. — URL: www.cbr.ru/ (дата обращения: 22.06.2020).

8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»: Федеральный закон от 03.06.2009 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 23. — Ст. 2770.
9. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21.03.2006 № Ф04–2109/2005 (14105-А75–11) [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru. (дата обращения: 04.07.2020).
10. Соломонов, Е. В. Защита прав миноритарных акционеров // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-minoritarnyh-aktsionerov-1> (дата обращения: 04.07.2020).
11. Носов, С. И. О защите прав акционеров // Законодательство. — 2001. — № 1. — с. 21.
12. Долинская, В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. — М., 2006. с. 147.

Обеспечение прав несовершеннолетних участников административного процесса

Серова Наталья Игоревна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Ключевые слова: Россия, административная ответственность, Российская Федерация, дело, правонарушение, суд.

На любом этапе развития цивилизации положение детей находилось под пристальным вниманием, в той или иной степени. Одновременно с развитием системы юридических норм, разнообразные стороны жизнедеятельности детей постепенно сформировались в очень объёмную и многогранную категорию, которая в настоящее время называется «правовой статус несовершеннолетнего».

Актуальность темы данного исследования, определяется такими моментами, как:

— несоответствие между настоящим положением детей в современной России и действующими нормативными актами, которые закрепляют и гарантируют их права и законные интересы;

— высокий уровень общественной опасности посягательств в отношении несовершеннолетних, их распространённость и при этом, значительная латентность;

— необходимость усовершенствования административного законодательства в сфере защиты несовершеннолетних от различных противоправных посягательств;

— возможность выработки мер по созданию средств административно-правовой защиты.

Роль ювенальных вопросов отражается и в стремлении к международно-законодательному обеспечению важных характеристик и формированию всепригодных для всех существующих сейчас стран механизмов работы с несовершеннолетними преступниками. Собственно, для этих целей в Конвенции ООН «О правах ребёнка» [1], а также в Минимальных стандартных правилах ООН («Пекинские правила») [2] даются общие родовые определения категорий «ребёнок», «несовершеннолетний» и «несовершеннолетний правонарушитель» [3].

Проблемы возраста, с которого можно юридически наказывать ребёнка, в российском праве решалась очень долго. Одним из первых исследователей вопросов ответственности несовершеннолетних был Генрих Слиозберг,

который работал в начале прошлого века, помощником обер-прокурора и обер-секретаря кассационного департамента Сената и принимал участие в работе уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества. Именно он установил то, что уже к концу семнадцатого века, вопрос о наказуемости детей получил в России юридическое закрепление. В первый раз точный возраст, с которого наступала уголовная ответственность несовершеннолетних, был закреплён во время правления при Екатерины Второй в 1765 г., по закону того времени уголовная ответственность наступала с 10 лет для ребёнка любого сословия [12, с. 907-912].

Проблемам административной ответственности подобное чёткое поэтапное развитие, как ответственности уголовной либо гражданско-законодательной, характерно не было, что имеет общую беспристрастную причину — институт административной ответственности в качестве самостоятельного, сформировался не так уж и давно, получив кодифицированное закрепление только в XX веке. Но сформировавшееся положение никак не говорит о плохом либо «медленном» развитии, а, быстрее, напротив, позволяет административистам использовать почти все положения, переработанные уголовным и гражданско-правовым нормативно-правовыми актами. При этом идеализировать действующую административно-законодательную систему ответственности несовершеннолетних было бы значительной ошибкой — практика осуществления норм КоАП России [6] демонстрирует многочисленные недостатки законодательного обеспечения, несоответствия и коллизии с нормами других законодательных актов и общим развитием государственно-социальной и правовой концепции.

Принципиально, что при определении меры административного наказания, которая назначается ребёнку, должны приниматься во внимание его возрастные, психологические и личные индивидуальности, так как тут

нужно не лишь воплотить общеправовые принципы, а ещё обеспечить при помощи административного наказания и соответствующего процесса его выполнения формирование у ребенка стойкого неприятия антиобщественных, безнравственных тенденций и отрицания незаконного поведения.

Но почти все из частей института административной ответственности подростков в российском праве, как подчёркивалось выше, все еще не получили подобающего развития. Например, к примеру, нуждается в значительной корректировке равноуровневое (общегосударственное и регионов России) нормативно-правовые акты о КДН, так как наблюдается несогласованность (а время от времени и противоречивость) норм КоАП РФ, ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и всё ещё действующего Указа Президиума ВС РСФСР «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» [8] и распространённого законодательства субъектов Российской Федерации, к примеру, Закон Калининградской области от 09 апреля 2004 г. № 382 «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав».

Разумеется, что единственный, имеющийся очень формально общегосударственный особый законодательный акт принуждает органы государства руководство регионов Российской Федерации находить автономное решение почти всех вопросов, что, при этом, не даёт говорить об унифицированном подходе при определении положения малолетних правонарушителей. Кроме того, регулирование на уровне субъектов осложняется и законодательной неопределённостью соответствующих правоустановлений в КоАП России, где КДН названы лишь среди органов, уполномоченных разглядывать дела об административных правонарушениях. Вместе с этим в п. 4 ч. 2 ст. 22.1 КоАП России субъектам России передано право без помощи других решать вопрос о потребности сотворения административных комиссий для изучения дел об административных правонарушениях, за совершение которых административная ответственность закреплена законодательством регионов России.

Другими словами, острая надобность в более действенной защите прав несовершеннолетних, упорядочении деятельности КДН, увеличении их роли как ведущих органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые координируют и держат под контролем деятельность всех других органов и учреждений этой системы, и в связи с этим надобность значительного расширения возможностей комиссий являются суровыми аргументами в пользу скорого принятия общегосударственного закона.

Необходимо сообщить, что действие КДН как специального обособленного законодательного института не является чисто российским новшеством, так как в общемировой практике есть в большей либо наименьшей степени идентичные аналоги. К примеру, этот «несу-

дебный» вариант организации системы органов защиты прав несовершеннолетних имеется в Шотландии, где попытки сделать специальные судебные органы по делам несовершеннолетних популярности не приобрели. Заграничная практика говорит о том, что КДН могут довольно отлично работать в такой области, и сохранение при условии значительной изменения этой формы в Российской Федерации может иметь настоящие достоинства перед судебным методом разрешения деликтных дел с участием детей. А также, описанная шотландская комиссияная система признана специалистами Интернационального центра развития ребёнка (ЮНИСЕФ) как прогрессивная, так как дозволяет недопустить «ненадобных» контактов ребёнка либо ребенка с судебной системой. По мнению экспертов, подобное разбирательство дел о правонарушениях несовершеннолетних отвечает требованиям Конвенции о правах ребёнка [9, с. 3-12].

Несмотря на то, что, по утверждению исследователей иностранных правовых систем, большая часть государств с разными судебными системами имеют специализированные суды, которые действуют в границах ювенальной юстиции [11, с. 45], мы полагаем, что действующие в России КДН при условии их соответствующего реформирования смогут рассматриваться как достаточно удачный альтернативный вариант. При этом нельзя не учесть и те положительные нюансы, которые присущи судебному разрешению деликтных отношений при участии несовершеннолетних. К примеру, к примеру, в Стране восходящего солнца (Японии) в 1947-1948 гг. были сделаны семейные суды с целью разрешения таковых вопросов, как: злодеяния и правонарушения несовершеннолетних; преступные деяния взрослых, наносящие вред несовершеннолетним; весь комплекс вопросов домашнего права, которые связаны с защитой прав и интересов несовершеннолетних, в числе их контроль и попечение за несовершеннолетними; обучение и поведение несовершеннолетних-учащихся школ; оздоровление домашней обстановки и ряд остальных [10, с. 52].

Так как в семейном суде дело изучается по так называемым правилам «общественного исследования», то при семейных судах существует особая сеть вспомогательных служб и лиц, которые осуществляют эту деятельность.

Касательно работающих семейных судов в остальных странах, то можно назвать «двуединую» систему США, где есть суды по делам несовершеннолетних и семейные суды, и семейные суды во Франции, которые существуют как экспериментальные (появились в 1970-1972 гг.), которые в своей работе также употребляют огромное количество вспомогательных служб, подобных японским [12, с. 106].

Такая практика очень позитивна, и представляется, что Российская Федерация могла бы «заимствовать» некоторые из нареченных институтов, действовавших бы при КДН и защите их прав либо органах опеки и попечительства.

На основании сказанного необходимо подчеркнуть, что в России обуславливает предстоящее развитие и ещё пока плохо согласованная работа КДН и функциональное назначение ОВД (полиции), а также должностных лиц центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей и работников подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) [7].

Мы считаем, что действенная организация деятельности перечисленных субъектов, может в значимой степени содействовать уменьшению уровня отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Но в данной сфере в текущее время сложилась почти во всём обычное для нашей страны положение дел — нормы права подразумевают несравненно огромную продуктивность, чем демонстрирует практика их конкретной реализации. При этом почти всегда нормы не реализуются в силу отсутствия, во-1-х, нормативно разработанных устройств их практического воплощения, а во-2-х, условий отчётности по каждому из нормативно закреплённых должностных возможностей. Другими словами, представляется, что результат от полной реализации законодательных положений мог бы быть очень значительным — для этого вывода довольно тщательно разглядеть перечисленные в нормативных актах возможности. И дополнительно необходимо развить указанную в законодательных нормах возможность исполнения на практике частей административной деликтологии — определённые возможности направлены на осуществление общепрофилактической функции, сопряжённой с информированием соответствующих руководящих лиц о криминогенных факторах, которые стимулируют незаконное поведение несовершеннолетних, о представителях административных учреждений и компаний, которые находятся на территории обслуживаемого участка, которые нарушают требования законодательства о предупреждении безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При этом, как отмечали исследователи заграничного опыта, это направление в современных критериях является наиважнейшим в работе полиции почти всех зарубежных стран в форме ранней профилактики в числе обучающихся школ, организации досуга несовершеннолетних и так далее.

Литература:

1. Конвенция ООН о правах ребёнка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.; вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. — Вып. XLVI. — 1993.
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство.
3. Правила Организации Объединённых Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. // Сборник международных документов. — М., — 2000.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

Но, говоря о дилемме несовершеннолетних в деликтных отношениях, необходимо подчеркнуть, что часто сам несовершеннолетний не является конкретным преступником — он принимает участие в незаконном деянии вроде бы опосредованно, при попустительстве либо незаконном деянии других (взрослых) субъектов. Практика указывает, что в этом вопросе нужно значительное изменение норм общегосударственного законодательства. Причём, кроме увеличения перечня вопросов, подлежащих регламентации, общегосударственное нормативно-правовые акты в изучаемой сфере нужно усилить. А именно, не один раз поднимался вопрос про то, что используемое в ст. 5.35 и 20.22 КоАП России понятие «родители либо другие легитимные представители несовершеннолетних» не охватывает весь вероятный перечень особых субъектов административной ответственности по данным составам. К примеру, отталкиваясь от буквального толкования нормы, выходит, что лица, осуществляющие воспитание несовершеннолетних по соглашению, к административной ответственности по означенным составам не привлекаются. Подобное положение образует коллизию с п. 3 ст. 1073 ГК РФ [4], называющим этих лиц субъектами гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними. Другими словами, в качестве субъектов ответственности по подобным составам необходимо найти родителей, других легитимных уполномоченных лиц, также лиц, на которых контрактом возложены обязанности по контролю за несовершеннолетним.

В итоге, обобщая изложенное, можно прийти к несколько неоригинальному касательно состояния современной законодательной системы России (также и к изучаемой области) выводу: законодательное обеспечение деликтных отношений с участием несовершеннолетних нуждается в высококачественном переосмыслении и преобразовании, который был основан как на анализе российской правоприменительной практики, так и на разумном, дозированном заимствовании более действенных и подходящих к отечественной модели форм работы с несовершеннолетними и связанными с ними гражданами.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 251-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. // Рос. газ. — 2001. — № 256, 31 дек.
7. Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: Приказ МВД РФ от 26 мая 2000 г. № 569 (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство.
8. Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних (с изм. и доп. от 29.11.2018): Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. // Свод законов РСФСР. Т. 8. с. 314; Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 12. — Ст. 429.
9. Ведерникова, О. Ювенальная юстиция: опыт и перспективы // Российская юстиция. — 2014. — № 7. — с. 3-12.
10. Забродска, Г. Семейные суды в Японии. — М., 1965. — 145 с.
11. Козлов, С.С., Пермяков А.Г. Функционирование и административно-правовая организация ювенальной юстиции в судебных системах зарубежных стран // Международное публичное и частное право. — 2016. — № 2. — с. 45-52.
12. Слиозберг, Г.Б. Возраст в уголовном праве // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — М., 1991. — Т. 12. — с. 1593

Некоторые вопросы исполнения организациями обязанностей по уплате налогов в делах о банкротстве

Токмаков Владислав Евгеньевич, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автор делает попытку обозначить проблемы, возникающие в процессе исполнения организациями обязанностей по уплате налогов в делах о банкротстве.

Ключевые слова: налоговая обязанность, банкротство, гражданское законодательство, НДС/Л.

Налоговые органы являются активными участниками правоотношений в сфере банкротства. Суды в 2019 году признали банкротами 12401 российскую компанию, на 5,5% меньше, чем в 2018 году. ФНС России в 2019 году выступило заявителем в 12,6% (14,9% — 2018 год) процедур банкротства. В делах о банкротстве граждан и индивидуальных предпринимателей ФНС России выступило заявителем в — 1,7% (1,4% — 2018 год) случаях банкротства [1].

Взыскание налоговой недоимки с банкрота зависит от стадии, на которой находится организации. Кредиторы по текущим платежам не являются лицами, участвующими в деле о банкротстве, а требования налогового органа о взыскании таких обязательных платежей предъявляются вне рамок дела о банкротстве, в общем порядке.

В случае выявления налоговой недоимки по текущим платежам налоговики направляют должнику требование об уплате недоимки, а также принимают решение о взыскании текущих обязательных платежей в бесспорном порядке за счет средств на счетах должника (ст. 46 НК РФ) путем направления в банк инкассового поручения.

С момента введения же в отношении должника процедуры конкурсного производства исполнение обязательств должника, в том числе по исполнению судебных актов, актов иных органов, должностных лиц, вынесенных в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, осуществляется конкурсным управляющим.

В литературе существует мнение, что осуществление хозяйственной деятельности в рамках процедур несостоятельности является привлекательным с точки зрения установления запретов на преждевременные расчеты с кредиторами, модификацией очередности обязательных платежей, корректировкой сроков погашения долгов, а также размера их обеспечения. С такой позиции банкротство воспринимается как низкопроцентный кредит (в том числе налоговый), а в отдельных случаях как инструмент оптимизации налогообложения [2].

Рассмотрим данный тезис на примере норм налогового законодательства и законодательства о банкротстве, регулирующего институт обеспечения налоговых обязательств — пени.

В делах о несостоятельности налогоплательщика начисление пени на сумму недоимки ограничено специ-

альным законом. Вместо пеней, предусмотренных ст. 75 НК РФ, на сумму недоимки начисляются проценты в порядке, установленном ст. 81 (в процедуре финансового оздоровления), ст. 95 (в процедуре внешнего управления) и ст. 126 (в процедуре конкурсного производства) Федерального закона от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)». При проведении процедур финансового оздоровления или внешнего управления пени (неустойки) не начисляются.

Таким образом, государство как бы ограничивает свои собственные права мораторием на принудительное исполнение налоговой обязанности, меняя срок уплаты задолженности по налогам на основании законодательства о банкротстве. Получается ситуация, когда налоговое законодательство в части взыскания пени, не применяется к налогоплательщику в процедуре банкротства. В данном случае, мы видим, как частное право (гражданское право) заменяет собой публичное право (налоговое право) в части взыскания пени с должника с момента изменения его правового статуса.

Я согласен с мнением тех авторов, которые указывают, что ссылки на НК РФ, указывающие на необходимость применения гражданского законодательства при конкуренции требований уполномоченного органа с требованиями иных кредиторов в контексте п. 3 ст. 49 НК РФ, представляются необоснованными. Несмотря на то, что очередность исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов при ликвидации организации среди расчетов с другими кредиторами такой организации определяется гражданским законодательством, нельзя смешивать порядок расчетов и порядок обеспечения таких расчетов.

В связи с изложенным можно сделать вывод, что в целях гармонизации действующих актов и соблюдения принципов налогового права следует отдельно предусмотреть в ст. 75 НК РФ оговорку «если иное не предусмотрено законодательством о банкротстве», а в Законе о банкротстве дополнительно поименовать пени, пусть и в ином размере, чем установлено налоговым кодексом, как форму обеспечения требований по обязательным платежам. Данное предложение по своей сути не повлияет на правовое регулирование и не приведет к изменению порядка начисления процентов (пеней) и порядка расчетов с кредиторами в деле о банкротстве, но существенно улучшит юридическую технику налогового законодательства.

С момента введения в отношении должника процедуры конкурсного производства исполнение обязательств должника, в том числе по исполнению судебных актов, актов иных органов, должностных лиц, вынесенных в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, осуществляется конкурсным управляющим.

Статья 63 Закона о банкротстве не предусматривает отмены приостановления операций по счету должника, произведенного налоговым органом до введения наблюдения, и не запрещает применять его в этой процедуре. При этом в силу абзаца третьего пункта 1 статьи 76 НК РФ такое приостановление операций по счету должника не распространя-

ется на платежи, очередность исполнения которых в соответствии со статьей 134 Закона о банкротстве предшествует исполнению обязанности по уплате налогов и сборов.

Также проблемой исполнения налоговой обязанности в процедурах банкротства является ситуация, когда данная процедура используется для снижения налоговой нагрузки на организацию-должника.

На практике достаточно сложно разграничить неплатежеспособное предприятие, продолжающее основную экономическую деятельность для извлечения прибыли в целях погашения требований кредиторов, с предприятиями, формально избирающими процедуры, предусмотренные Законом о банкротстве, в целях введения моратория на удовлетворение требований кредиторов и уполномоченного органа, продолжающими производственную деятельность, с использованием правового режима налогообложения, модифицирующего очередность и порядок уплаты налогов.

Кроме обозначенных выше общетеоретических проблем, на практике, при применении процедуры банкротства, нередко возникают проблемные ситуации при исполнении обязанности по уплате НДС [3].

Согласно п. п. 2 и 5 ст. 134 Закона о банкротстве, а также ст. ст. 207, 226 Налогового кодекса РФ арбитражные управляющие, осуществляющие выплаты работникам, продолжающим свою деятельность в рамках процедуры несостоятельности (банкротства), обязаны произвести удержание НДС и одновременно перечислить соответствующую сумму в бюджет

Первоначально суды исходили из того, что арбитражным управляющим надлежит руководствоваться ст. ст. 45, 46, 60 Налогового кодекса РФ и не препятствовать исполнению в порядке очередности, предусмотренной ст. 855 Гражданского кодекса РФ, платежного поручения, направленного налоговым органом в банк, в котором открыты счета налогового агента — банкрота [4]. Также ранее существовало мнение, что требование о взыскании не перечисленной должником суммы удержанного им налога, исходя из назначения данного платежа, подлежит удовлетворению в четвертую очередь в силу абз. 5 п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве [6].

Кроме того, можно было встретить также точку зрения об отнесении соответствующих обязательств ко второй очереди текущих обязательств должника [5]. Последний подход, в дальнейшем, нашел свое отражение в судебной практике, изменив предыдущую судебную практику.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» возлагает на конкурсного управляющего обязанности налогового агента, предусмотренные ст. 24 НК РФ, по исчислению и удержанию НДС непосредственно из доходов налогоплательщиков при их фактической выплате.

Такой платеж относится ко второй очереди реестра требований кредиторов или текущих платежей в зависимости от момента выплаты (начисления) заработной платы сотрудникам организации-должника. Аналогичные

положения закреплены в п. 8 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016.

При этом уполномоченный орган вправе требовать возмещения убытков арбитражным управляющим, не перечислившим в бюджет налог на доходы физических лиц, удержанный при осуществлении от имени должника текущих платежей в пользу граждан, если конкурсной массы (с учетом будущих поступлений) недостаточно для удовлетворения упомянутых требований уполномоченного

органа. Указанный подход также закреплен в п. 20 указанного Обзора Президиума Верховного Суда РФ. Более того, уже сформирована практика взыскания с арбитражных управляющих убытков вследствие неуплаты ими НДС в ходе конкурсного производства [6].

Распространение такой практики позволило предупредить налоговые правонарушения при проведении арбитражными управляющими процедур банкротства.

Таким образом, в рамках данной статьи мы обозначили как некоторые теоретические проблемы института исполнения организациями обязанностей по уплате налогов в делах о банкротстве, так и практические.

Литература:

1. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2019 года. — Текст: электронный // Федресурс: [сайт]. — URL: <https://fedresurs.ru/news/b0546f18-6128-4806-8cf3-7aea6f4834b3> (дата обращения: 29.06.2020).
2. Извеков, С. С. Критерии отграничения банкротства организации, используемого для оптимизации налогообложения или в целях уклонения от уплаты налогов/С. С. Извеков. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 9. — с. 116-125.
3. Извеков, С. С. Вопросы исполнения организациями обязанностей по уплате налога на доходы физических лиц в делах о банкротстве/С. С. Извеков. — Текст: непосредственный // Российский юридический журнал. — 2016. — № 5. — с. 194-198.
4. Определения ВАС РФ от 4 июня 2013 г. N ВАС-6328/13 и от 21 мая 2012 г. N ВАС-6233/12. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).
5. Постановление ФАС Поволжского округа от 30 января 2013 г. по делу № А49-376/2009. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).
6. Бациев, В. В. Квалификация и установление требований по обязательным платежам в деле о банкротстве/В. В. Бациев. — Текст: непосредственный // Несостоятельность (банкротство): Науч.-практ. комментарий новелл законодательства и практики его применения. — Москва., 2010. — с. 126-127.
7. Дело № А21-8956/2016. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a2f118e2-4ccb-4f80-9e81-7767f4375eae> (дата обращения: 30.06.2020).

Налоговый контроль и его признаки

Черкасов Сергей Иванович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье выделены особенности налогового контроля, представлена классификация признаков налогового контроля. Раскрытие особенностей налогового контроля позволяет дать полное представление о государственном контроле как одной из функций государственной власти.

Ключевые слова: налоговый контроль, признаки, особенности налогового контроля

Налоговый контроль является одним из видов государственного финансового контроля, поэтому раскрытие значения финансового контроля позволит определить основные его черты и признаки.

Финансовый контроль можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как строго регламентированную деятельность специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов. Во-вторых, как неотъемлемый элемент управления

финансами и денежными потоками с целью обеспечения целесообразности и эффективности финансовых операций [3].

Налоговый контроль является составной частью финансового контроля и одним из видов государственного контроля. Так, согласно Указа Президента РФ от 25.07.1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» установлено, что государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением фе-

дерального бюджета и бюджетов внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимушеств [2]. Таким образом, налоговый контроль выступает как самостоятельная функция управления, которая обладает своей целью, формами и способами осуществления поставленных задач.

Согласно статьи 2 Налогового кодекса РФ [1] законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. Отсюда следует, что налоговый контроль является деятельностью уполномоченных государственных органов, наделенных властью.

Поскольку налоговый контроль, является одним из видов государственного финансового контроля среди которого важнейшее место занимает проверка выполнения финансовых обязательств организациями и физическими лицами пред государством и муниципальными образованиями, то одной из целей контрольной деятельности государства является создание совершенной системы налогообложения, где нарушения налогового законодательства стремятся к нулю. Так, Г.Г. Нестеров полагает, что основная стратегическая цель налогового контроля конкретизируется задачах, среди которых он выделяет предупреждение нарушений налогового законодательства [4]. В свою очередь, у Е.В. Поролло среди задач налогового контроля можно увидеть следующие: анализ причин отклонений (исследование обстоятельств, определивших финансовые потери бюджетной системы, и установление фактов нарушения налогового законодательства); превенцию (выявление и минимизация негативного воздействия факторов, способствующих нарушениям налогового законодательства, осуществление профилактических мероприятий по предупреждению уклонения от уплаты налогов); правоохрану (привлечение к ответственности лиц, виновных в налоговых правонарушениях) [5]. Тем самым, для налогового контроля характерно, что это особая деятельность уполномоченных государственных органов по предупреждению и выявлению нарушений налогового законодательства, одной из основных задач которой является выявление, предупреждение, пресечение налоговых правонарушений и привлечение к ответственности виновных в совершении налогового правонарушения.

Рассмотренные особенности налогового контроля являются общими признаками. Тем не менее, в процессе реализации функции налогового контроля следует отметить и более частные особенности, раскрывающие организа-

ционную составляющую самого процесса налогового контроля.

Так, в процессе своей деятельности уполномоченные органы при осуществлении налогового контроля должны применять эффективные формы, приемы и методы налоговых проверок, которые основаны как на разработанной налоговым ведомством единой комплексной стандартной процедуре организации контрольных проверок, так и на прочной законодательной базе, предоставляющей налоговым органам широкие полномочия в сфере налогового контроля для воздействия на недобросовестных налогоплательщиков. Среди основных актов, определяющих полномочия налоговых органов являются Закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации», а также Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе».

Процедуры же проведения мероприятий по налоговому контролю закреплены как в Налоговом кодексе РФ, так и подзаконных актах (методических рекомендациях, указаниях, приказах и т.п.). Анализ норм Налогового кодекса РФ позволяет увидеть следующие процедуры, возможные при осуществлении налогового контроля: инвентаризация (п. 13 ст. 89 НК РФ), осмотр (ст. 91, 92 НК РФ), истребование документов (информации) (ст. 93, 93.1 НК РФ), выемка (ст. 94 НК РФ), экспертиза (ст. 95 НК РФ), допрос (ст. 90 НК РФ), вызов в качестве свидетеля (ст. 90 НК РФ), получение экспертного заключения (ст. 95 НК РФ), привлечение переводчика (ст. 97 НК РФ). Кроме того, Приказом Федеральной налоговой службы от 15 января 2018 г. № ММВ-7-2/3@ «Об утверждении Положения о Контрольном управлении Федеральной налоговой службы» на уполномоченный орган возложены функции по разработке комплексных стандартных процедур выездных налоговых проверок, регламентации порядка и форм проведения мероприятий налогового контроля в процессе указанных проверок, оформления и реализации их результатов и другие функции.

Особую значимость в условиях множества нарушений налогового законодательства, характерных для настоящего времени является наличие эффективного отбора налогоплательщиков, склонных к совершению налоговых правонарушений, либо вероятность таких нарушений у которых велика. Таким образом, проведение документальных налоговых проверок осуществляется как по специальной системе отбора, так и в случайном порядке. Под специальный отбор могут попасть налогоплательщики, которые были замечены в сомнительных схемах финансово-хозяйственной деятельности, либо ранее уже попавших в обзор налоговых инспекций, а также налогоплательщики, допустившие убытки от финансово-хозяйственной деятельности на протяжении ряда отчетных периодов, либо же те, которые предоставляют нулевую отчетность и др.

В связи с тем, что налоговые органы ограничены в численности и требуют немалое финансирование для выпол-

нения поставленных задач, то отбор налогоплательщиков является наиболее оправданным средством оптимального использования как кадрового, так и материального ресурса государства. Одним из документов по реализации системы отбора налогоплательщиков для проверок является Концепция планирования выездных налоговых проверок (приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@), предусматривающая новый подход к построению системы отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок, где отражены общедоступные критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, и которые используются налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок.

Еще одной особенностью при осуществлении налогового контроля является способность дать оценку результатам налогового контроля, а также объективно учесть результаты деятельности каждого из сотрудников налоговой службы, эффективно распределить нагрузку при планировании контрольной работы. Так, по данному вопросу были изданы ряд приказов. Например, приказом ФНС России от 15 ноября 2007 г. № ББ-425/31дсп утверждена методика оценки эффективности деятельности территориальных органов ФНС России в целях распределения средств материального стимулирования государственных гражданских служащих ФНС России, которая направлена на создание единого механизма оценки результатов эффективности деятельности территори-

альных органов ФНС России, их структурных подразделений, эффективности работы федеральных государственных гражданских служащих и качества исполнения ими должностных обязанностей. Приказом ФНС России от 22 февраля 2013 г. № ММВ-7-12/95@ регламентируется использование методики расчета качественных показателей для оценки эффективности деятельности руководителя ФНС. Приказом Министерства финансов РФ № 90н от 17.10.2007 года утвержден порядок осуществления материального стимулирования федеральных государственных гражданских служащих территориальных органов Федеральной налоговой службы. Приказом ФНС России от 15 декабря 2015 г. № ММВ-7-1/580@ утверждена Стратегическая карта ФНС России на 2016-2020 годы, согласно которой к основным направлениям деятельности Службы отнесены обеспечение соблюдения законодательства о налогах и сборах; создание комфортных условий для исполнения налоговых обязанностей; снижение административной нагрузки и упрощение процедур, развитие открытого диалога с бизнесом и обществом; укрепление и совершенствование кадрового потенциала; оптимизация деятельности налоговых органов с учетом эффективности затрат на ее осуществление.

Анализ налогового законодательства РФ, принятых подзаконных актов и научной литературы позволяет выделить общие и специфические признаки (особенности) налогового контроля, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Признаки налогового контроля

Общие признаки	Специфические признаки
<ul style="list-style-type: none"> — разновидность государственного контроля. — одна из самостоятельных функций управления. — властные отношения, урегулированные законодательством о налогах и сборах. — особая деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на выявление, предупреждение, пресечение налоговых правонарушений и привлечение к ответственности. 	<ul style="list-style-type: none"> — применение форм и методов, основанных на единой комплексной стандартной процедуре организации контрольных проверок, а также на прочной законодательной базе, представляющей налоговым органам широкие полномочия в сфере налогового контроля для воздействия на недобросовестных налогоплательщиков; — наличие эффективной системы отбора налогоплательщиков для проведения документальных проверок, дающей возможность выбрать наиболее оптимальное направление использования ограниченных кадровых и материальных ресурсов налоговой службы, добиться максимальной результативности налоговых проверок при минимальных затратах усилий и средств за счет отбора для таких налогоплательщиков, вероятность обнаружения налоговых нарушениях у которых представляется наибольшей; — использование системы оценки работы налоговых инспекторов, позволяющей объективно учесть результаты деятельности каждого из них, эффективно распределить нагрузку при планировании контрольной работы.

В научной литературе указанные специфические признаки, как правило, представляются направлениями для дальнейшего совершенствования налогового контроля, что безусловно верно. Но, с другой стороны, они одновременно являются и его специфической особенностью, позволяющих отнести их в ряд признаков налогового контроля.

Таким образом, налоговый контроль, как одно из направлений деятельности государства, обладает своими особенностями, позволяющими его отличить от других видов контроля. В ст. 82 Налогового кодекса РФ налоговый контроль определен, как деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном

этим же кодексом. При этом, закрепленное в налоговом законодательстве понятие налогового контроля, не отражает все его признаки. Поэтому раскрытие особенностей

налогового контроля позволяет дать более полное представление о данном направлении деятельности государства.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. Часть первая [Электронный ресурс]: от 31.07.1998 № 146-ФЗ: (ред. от 08.06.2020), // Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации: указ Президента РФ от 25.07.1996 г. № 1095 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 31, ст. 3696.
3. Грачева, Е. Ю., Ивлиева М. Ф., Соколова Э. Д. Финансовое право в вопросах и ответах: учеб. пособие / Е. Ю. Грачева. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Проспект, 2011. — с. 42.
4. Нестеров, Г. Г. Развитие механизмов налогового контроля в системе обеспечения экономической безопасности России: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2009. 269 с.
5. Поролло, Е. В. Налоговый контроль: сущность и место в системе государственного финансового контроля // Terra Economicus. 2013. № 3. Т.11. с. 86.
- 6.

Сопоставление правовой системы Арабского Халифата и правовой системы Золотой Орды

Шалашов Виктор Константинович, студент

Тулский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

В статье автор пытается сравнить право Арабского Халифата с правом Золотой Орды, а также определить каналы связи между ними.

Ключевые слова: Арабский Халифат, Золотая Орда, шариат.

Не одно десятилетие правоведы подвергают глубочайшему исследованию такие категории, как «право Золотой Орды» и «право Арабского Халифата», поэтому автор считает, что необходимо сопоставить данные категории. Право Золотой Орды мало исследовано, в отличие от права Арабского Халифата, поэтому сложно провести сравнительный анализ между ними, но это можно попытаться сделать.

Сопоставлять вышеупомянутые правовые системы будем на нормативно-регулятивном и организационно-деятельном (формы реализации права, правотворческая и правоприменительная деятельность государства и общества) уровнях. Для сравнения возьмём три критерия: нормы права, источники (формы) права и основные понятия (используемые в конкретной национальной правовой системе).

Рассмотрим нормы права Арабского Халифата (шариата). Мусульманское право (шариат) — составная часть религиозного направления — ислама, возникшего на рубеже VI-VII вв. н. э. на Аравийском полуострове. Для обозначения мусульманского права исследователи наряду с термином «шариат» используют ещё один термин — «фикх», хотя ряд авторов считают эти понятия равнозначными. Существенными особенностями ха-

рактеризуется мусульманская концепция источников права [1]. В то же время, теоретические подходы и толкования, решение практических вопросов в рамках внешне единой мусульманской доктрины не являются тождественными и имеют несколько направлений и школ [2].

Характерная черта шариата — тесная связь с религией мусульман исламом [3]. Шариат изначально формировался как важная часть религии, носил конфессиональный характер. Поэтому нормы шариата тесно связаны с религиозными нормами (нормами ислама).

Нормы мусульманского права базируются на четырёх принципах, представляющих проявление воли Бога — «корнях юриспруденции» (усул ал-фикх): слово самого бога в Коране, божественно вдохновенное поведение или сунна пророка, кияс, иджма.

Переходим к нормам права Золотой Орды. Основной предмет нашего исследования — золотоордынское общество — в XIII — XV вв. постоянно находилось в процессе трансформации. А это означает, что традиционная обычно-правовая система золотоордынцев переживала процесс пополнения и изменения, особенно это касалось публичных норм права [5].

В нормах золотоордынского права рассматриваемого периода отсутствует институт объективного вменения,

присущий многим правовым системам той эпохи. Отдельные случаи объективного вменения в Золотой Орде, известные истории, были, скорее, не системны и привнесены извне [6].

Значимым отличием монгольского права от правовых систем современности является определение правового статуса человека не правовыми нормами, а его местом в системе правовых отношений.

Далее, рассмотрим источники мусульманского права. Коран — это первый и основной источник мусульманского права (шариата), в котором собраны многие проповеди пророка Мухаммеда (по преданию).

Вторым по значению источником шариата являются предания о поступках пророка (хадисы), записанные через много лет после его смерти, которые составили Сунну.

В один ряд с Кораном и Сунной можно поставить иджму — казуально-нормативные решения сподвижников Мухаммеда и их первых последователей [1].

В мусульманском правоведении считается, что не все правила можно извлечь из Корана и Сунны, потому что Аллах людям предоставил возможность урегулировать конкретный вопрос (опираясь на Коран и Сунну). Так, мусульманскими правоведами было сформировано большинство норм шариата в фетвах.

Современный российский правовед Л. А. Морозова в учебнике пишет: «... труды известных учёных юристов, знатоков ислама считаются единственным источником права» [7].

Подводя итог, в отношении источников шариата, стоит упомянуть про кияс (иногда — кийас) — решение правовых дел по аналогии.

Изучая право Золотой орды, правоведа в качестве базы для исследования за основу берут многочисленные списки Яссы Ченгис хана, а со времен Узбек хана опираются на исламское право в виде фикха и шариата и обычного права — адата. Китайские анналы, русские и византийские летописи, а также арабо-персидская и собственно монгольская литература об этом средневековом народе и созданном им государстве носят нарративный (повествовательный) характер. [5].

Таким образом, выделим четыре основных источника золотоордынского права:

1. Яса (нормативно-правовой акт (уложение) Чингисхана)
2. ярлык (письменное повеление (указ) монгольских каанов (каганов) и ханов)
3. «судебный прецедент» (решения степных судей, которые становились известными и использовались иными степными судьями)
4. источники исламского права (со времён Узбек хана использовались фикх, шариат и обычное право — адаты)

Из вышеперечисленного, мы можем заметить, что две вышеупомянутые правовые системы можно соединить (как каналами) мусульманским правом, так как они обе

использовали источники исламского права. Отличием является именно то, что право Арабского Халифата имело религиозный характер, поэтому все источники права были мусульманско-правовыми, а право в праве Золотой орды мусульманско-правовые источники составляли значительную, но всё-таки часть. Можно даже определить какие-нибудь общие тенденции, характерные для обеих правовых систем.

Завершаем исследование сравнением понятий, которые использовались в праве Арабского Халифата и в праве Золотой Орды. Для того чтобы не повторяться, автор не будет перечислять вышеупомянутые термины, обозначающие источники права и т. д.

Итак, перечислим некоторые из основных понятий мусульманского права:

- 1) Мазхаб — путь, по которому следует мусульманин, богословско-правовая школа;
- 2) Фард — обязательное для исполнения религиозное предписание;
- 3) Ваджиб — необходимость обязательного исполнения того или иного религиозного предписания;
- 4) Батиль — любая вера, мысль, заключение или поведение, не соответствующая положениям Корана и Сунны;
- 5) Джаиз — действие, совершение или не совершение которого является одинаково приемлемым и дозволенным.

Далее, перечислим некоторые из основных терминов золотоордынского права:

- 1) Аип — возмещение морального, физического и материального ущерба;
- 2) Торговый друг — правовая сфера инфраструктуры торговли;
- 3) Карымта — материальная помощь, выделяемая в виде денег или скота;
- 4) Кун — материальное возмещение физического или имущественного ущерба;
- 5) Куначество — безопасность личности вне зоны влияния защитных функций рода.

Таким образом, проведя сопоставление вышеупомянутых специфических правовых систем, можно сделать следующие выводы. Во-первых, мало исследование правовой системы (о которой говорилось в начале статьи) Золотой Орды вызывается двумя факторами, мешающими изучению: малым наличием письменных источников права и их различием (списки Яссы Ченгис хана, исламское право в виде фикха и т. д.). И, во-вторых, общим источником права для обеих правовых систем можно считать мусульманское право.

Так, действительно, изучение двух вышеперечисленных национальных правовых систем остаётся интересным и кропотливым процессом, потому что данная тема, действительно, мало изучена. Можно смело утверждать, что по данной теме всё ещё реально сделать много научных открытий и фундаментальных трудов.

Литература:

1. Фомин, О. Е. Источники мусульманского права // Вестник Международного юридического института. 2014. № 4 (51). — с. 45.
2. Фомин, О. Е. Основные направления и школы мусульманского права (общая характеристика) // Вестник Международного юридического института. 2019. № 1 (68). — с. 80.
3. Севастьянов, А. С. История государства и права зарубежных стран в вопросах и ответах: Учебн. пособие. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. — с. 89.
4. Жумаганбетов, Т. С. Сущностные аспекты традиционной обычно-правовой системы Золотой Орды // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). Право. Вып. 18. — с. 109.
5. Жумаганбетов, Т. С. Золотоордынское право. Основные аспекты содержания // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2009. № 5. С. — 123.
6. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. М.: Эксмо, 2009. с. 260.
7. Специальные термины мусульманского права. — Текст: электронный // Исламский энциклопедический словарь: [сайт]. — URL: <https://religion.wikireading.ru/2166> (дата обращения: 22.07.20).

Организационно-правовое положение Центрального Банка Российской Федерации

Шевченко Татьяна Николаевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной работе проанализированы организационная и правовая формы Центрального банка Российской Федерации, как особого публично-правового института. Анализируется проблема двойственной природы Банка России как государственного органа и юридического лица.

Ключевые слова: Банк России, Центральный банк, публично-правовой институт, государственный орган, юридическое лицо, двойственная природа.

В теории права Российской Федерации все юридические лица отнесены к определенной организационно-правовой форме. Благодаря этому, можно судить об их деятельности, целях создания и о характере взаимоотношений между собой. Однако, не у всех юридических лиц определен их правовой статус. Статьей 75 Конституции Российской Федерации [1.] установлен особый конституционно-правовой статус Центрального Банка Российской Федерации, в которой определено его особое право на осуществление денежной эмиссии и функция, которая выражается в защите и обеспечении устойчивости рубля. Правовое регулирование ЦБ РФ регламентируется Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Главным элементом правового статуса Центрального банка РФ является принцип независимости, который в свою очередь проявляется в том, что Банк России выступает как особый публично-правовой институт, обладающий исключительными правами. Согласно Конституции РФ [1.] и ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [2.] Центральный Банк Российской Федерации осуществляет свои функции и полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Хотя по своей природе полномочия Банка России относятся

к функциям государственного органа, так как их реализация может привести к применению мер государственного принуждения.

Отличительным признаком правового статуса Банка России является его двойственная природа. Настоящее законодательство не относит Центральный банк РФ к государственным органам, а также не определяет организационно-правовую форму юридического лица.

Среди ученых не сложилось единого мнения при определении правового статуса Центрального банка РФ. Г. А. Тосунян и А. Ю. Викулин придерживались мнения, согласно которому существует четвертая ветвь власти — «денежная власть» [3. с. 14]. А. Г. Братко говорил, что Центральный Банк РФ не является органом государственной власти, потому что в соответствии со статьей 11 Конституции РФ государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды РФ. Банк России не включен в этот перечень. Следовательно, его нельзя назвать государственным органом [4. с. 96]. Но мы считаем это мнение не совсем верным, так как Конституция РФ и большинство федеральных законов закрепляют порядок создания и деятельности органов государственной власти, которые тоже нельзя отнести ни к одной ветви власти. Также Т. Б. Замотаева считает, что порядок назначения руководящих органов Центрального

банка РФ, статус служащих Банка России (приравненных к государственным служащим) позволяют однозначно признать Центральный банк РФ государственным органом [5. с. 40–45]. Согласно статье 5 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» Банк России подотчетен Государственной Думе РФ, которая назначает на должность и освобождает от должности Председателя ЦБ РФ по представлению Президента РФ, а также назначает на должность и освобождает от должности членов Совета директоров Банка России по представлению Председателя Банка России, согласованному с Президентом РФ.

Гаврин Д. А. утверждает, что «остроты» спору добавляет принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков», который дает очередной повод отнести Банк России к государственному органу [6. с. 70–75]. По мнению Белых В. С., именно из-за двойственной природы Банка России усматривается парадоксальная ситуация: противопоставления статуса Центрального банка РФ как органа, наделенного властными полномочиями, и юридического лица, хозяйствующего субъекта [7. с. 48].

Еще одним признаком Банка России как государственного органа, можно назвать его право на нормотворчество. Это его исключительное право на создание нормативно-правовых актов, которые в последствие обязательны для федеральных органов власти, органов власти субъектов, органов местного самоуправления, а также для физических и юридических лиц. Хотя Банк России и не обладает законодотворческой инициативой, при этом законы, касающиеся функций ЦБ РФ, должны направляться на дачу заключения именно в Банк России, что является весьма странным.

В соответствии со статьей 1 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» Банк России является юридическим лицом [2.]. Согласно статье 48 Гражданского кодекса Российской Федерации, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество

и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [8.]. О правовом положении Центрального банка РФ ГК РФ говорит в пункте 4 статьи 48 [8.].

ГК РФ делит все юридические лица на коммерческие и некоммерческие. Но к какой организационно-правовой форме относится Банк России законодатель не указал. Если анализировать все организационно-правовые формы юридических лиц, то скорее всего ЦБ РФ можно отнести к государственным учреждениям. Поскольку извлечение прибыли не является целью деятельности Банка России, ему присущи властные управленческие полномочия, имеется уставный капитал, при этом ЦБ РФ наделен как финансовой, так и имущественной самостоятельностью. Но и эта точка зрения не является верной, так как государство не отвечает по обязательствам Банка России, который в свою очередь не отвечает по обязательствам государства, что не характерно для государственных учреждений.

Можно рассмотреть вариант, что Банк России — это государственная корпорация. Государственная корпорация — это некоммерческая организация, не имеющая членства, которая учреждена Российской Федерацией на основе имущественного, созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Как мы видим, Банк России учрежден на основе имущественного вноса, создан в соответствии с Федеральным законом, не имеет членства и уставных документов. Однако, чтобы считать Банк России государственной корпорацией, это должно быть четко определено в его Федеральном законе [9. с. 19–24].

Таким образом, проанализировав данную проблему, можно сделать вывод, что организационно-правовая форма Центрального Банка Российской Федерации как юридического лица должна быть закреплена на законодательном уровне. Данные пробелы в законодательстве существенно влияют на взаимоотношения Банка России с государственными органами, юридическими и физическими лицами, а также на понимание в целом природы Банка России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 — ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Электронный ресурс]: от 10.07.2002 № 86-ФЗ; ред. от 03.04.2020 № 167-ФЗ // СПС «Консультант плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Тосунян, Г.А., Викулин, А.Ю. [Текст]: Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы. / М.: Юстицинформ, 2000. — с. 14.
4. Братко, А.Г. [Текст]: Центральный банк в банковской системе России. / М.: Юстицинформ, 2001. — с. 96.
5. Замотаева, Т. Б. Правовой статус Центрального Банка России [Текст] / Замотаева Т. Б. // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 2. — с. 40–45.
6. Гаврин, Д. А. От банковской деятельности до банковских операций [Текст] / Гаврин Д. А. // Бизнес, менеджмент и право. — 2016. — № 1–2. — с. 70–75.

7. Белых, В. С. Банковское право [Текст]: учебник / отв. Ред. Белых В. С. — М.: Проспект, 2014. — с. 48.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 16.12.2019 № 34-ФЗ // СПС «Консультант плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
9. Белых, В.С., Белых, С. В. Конституция РФ и правовые основы предпринимательской деятельности [Текст] / Белых В. С. Белых С. В. // Бизнес, менеджмент и право. — 2015. — № 2. — с. 19–24.

Акты реагирования прокурора как субъекта прокурорского надзора за предварительным следствием

Шевченко Татьяна Николаевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В теории и практике прокурорского надзора зачастую апеллируют понятиями «акт прокурорского надзора» и «акт прокурорского реагирования» (акт реагирования). Несмотря на распространенность употребляемых терминов, ни юридическая литература, ни законодатель не содержит общепринятых дефиниций и не разграничивает данные правовые акты [1].

К сожалению, в сфере уголовного судопроизводства этот вопрос урегулирован недостаточно четко, что вызывает как научные споры, так и сложности правоприменительного характера. Действующее законодательство о прокуратуре и уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения термина «акта прокурорского реагирования». Традиционно под актами прокурорского реагирования понимают специфические, установленные Законом о прокуратуре средства, применяемые в законе должностными лицами органов прокуратуры в ходе осуществления своих надзорных полномочий [2].

Так, под актом прокурорского реагирования в уголовном судопроизводстве понимается единство властного волеизъявления и процессуального действия, в которых прокурор в пределах своей компетенции в определенном законом порядке проявляет правовое отношение к деятельности иных органов и лиц, участвующих в уголовном процессе [3].

Отдельными авторами прокурорского надзора акты прокурорского реагирования рассматриваются как предусмотренное федеральными законами правовое средство реализации полномочий прокуратуры, используемых прокурором в соответствии со своей предметной и иерархической компетенцией в целях установления нарушений или несоблюдения Конституции РФ и федеральных законов, прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, проверки этих нарушений и принятия мер к восстановлению нарушенной законности [4].

Винокуров Ю. Е. рассматривает акты прокурорского надзора как специфические правовые акты, вносимые только прокурором в порядке реализации своих полномочий [5].

Таким образом, акт прокурорского реагирования — это адресованное уполномоченным должностным лицом органом предварительного следствия формализованное (т. е. отвечающее требованиям закона о его форме, структуре и содержании) письменное обращение прокурора, принятое им в пределах своей компетенции при наличии предусмотренных законом оснований и в установленном законом порядке, содержащее требование об устранении допущенных в предварительном следствии нарушений закона и (или) причин и условий, способствующих их совершению, о восстановлении нарушенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также привлечение к ответственности виновных должностных лиц.

На основании положений, которые вытекают из пункта 31 статьи 5 и пункта 5 статьи 37 УПК РФ, статей 24, 25, 25.1, 28, 30 и 54 Закона о прокуратуре в совокупности, можно сделать вывод о том, что приносить акты прокурорского реагирования в уголовном судопроизводстве наделены: прокурор города, района, другие территориальные, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур и их заместители, прокуроры субъектов РФ, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур и их заместители, Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители. Иные прокурорские работники (помощники, старшие помощники и др.) таким правом не обладают. Говоря о представлении об устранении нарушении закона в отношении органов предварительного следствия, можно найти сходство с аналогичными актами, закрепленными статьей 24 Закона о прокуратуре, в главе общего надзора за исполнением закона и статьей 28, в главе надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Из статей вытекает положение, что данный акт применяется в отношении должностных лиц, которые полномочны устранять соответствующие нарушения. Как правило, речь идет о руководителе соответствующего следственного органа, в отношении выявленных в поднадзорной деятельности систематических нарушений законов, либо единичного грубого нарушения закона. Следует добавить, что,

например, пункт 17 Приказа Генеральной прокуратуры от 7 декабря 2007 года № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» исключает случаи внесения прокурорами субъектов Российской Федерации актов реагирования непосредственно руководителям Следственного комитета Российской Федерации, имея в виду, что надзор за их деятельностью осуществляется Генеральной прокуратурой Российской Федерации; проекты актов прокурорского реагирования и копии документов, подтверждающих его обоснованность, представляются в соответствующее подразделение Генеральной прокуратуры Российской Федерации [6].

Представление прокурора, выносится в отношении всех органов предварительного следствия. Указанный акт является комплексным, это объясняется тем, что он содержит несколько требований: устранить нарушения закона, в том числе причины и условия, способствующие нарушению, в связи с чем, привлечь должностное лицо к дисциплинарной ответственности [7]. Как представляется некоторым авторам, при выявлении системных нарушений, вынесение представления об устранении нарушения закона в соответствии с Законом о прокуратуре, данный акт благодаря форме, содержанию и порядку внесения и рассмотрения может достигнуть того результата, который ожидается, т. е. устранить причины нарушений и условия, которые способствовали нарушению.

Приказ № 162 также предусматривают такой акт прокурорского реагирования как представление, и в пункте 1.19 указывает «Каждое полугодие обобщать и анализировать состояние прокурорского надзора за процессуальной деятельностью предварительного следствия, в том числе результаты рассмотрения требований и представлений прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, эффективность прокурорского реагирования» [8].

Если мы говорим об органах предварительного следствия, то прокурорская практика показывает, что наиболее распространено вынесение требований в адрес руководителей Следственного комитета России. А при надзоре за процессуальной деятельностью следователей иных органов, осуществляющих предварительное следствие, чаще выносятся представления об устранении допущенных нарушений закона.

Типичным примером основания для внесения представления служит нарушение органами предварительного следствия требований статьи 61 УПК РФ (обстоятельства, исключющие участие в производстве по уголовному делу). Требования об устранении допущенных нарушений вносятся крайне редко, в основном такими требованиями направляется ход расследования, указывается на необходимость проведения каких-либо следственных действий, но прокурор требует именно устранения нарушений закона, в основном обращает внимание на недостатки при сборе доказательств по делу [9].

При аналогичных же нарушениях статьи 61 и 108 (заключение под стражу) УПК РФ в адрес руководителя подразделения Следственного комитета России выносится требование. При этом требование скорее носит фиксирующий характер, оно констатирует выявленные нарушения, однако прокурор в требовании ставит вопрос о привлечении лиц, допустивших, например, волокиту по делу, к дисциплинарной ответственности. В требовании также часто указывается на нарушение следователем статьи 73 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие доказыванию), однако при анализе такого рода мер реагирования становится ясно, что они представляют собой универсальную смесь из фиксации фактов нарушения закона, которые устранены быть не могут, например нарушение требований разумности сроков уголовного судопроизводства, и указаний на те нарушения закона, которые могут и должны быть устранены.

При надзоре за предварительным следствием относительно небольшое количество уголовных дел позволяет наиболее полно осуществлять полномочия по надзору за ходом расследования, направляя его ход внесением требований, в которых сочетаются как указания на уже допущенные нарушения, так и необходимость устранения нарушений закона, которые могут повлиять на законность и обоснованность принимаемого решения.

В настоящее время Закон о прокуратуре в статье 6 закрепляет, что исполнения требований прокурора подлежат безусловному исполнению в установленный срок, в том числе и те, которые вытекают из статьи 30 Закона о прокуратуре, которая закрепляет предмет рассматриваемой отрасли надзора. Ранее мы рассматривали часть 6 статьи 37, в силу которой такое положение утрачивает свой абсолютный императивный характер.

Следует сказать о том, что данный вид акта начал действовать и применяться с введением аналогичного полномочия прокурора Федеральным законом от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ в пункт 3 части 2 статьи 37 УПК РФ. Соответственно этот акт начал использоваться в прокурорской практике вместе с вступлением в силу этого Федерального закона [10].

Существуют и другие акты реализации прокурорского надзора, как в теории, так и в практике прокурорского надзора за предварительным следствием.

Самым распространенным актом реагирования является постановление. Это и обоснованно, так как данный акт является более эффективным по сравнению с другими, посредством которого реализуется большая часть полномочий прокурора. Например: пункт 2 части 2 статьи 37 УПК РФ закрепляет, что прокурор уполномочен выносить постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения об уголовном преследовании по фактам, выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства; пункт 5.1 части 2 статьи 37 УПК РФ регламентирует проверку законности и обоснованности решений следователей или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уго-

ловного дела, его приостановлении, прекращении, в связи с чем принимает соответствующие решения, а пункты 14, 15 части 2 статьи 37 дает право прокурору утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу. Так речь идет о таких постановлениях, как постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, для возвращения уголовного дела со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков, об отмене постановления следователя о приостановлении предварительного следствия и об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

УПК закрепляет в статьях 221 и 226 решения прокурора по уголовному делу, в том числе поступивших с обвинительным актом, которые также регламентируют полномочие прокурора применять подобные постановления в качестве акта реагирования.

Что касается письменного согласия (утверждения) и представления об устранении нарушений, в данном случае эти акты также применяются в отношении органов предварительного следствия. Письменное согласие подра-

зумевает под собой процессуальный акт, который выражает определенного рода резолюцию, в качестве которой выступает согласие или несогласие, а также утверждение. Так мы ведем речь о том, что пункты 14, 15 части 2 статьи 37 УПК РФ говорят о выражении воли прокурора, о его утверждении обвинительных заключений, актов, постановлений по уголовному делу, в том числе, если внимательно прочесть норму пункта 15 части 2 статьи 37 УПК РФ, то из нее опять-таки вытекает резолютивный характер действий прокурора. Можно прийти к выводу, что этот акт принимается и необходим для передачи дела на рассмотрение суда.

Таким образом, говоря об актах прокурорского реагирования, не все акты, закрепленные законодателем могут быть реализованы в полной мере, то есть прокурор не всегда реализует весь комплекс данных ему полномочий посредством актов, но в настоящее время это самый эффективный способ надзирать и контролировать деятельность должностных лиц при осуществлении предварительного следствия. Прокурор, осуществляя надзор за предварительным следствием применяет полномочия и акты прокурорского реагирования, на основании Закона о прокуратуре и уголовно-процессуального закона, тем самым предотвращая нарушения в сфере предварительного следствия.

Литература:

1. Бызова, М. В. Понятие и соотношение актов прокурорского надзора и актов прокурорского реагирования // Юридическая наука и правоохранительная практика — 2008. — № 3(6). — с. 70.
2. Буланова, Н. В. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные органами дознания и органами предварительного следствия в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 4(42). — с. 37.
3. Винокуров, Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник. — М.: изд-во Юрайт-Издат, 2007. — 459 с. — с. 160
4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс]: приказа Генеральной прокуратуры от 7 декабря 2007 года № 195. — Документ опубликован не был. — Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Ергашев, Е. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия, как новый вид актов прокурорского реагирования // Уголовное право. — 2007. — № 6. — с. 82.; Соколов А. Проблемы и практика применения прокурором требования об устранении нарушений федерального законодательства в уголовном процессе // Уголовное право. — 2009. — № 2. — с. 126.
6. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 июня 2011 года № 162. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — М., 2019. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Дронов, В. В. Надзор за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное следствие // Законность. — 2014. — № 5 — с. 48–49.
8. Мезинов, Д. А. Прокурорский надзор в РФ вопросы особенной части. / Д. А. Мезинов. — Томск.: Изд-во НТЛ, 2011. — 132 с. — с. 106.
9. Малько, А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник/ А. В. Малько, Н. И. Матузов. — М.: издво Юристъ., 2004. — 245 с. — с. 19

Правовое регулирование экологических рисков

Шевченко Татьяна Николаевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: сельское хозяйство, окружающая среда, риск, деградация почв

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, при этом каждый обязан сохранять окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, которые являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Любая деятельность — потенциально опасна, следовательно, несет в себе определенные риски. Человек, в процессе своей жизнедеятельности, очень тесно взаимодействует с окружающей средой и оказывает на нее прямое или косвенное воздействие, что непосредственно несет в себе определенные экологические риски. Экологический риск — это вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Данное понятие содержится в Федеральном законе от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». К сожалению, в этом законе рассматриваемая категория не находит дальнейшего развития.

Между тем, экологические нарушения могут привести к экологическим катастрофам. Они характеризуются глобальной гибелью живых организмов, нарушением всей экосистемы территории катастрофы и ближайших районов. Это пагубно влияет на человека и может повлечь его гибель, либо существенное ухудшение условий проживания.

Одной из самых важных отраслей экономики для государства является сельское хозяйство, так как оно обеспечивает продовольственную безопасность страны и дает около 8 % ВВП. В России сельское хозяйство отличается довольно низкой рентабельностью, обусловленной частично климатом, нестабильностью доходов и наличием большого количества различных рисков (погодных, экономических, экологических и иных).

Экологические риски в сельском хозяйстве проявляются по-разному, например, происходит деградация почв, изменение климата, загрязнение воздуха, воды и почвы выбросами вредных веществ и т. д. Снижение этих рисков требует больших финансовых ресурсов, поэтому возможно только совместными усилиями государства и природопользователя.

Как представляется, одним из самых экологоопасных видов сельского хозяйства является — животноводство. Эта отрасль достаточно негативно воздействует на окружающую среду и в тоже время слабо урегулирована. Если

подсчитать процент парниковых газов, производимых человеком, то на животноводство приходится 9 % (CO₂), 65 % закиси азота (N₂O) — большинство его происходит от навоза животных, 37 % всего антропогенного метана (CH₄) (который в 23 раза теплее, чем CO₂), производимого в своем большинстве из отходов скота, 64 % аммиака (причина кислотных дождей). Помимо того, что животноводство продуцирует такое большое количество парниковых газов, оно также негативно влияет на почву и воду планеты [1].

В настоящей работе отмечу только несколько острых проблем, связанных с экологическими рисками в животноводстве.

Во-первых, повсеместное использование антибиотиков в животноводстве ставит под угрозу будущее здоровье человечества и дику фауну вокруг предприятия. Так как природопользователь (предприниматель), в погоне за прибылью применяет антибиотики «последнего эшелона» — цефалоспорины, полимиксины (например, колистин), которые используются из-за большой плотности животных в производственных комплексах и высокой смертности, для повышения выживаемости. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации не регулирует этот вопрос. В настоящее время утверждены только рекомендации к кормам и кормовым добавкам. Между тем, правовое регулирование этой проблемы в других странах известно давно. Так, Швеция запретила использование цефалоспоринов полностью в 1986 году, США запретили использование антибиотика определенными способами в 2012 году.

В России действует Технический регламент «О безопасности пищевой продукции», который только запрещает содержание антибиотиков в пищевой продукции, но и он не всегда соблюдается [2]. Отсутствие в законодательстве запрет на использование антибиотиков, ведет к созданию резистентных к антибиотикам штаммов бактерий и иных микроорганизмов. Необходимо на основе комплексного научного исследования этого вопроса, разработать законопроект, о запрете использования определенных веществ, в том числе антибиотиков «последнего эшелона», и установить ответственность за нарушение данного запрета.

Во-вторых, деградация почв также является одним из экологических рисков животноводства. Например, опустынивание, эрозия, сокращение органического вещества в почве, загрязнение почвы и сокращение биоразнообразия, могут привести к утрате способности почв выполнять свои основные функции. Причиной таких

процессов деградации может быть стравливание пастбищ и утаптывание почв. Для предотвращения деградации почв необходима поддержка органического земледелия, почвозащитная обработка почвы, управление системами пастбищ с низкой интенсивностью выпаса, снижение плотности скота и использование сертифицированного компоста.

Рядом с животноводческими комплексами большую угрозу представляют собой навозные кучи, которые загрязняют почву, а также поверхностные и грунтовые воды. Из-за климатических особенностей нашей страны большую часть года скот находится на стойловом содержании. Поступление загрязняющих веществ в водостоки с животноводческих ферм и комплексов зависит от способа удаления навоза. Удаление происходит при прямом смыве сточных вод после очистки, а также в результате потерь, возникающих в процессе утилизации отходов животноводства. При стойловом содержании скота накапливаются большие массы навоза. Из-за его несовершенной утилизации в водные системы выносятся немалые количества грубодисперсной малоразложившейся органики и биогенных веществ. Это требует качественной очистки отходов их жизнедеятельности, так как загрязняет водные объекты.

В последние годы сфера животноводства, получила определенное правовое опосредование. Например, разграничивая отходы на классы опасности, законодатель предусматривает их экологическую опасность. В животноводстве основной класс опасность IV — малоопасный. Свежий навоз считается малоопасным, но есть исключения, которые умеренно опасны, а перепревший практически неопасен [3]. Отношения по обращению с опасными отходами регулируются федеральными законами «Об отходах производства и потребления» и «Об охране окружающей среды». В данных отношениях государство урегулировало экологические риски, нужно только вести постоянный контроль соблюдения законодательства.

Выпас скота в России в основном происходит поздней весной, а заканчивается с началом осени. Так как выпас происходит в основном в долинах рек и вблизи водоемов, загрязнение водных объектов биогенными веществами происходит и в этом случае, поскольку они не успевают закрепиться в почве. В данном случае, решение проблемы возможно путем рационального выбора мест выпаса животных. При выборе участка для занятия животноводством должны учитываться интересы природопользователя, но и не нарушаться нормы действующего законодательства. При наличии средств и заинтересованности муниципального образования, возможно строительство искусственных водных объектов для развития животноводства, и размещать участки выпаса скота вблизи данного водоема.

Интерес представляет опыт конкретных субъектов Российской Федерации. Так, Краснодарский край является одним из самых важных сельскохозяйственных субъектов России, занимающего 1 место по России, его доля

составляет около 7 % ВВП всего сельского хозяйства [4]. В сфере животноводства Краснодарский край также один из лидирующих регионов страны, в 2017 году занимал 3 место среди регионов России по объемам производства (выращиванию) скота и птицы (в живом весе) [5].

Совершенствованию края способствует естественная кормовая база в предгорьях и на степных равнинах, интенсивное сельское хозяйство и разработка технологий для роста поголовья скота. За последние годы край отличает расширение изготвлений в яичном птицеводстве. Благодаря национальной программе Краснодарского края «Развитие АПК», отрасль животноводства получила дополнительное финансирование, и началась постройка животноводческих ферм и переделывающих сельскохозяйственных объектов.

С увеличением количества животноводческих ферм и поголовья скота требуется четко и обдуманно соотносить экономическую выгоду от данной деятельности и экологические риски, и если последние слишком высоки, то нужно приостановить реализацию программы. Проблема экологии еще совсем молода, поэтому некоторые субъекты предпринимательской деятельности еще не полностью осознают последствия их деятельности, когда попустительски относятся к нарушениям законодательства в сфере экологии, в погоне за прибылью. Это может привести к серьезным экологическим проблемам. Федеральное законодательство не может урегулировать все отношения, оно довольно «неповоротливо», поэтому субъекты Российской Федерации должны сами регулировать отношения в той мере, в которой им разрешено.

В настоящее время в Краснодарском крае действует Закон от 05 ноября 2002 года N 532-КЗ «Об Основах Регулирования Земельных Отношений в Краснодарском Крае». В нём устанавливаются нормы предоставления земельных участков гражданам для ведения животноводства — от 1000 квадратных метров до 2000 квадратных метров. В ст.12.1 закрепляется максимальный размер общей площади земельных участков (приусадебных и полевых), которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, занимающихся молочным животноводством и откормом крупного рогатого скота, — 2,5 гектара. Эти меры направлены на минимизацию экологических рисков от крупного животноводства.

Наряду с максимальной площадью земель в законодательстве регионов, для снижения неблагоприятных последствий для окружающей среды от животноводства, можно рассчитать, сколько голов скота будет экологически безопасно содержать на одном гектаре земли, в зависимости от вида скота (крупный рогатый скот, овцы, свиньи, птицы). Закрепить этот норматив на уровне законодательства субъекта Российской Федерации и контролировать его исполнение при ведении животноводческого хозяйства. Установление данного норматива на федеральном уровне предоставляется невозможным, из-за разных климатических условий и экологической обстановки регионов.

Поскольку любая антропогенная деятельность сопряжена с экологическими рисками, невозможен полный запрет природопользования. Законодатель может только возложить на природопользователя и лиц, деятельность которых оказывает воздействие на окружающую среду, обязанность по осуществлению природоохранных мер. В тоже время, возложение на сельхозпроизводителя значительных природоохранных обязательств невозможно, так как бремя несения этих обязательств предполагает большие финансовые затраты, что повлечет за собой снижение рентабельности отрасли в целом. Сельскому хозяйству и так свойственна низкая рентабельность, а снижая ее, мы получим отток сельхозпроизводителей, что повлечет подрыв продовольственной безопасности, негативно скажется на экономике страны, приведет к упадку сельскохозяйственных регионов России.

Сельское хозяйство — основная отрасль экономики. Главная его цель — удовлетворение потребностей населения в питании, промышленности в сырье. Проблемы в этой сфере приводят к социальной напряженности и нестабильности в обществе, упадку здоровья населения, поэтому его развитие законодательно регулируется госу-

дарством во всех странах. Несмотря на уменьшение доли сельского хозяйства в мировом ВВП, оно продолжает играть значительную роль в развитии мировой экономики и жизни общества. Сельское хозяйство обеспечивает большое количество рабочих мест, отвечает за продовольственную безопасность страны, оно является базовой отраслью экономики государства, без которой эффективное развитие других отраслей будет невозможно.

Как показал проведенный в работе анализ, государство движется в сторону поддержки сельскохозяйственного производства, но данных шагов пока недостаточно. На данный момент остается достаточно неурегулированных законодателем вопросов, по поводу животноводства. Также, существуют вопросы, требующие усиленного контроля за соблюдением законодательства. Поддержать сельхозпроизводителя государство может не только законодательно, но и материально, выделяя субсидии на снижение экологических рисков, строя необходимые коммуникации и сооружения для производителя. Также субъекты Российской Федерации должны посильно помогать производителю с учетом специфики своего региона, принимая нормативно правовые акты для снижения экологических рисков.

Литература:

1. Экология и экономика: сокращение загрязнения атмосферы страны [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. — Электрон. дан. — URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14132.pdf> (дата обращения: 11.06.2020).
2. Исследования рынка [Электронный ресурс] // Росконтроль. — Электрон. дан. — URL: <https://roscontrol.com/category/produkti/> (дата обращения: 11.06.2020).
3. Федеральный Классификационный Каталог Отходов [Электронный ресурс] // Эко-архитектура. — Электрон. дан. — URL: <http://eko-a.ru/allwaste> (дата обращения: 11.06.2020).
4. Россия в цифрах [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Электрон. дан. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (дата обращения: 11.06.2020).
5. Бюллетени о состоянии сельского хозяйства [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Электрон. дан. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516 (дата обращения: 11.06.2020).

Правовое положение прокуратуры по советскому законодательству

Шевченко Татьяна Николаевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, советская прокуратура

Период после Октябрьской революции для отечественной прокуратуры считается весьма неблагоприятным в связи с тем, что пришедшей новой властью были ликвидированы все органы управления, существовавшие в царской России. Таким образом, оговариваемый период истории развития прокуратуры начался с её ликвидации, закреплённой в Декрете СНК РСФСР от 24.11.1917 № 1 «О суде», упраздняющим ранее существовавшие институты

судебных следователей, прокурорского надзора, адвокатуры. Поэтому на протяжении нескольких лет новое, строящееся государство жило без органов прокуратуры. Следует отметить, что её отсутствие не означало отсутствия надзора за законностью. Функции прокуратуры (а именно функции надзора за соблюдением законов в деятельности органов государственного управления и местных органов власти) осуществляли различные созданные в новом го-

сударстве учреждения, компетенцию которых составляли и иные функции.

Так, ВЦИК осуществлял надзор на основании ст. 32 Конституции РСФСР 1918 г. за точным применением декретов на всей территории Российской Федерации; СНК обладал полномочиями на разрешение текущих дел по надзору за деятельностью страховых учреждений и предприятий, а также делопроизводство Совета по делам страхования; народные комиссариаты осуществляли общий надзор за правильной организацией и деятельностью органов, надзор за законностью постановлений народных комиссариатов труда автономных республик, краевых и областных отделов труда по решениям, организуемым при этих органах примирительных камер; надзор осуществляли и РКИ (Рабоче-крестьянские инспекции) — за деятельностью государственных учреждений и общественных организаций; надзор за выполнением постановлений и распоряжений властных государственных и партийных структур; взаимодействовали с органами власти и самоуправления по вопросам улучшения эффективности работы аппарата управления всех уровней.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что функции по общему надзору были распределены по многим ведомствам, а полномочия прокуратуры рассредотачивались по разным органам власти, что в дальнейшем привело к ненадлежащему осуществлению надзора.

В связи с указанными выше обстоятельствами, в мае 1922 г. были приняты Уголовно-процессуальный кодекс и положение о прокурорском надзоре, которое имело силу закона и вступало в силу с 1 августа 1922 года. Положение закрепляло собой компетенцию вновь создаваемой Прокуратуры и в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью возлагало на неё обязанности по осуществлению надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, непосредственному наблюдению за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью ОГПУ, по поддержанию обвинения в суде, а так же обязанность по наблюдению за правильностью содержания заключенных под стражей. Таким образом, данным актом прокуратура наделялась различными функциями, а в круг её полномочий стали входить надзор исполнением законов органами власти, хозяйственными учреждениями, общественными и частными лицами, надзор за деятельностью органов следствия и дознания в области раскрытия и расследования преступлений, а также за деятельностью Госполитуправления, поддержание обвинения в суде, надзор за законностью содержания заключенных под стражу лиц. Данные полномочия по факту составляют и базу сегодняшней прокуратуры, с определёнными изменениями произошедшими в течение времени.

Позже, в ноябре 1923 года была образована Прокуратура Верховного суда Союза ССР, которая была наделена широким кругом полномочий. Особо стоит отметить наделение её правом законодательной инициативы

и совещательного голоса в заседаниях высших органов власти страны, а также правом приостанавливать решения и приговоры коллегии Верховного суда СССР. Но в июне 1933 г. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР была образована Прокуратура СССР. На нее возлагались обязанности по надзору за соответствием постановлений и распоряжений ведомств, республиканских и местных органов Конституции и всему законодательству Союза, обязанности по судебному надзору, по возбуждению уголовного преследования и поддержанию обвинения, надзору за законностью действий правоохранительных органов. Вследствие проводимых изменений упразднялась Прокуратура Верховного Суда СССР, а ее функции передавались Прокурору Союза.

В декабре 1933 года было принято «Положение о Прокуратуре Союза ССР». Данный акт имел большое значение для установления принципов прокурорской системы. Он воссоздавал принципы единства и централизованности внутри прокурорской системы. В соответствии с Положением прокуратура становилась самостоятельным органом, обеспечивалась независимость Прокурора Союза ССР от каких-либо государственных органов и должностных лиц. Также закреплялись военная и транспортная прокуратуры в качестве структурных подразделений Прокуратуры СССР. Образование в этот период специальных судов на транспорте обусловило и создание специальных прокуратур железнодорожного и водного транспорта.

Таким образом, учреждение Прокуратуры СССР как бы завершало строительство системы прокурорских органов Советского государства. Однако полного единства эта система не достигла, так как прокуратуры союзных республик находились в ведении наркоматов юстиции, хотя общее руководство деятельностью республиканских прокуратур оставалось за Прокурором Союза ССР.

завершила централизацию системы прокурорских органов страны Конституция 1936 г. Она подчиняла республиканские прокуратуры органам Союза. Статус прокуратуры повысился: она вышла из подчинения правительства и стала зависеть только от высшего органа власти Союза — Верховного Совета.

В годы Великой Отечественной войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» работа органов прокуратуры была перестроена на военный лад. Перед прокуратурой, как и перед деятельностью иных государственных органов, была поставлена задача победы советского народа над немецким фашизмом.

Следующим важным шагом в регламентации деятельности органов прокуратуры было принятие Верховным Советом СССР в марте 1946 г. закона СССР «О присвоении Прокурору наименования Генерального прокурора СССР». Это являлось следствием важного государственного и политического значения деятельности органов прокуратуры и делалось в целях повышения авторитета и влияния органов прокуратуры на обеспечение законности в государстве.

24 мая 1955 года вышел указ «О прокурорском надзоре в СССР». Этот акт более детально раскрывал сущность видов осуществления надзора, раскрывал содержание функций прокуратуры.

Следующим важным этапом развития правового регулирования деятельности прокуратуры в рамках заданного периода, был 1977 год. В связи с принятием Конституции СССР 1977 года были внесены существенные изменения в области функций прокуратуры: высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами возлагался на Генерального Прокурора СССР

и подчиненных ему прокуроров. Прокуратура оказывалась не отнесённой ни к одной из ветвей власти. Хотя находилась в ведении и исполнительной и законодательной власти.

Дальнейшее развитие прокуратуры нашло отражение в законе от 30 ноября 1979 года «О прокуратуре», который детализировал и закрепил уже имеющиеся у прокуратуры функции.

Исследователи, считают советскую прокуратуру классическим типом надзорного устройства прокурорской деятельности по двум причинам:

во-первых, осуществление надзора было основной функцией советской прокуратуры;

во-вторых, прокурорский надзор носил высший характер и охватывал деятельность всех органов, организаций, учреждений предприятий, включая также поведение отдельных граждан.

Литература:

1. Воронин, О. В. О некоторых тенденциях развития отечественной прокурорской деятельности / О. В. Воронин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2013. — № 4 (10). — с. 65–73.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс] принята V Всероссийским Съездом Советов от 10 июля 1918 г// Гарант: информ.-правовое обеспечение. — Электрон. дан. — М., 1918. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. Закон СССР от 30 нояб.1979 «О прокуратуре СССР»// КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 1979. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки том. гос. ун-та.
4. Воронцов, С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. / С. А. Воронцов — Ростов Н/Д: Феникс, 1999. — 424 с.
5. Дранников, В. Н. Курс лекций по дисциплине «Прокурорский надзор». Общая часть: учеб. пособие/ — Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. — 120 с.
6. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде»// КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 1917. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки том. гос. ун-та.
7. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф.С.Р».) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 1922. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки том. гос. ун-та.
8. Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 дек. 1933 «Положение о прокуратуре Союза ССР»(.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 1933. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки том. гос. ун-та.
9. Указ Президиума ВС СССР от 24 мая 1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР»// КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 1955. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки том. гос. ун-та.

ИСТОРИЯ

Состояние дипломатического корпуса Турции и России в XIX в.

Богданова Любовь Владимировна, студент

Научный руководитель: Максимова Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент
Братский государственный университет

Турция была до греческого восстания во всех отношениях *terra incognita* (неизвестная земля), и распроданные о ней среди публики банальные представления покоились больше на сказках из «Тысячи и одной ночи», чем на исторических фактах. Правда, официальные дипломатические представители, побывавшие в Турции, хвастались, что они обладают более точными знаниями; но и эти знания были ничтожными, так как никто из этих официальных лиц не потрудился изучить турецкий, южнославянский или новогреческий языки и все они без исключения полагались на тенденциозные сообщения переводчиков-греков и франкских купцов. К тому же эти праздные дипломаты постоянно тратили свое время на всевозможные интриги.

Похвальное исключение составляет среди них только Йозеф фон Гаммер, немецкий историк Турции. Эти господа нисколько не интересовались народом, учреждениями и общественным строем страны; они занимались только двором и, в особенности, греческими фанариотами, хитрыми посредниками между двумя сторонами, из которых каждая была одинаково не осведомлена относительно действительного состояния сил и ресурсов другой. Все действия западной дипломатии по отношению к Турции долгое время покоились и, как это ни странно, даже в настоящее время в значительной мере покоятся на традиционных представлениях и суждениях, основанных на столь жалкой информации.

В книге венгерского ученого и путешественника Г. Вамбери, жившего в Константинополе в 1857–1862 гг. и хорошо знавшего быт и нравы турецких семей, содержится интересное наблюдение, касающееся восточных дипломатов того времени: «Наши (европейские) дипломаты обучаются годами и обыкновенно выбираются из среды аристократии, на Востоке же, напротив того министрами и дипломатами часто становятся люди принадлежавшие незадолго перед тем к духовенству, к писарям или даже рабочему сословию. Их образование и их познания очень незначительны... и тем не менее персидский или турецкий дипломат никогда не теряется в присутствии

своего английского, немецкого, русского или французского коллеги, хотя конечно ему и случается иногда сделать неловкость. Самого кратковременного пребывания в Европе или самого поверхностного сношения с европейцами уже достаточно для турецкого или персидского дипломата, чтоб поставить его на один умственный уровень с европейскими коллегами».

Н. А. Дулина в своей работе «Танзимат и Мустафа Решид-паша», дала характеристику одному из турецких дипломатов Мустафе Решиду-паше. Он был одним из выдающимся дипломатов Турции. Мустафа Решид-паша был выходцем из хорошей семьи. Его отец вел приходно — расчетные книги вакфов султана Баязида II; прадед принадлежал к почетным гражданам города Кастамону. Из-за материальных затруднений не смог закончить медресе (мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии), поэтому в дальнейшем он занимался самообразованием.

В 1834 г. был назначен послом среднего ранга (орта эльчи) в Париже. Перед турецким послом в Париже в 1834 г. османским правительством было поставлено две задачи: 1. «рассеять ложные представления о Турции» среди политических деятелей в Европе; 2. пытаться разрешить египетскую проблему в соответствии с правом османского государства и пользой для него. Мустафа Решид имел также третье, неофициальное поручение — осуществить секретные переговоры с французским правительством о возврате Алжира.

Мустафа Решид-паша обладал талантом внушать веру в своё превосходство, а также тактом и деликатностью, скрываемыми под добродушной внешностью, обладал замечательной легкостью восприятия и ещё более замечательным даром речи.

За свою жизнь он добился признания в Европе, он нравился Европейской дипломатии; получил титул посла высшего ранга; стал министром иностранных дел (пожалован чин мишюра), а после этого получил титул паши и чин везира.

Мехмед Эшреф родился в Русе. Получил хорошее образование и воспитание. Говорил на арабском, фарси и немного на французском. Служил на различных постах. В 1842–1846 гг. работал в Дамаске и в Сайде. После 1846 г. служил в Конье и в Кастамону. В 1854 г. служил в силовых структурах под командованием садр-азема Мехмеда Эмина Кыбрылы и участвовал при подавлении восстаний на Балканах.

В 1857 г. после восстановления порядка в Болгарии Мидхат-паша совершает шестимесячную поездку по крупным столицам Европы. После возвращения в Стамбул ему было поручено расследование заговора против Абдулмеджида. В 1861 г., будучи визирем, становится губернатором Ниша. Вследствие удачно проведенных реформ Абдулмеджид поручает Мидхату выработать программу проведения дальнейших реформ. В 1864 г. Силистре, Видин и Ниш объединились в Дунайский вилайет. Во главе этого вилайета стал Мидхат-паша. Мидхат-паша активно участвовал в административной реформе, которая проводилась в 1864–1867 гг.

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф — русский государственный деятель и дипломат. На дипломатической службе с 1801 г. Работал в русских дипломатических миссиях в Берлине и Париже. С начала войны 1812 г. находился при армии, исполняя различные дипломатические поручения. Во время заграничных походов 1813–1814 гг. состоял при Александре I. В 1814 г. был назначен докладчиком по делам иностранного департамента, а с 1816 г. ему было поручено управлять министерством иностранных дел. С 1821 г. — член Государственного совета; с 1845 г. — государственный канцлер. Участник Венского конгресса 1814–1815 гг., а также конгрессов в Аахене, Троппау, Лайбахе и Вероне (1818–1822 гг.).

Ко времени завершения Парижского конгресса, 15/27 апреля 1856 г. К.В.Нессельроде был уволен в отставку с оставлением звания государственного канцлера и члена Государственного Совета. В тот же день министром иностранных дел был назначен А.М.Горчаков.

Каподистрия Иоанн Антонович (1776–1831), граф — греческий и русский государственный деятель и дипломат. В 1803–1807 гг. — статс-секретарь по иностранным делам Республики Семи Соединенных островов (Ионических). В 1809–1827 гг. на русской дипломатической службе. В 1813–1815 гг. — посланник в Швейцарии, участвовал в работе Венского конгресса. В 1815 г. получил звание статс-секретаря по иностранным делам, ведал отношениями России со странами Востока.

Находившийся на русской дипломатической службе с 1809 г. В Вене Каподистрия И. А. стал близким советником Александра I. После окончания конгресса, 30 августа/11 сентября 1815 г. император также назначил И. А. Каподистрию статс-секретарем по иностранным делам. Однако первым статс-секретарем считался К. В. Нессельроде. Именно он 9/21 августа 1816 г. был назначен управляющим Министерством иностранных дел и присутствующим в Коллегии иностранных дел.

Между двумя статс-секретарями дела были распределены следующим образом: К. В. Нессельроде занимался общим управлением Министерством и политическими делами, касавшимися отношений с Западом; И. А. Каподистрия — делами, связанными с Бессарабией и отношениями с Турцией. У каждого статс-секретаря была своя особая канцелярия. Дважды в неделю оба статс-секретаря являлись к императору с совместным докладом.

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь, русский дипломат и гос. деятель. В МИД с 1817 г. В 1820–1822 гг. участвовал в работе конгрессов Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне. В 1823–1841 гг. работал в рус. дипломат. представительствах в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Вене. В 1841–1850 гг. — посланник в Штутгарте, в 1850–1854 гг. — при Германском союзе, во Франкфурте-на-Майне (с сохранением поста в Штутгарте); в 1854–1856 гг. — сначала управляющий посольством, затем посланник в Вене, принимал участие в Венской конференции 1855 г. В 1856–1882 гг. — министр иностранных дел.

Во время войн Пруссии с Данией (1864 г.), Австрией (1866 г.), и Францией (1870–1871 гг.) проводил политику доброжелательного по отношению к Пруссии нейтралитета. В 1870–1871 гг. добился отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Сыграл значительную роль при заключении в 1873 г. Союза трех императоров. Когда в 1875 г. Германия начала угрожать Франции новой войной, он поддержал Францию и тем заставил Германию отступить. Горчаков обеспечил дипломатическую подготовку русско-турецкой войны 1877–1878 гг., заключив Рейхштадтское соглашение 1876 г. и Будапештскую конвенцию 1877 г. Участвовал в Берлинском конгрессе 1878 г. В 1882 г. получил отставку.) возглавил Министерство иностранных дел 15/27 апреля 1856 г., в тяжелейший для России период политической изоляции после поражения в Крымской войне, принесшей территориальные потери и нейтрализацию Черного моря. С учетом положения России на международной арене, а также экономической слабости страны была выработана новая внешнеполитическая программа российского правительства. Она была изложена в циркуляре А. М. Горчакова от 21 августа/2 сентября 1856 г., направленного российским дипломатическим представителям за границей (для передачи соответствующим правительствам) [3].

Главной задачей внешней политики России в этот период А. М. Горчаков считал отмену ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. В связи с этим внешнеполитическое ведомство России занималось поисками союзников, необходимых для выхода из международной изоляции, и пыталось решить международные вопросы мирным путем.

При А. М. Горчакове был частично обновлен состав российского дипломатического корпуса за границей. При подборе кадров министр иностранных дел руководствовался двумя главными критериями: профессиональной подготовкой и политической ориентацией.

В. А. Емец указывает на то, что во внешней политике важное значение имеет личностный фактор, имеющий свою специфику. «Сама организация государственного механизма внешних сношений с его очень узким по составу «управляющим центром», в котором часто «последнее слово» в принятии ответственных решений принадлежит единолично главе государства или правительства, придаёт этой сфере государственного управления особый, авторитарный характер и субъективно-личностную окраску. В принятии внешнеполитических решений проявляется субъективное творчество государственных и общественно-политических структур в их конкретно личностном выражении [2].

Специфика российского внешнеполитического механизма проявлялась в неоправданно преувеличенной роли императора, социальной однородности дипломатического корпуса, заметной изолированности внешнеполитического механизма от общества, от других пра-

вительственных структур, в перманентном дефиците мобильности и консерватизме [6].

Исходя из изученных источников, можно сделать вывод, что точка зрения по поводу дипломатического корпуса Турции, у иностранных и русских историков расходятся. К. Маркс и Ф. Энгельс, считают, что дипломатический корпус Турции был весьма хитер и коварен, а Г. Вамбери и Н. А. Дулина считают, что дипломатический корпус был весьма умен и коммуникабелен в политических делах.

Характеристика дипломатического корпуса Российской империи была дифференцирована по двум основным принципам: 1) нормативно-регулятивные и организационные основы дипломатического корпуса России, где рассматриваются правовые условия, в которых осуществлялась дипломатическая деятельность; 2) ментальные практики дипломатического корпуса и повседневность.

Литература:

1. Дулина, Н. А. «Танзимат и Мустафа Решид-паша». М. Наука, 1984 г. 189 с.
2. Емец, В. А. Проблемы внешней политики // К 75-летию начала первой мировой войны. Материалы конференции. М., 1990 г. 367 с.
3. Канцлер, А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998 г., 403 с.
4. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения, том 9. изд. 2. М., 1989 г., 574 с.
5. «Русский биографический словарь». М., 1918 г. 817 с.
6. Сенин, А. С. Становление министерской системы управления в России // Новый исторический вестник № 9. 2003 г. 27 с.

Некоторые особенности процесса ликвидации комитетов деревенской бедноты на территории Петроградской губернии (ноябрь 1918 — апрель 1919 г.)

Ломанов Владислав Андреевич, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье рассматриваются некоторые особенности реорганизации комбедов на территории Петроградской губернии, их слияния с местными Советами, анализируются нетипичные и нестандартные ситуации в данном процессе, а также причины возникновения таких ситуаций.

Ключевые слова: комитеты деревенской бедноты, продовольственная диктатура, бессистемные реквизиции, ликвидация, реорганизация, крестьянские недовольства, большевики, крестьяне, местные советы.

1 июня 1918 года в целях обеспечения проведения продовольственной диктатуры был издан декрет ВЦИК «Об организации деревенской бедноты и снабжения её хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» [1]. Согласно этому декрету, в деревне создавались комитеты деревенской бедноты — чрезвычайные органы власти, которые должны были состоять из беднейших крестьян, главные задачи которых заключались в реквизиции излишков хлеба у крестьян, а также изгнание из деревенских, сельских и волостных

Советов антибольшевистских элементов. Деятельность комбедов была наполнена невиданным по масштабу произволом, который заключался в бессистемных реквизициях продовольствия у крестьян, вызвавших массовые крестьянские недовольства и вооружённые выступления. Осознавая допущенные по отношению к крестьянам ошибки, на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов состоявшимся 9 ноября 1918 года комитеты деревенской бедноты официально объявлялись

ликвидированными [6]. Они должны были произвести перевыборы местных Советов и слиться с ними. С этого момента партия брала курс на союз со средним крестьянством [2].

Процесс реорганизации комбедов на территории Петроградской губернии по сравнению с другими губерниями Северо-Запада России носил очень многообразный, неоднозначный и противоречивый характер, связанный с особенностями образования и деятельности этих чрезвычайных органов власти. Особенности же заключались в том, что комитеты бедноты данного региона отличались более высоким уровнем организованности и деятельности, что позволило некоторым из них значительно расширить спектр своих полномочий в административно-хозяйственном и политическом направлениях, наладив при этом весьма продуктивную работу в деревне, гораздо более высокую по уровню чем в других губерниях не только Северо-Запада России, но и на всех территориях подконтрольных большевикам [8]. Таким хорошо-организованным комбедам крестьяне постепенно начали оказывать доверие и видеть в них стержень, вокруг которого деревня могла сплотиться в столь непростое время [7]. Кроме того, на ликвидацию комитетов бедноты ощутимо повлияла неравномерная организация данных чрезвычайных органов власти, связанная с большим количеством сёл и деревень, прифронтовым положением губернии, не всегда исправными путями сообщения, а также с сопротивлением крестьян и местных Советов, связанного с нежеланием и невыгодностью создания этих чрезвычайных органов власти.

В некоторых районах Петроградской губернии, где организация комбедов не получила особого распространения, их ликвидация прошла по стандартному сценарию. Так, например, в Рождественской волости Царскосельского уезда, комитеты бедноты были объединены с местными Советами для совместной работы [4]. Дело в том, что на процесс организации и деятельности комбедов в данном уезде оказывали сильное влияние местные комитеты и коллективы РКП(б), поэтому здесь реорганизация комитетов бедноты прошла без существенных проблем.

Тем не менее, ликвидация комбедов проходила далеко не всегда типично и однообразно, как это указывалось выше. Данный тезис мы можем подтвердить на примере нескольких нестандартных ситуаций. Первую из них мы можем проследить на примере Николаевщинской волости Новолодожского уезда, где были распущены сельские Советы, а комитеты бедноты, соответственно, были переименованы в сельские и деревенские Советы [5]. В данной ситуации комбеды не самоликвидировались, а просто переименовывали себя в означенные органы местного самоуправления.

Вторая — весьма нетипичная и нестандартная ситуация произошла в деревне Оранжевая, Овцынской волости Шлиссельбургского уезда, где был распущен Совет деревни, и вся власть передана в руки комитета бед-

ноты [3]. В данном случае комитет деревенской бедноты распустил местный Совет и сам взял на себя исполнение функций органа местного самоуправления.

Третью — нестандартную ситуацию мы можем наблюдать в Лукинской волости Шлиссельбургского уезда, где на собрании сельских комитетов деревенской бедноты решили отказаться от слияния с сельскими Советами, мотивировав это тем, что такое слияние ничуть не улучшит дела, а лишь ухудшит в медленности исполнения работы [9]. В этом случае, члены комитетов бедноты решили сохранить всё в прежнем состоянии, то есть не ликвидировать комбеды, но и не сливаться с местными Советами.

Из вышеперечисленного можно предположить, что такие нестандартные ситуации могли возникать в связи с тем, что крестьяне просто захотели сохранить власть в деревне в своих руках, считая, что комитеты бедноты будут более эффективными и продуктивными органами власти чем местные большевистские Советы и Совет в принципе. Причины таких устремлений деревенского населения могли быть самыми разнообразными: 1) повышенное влияние на комбеды крестьянской общины, которая могла посредством данных чрезвычайных органов власти реализовывать свои интересы в деревне; 2) личные мотивы, устремления и амбиции отдельных крестьян, желавших через комитеты бедноты либо реализовать свои интересы, либо улучшить жизнь деревенского населения, либо просто защититься от произвола Советской власти в лице большевиков, то есть, защитить от реквизиции своё имущество и продовольствие; 3) как указывалось выше, комбеды были наиболее предпочтительнее как организации вокруг которых крестьяне могли сплотиться для преодоления тяжёлых обстоятельств жизни в условиях гражданской войны.

Безусловно, что всё вышеперечисленное имело место быть, но существовала и ещё одна немаловажная причина, объясняющая такой сложный и неоднозначный процесс ликвидации комитетов бедноты на территории данной губернии. Как указывалось выше, многие комбеды смогли значительно расширить свои функции за рамки декрета от 11 июня 1918 года, став, по сути, органами местного самоуправления. Одним из таких высокоорганизованных комитетов бедноты являлся Волковский сельский комбед Московской волости Новолодожского уезда, который выдавал паспорта, удостоверения, ордера на обыск, разного рода справки, организовывал общественные работы, следил за санитарным состоянием учреждений и дворов, обеспечивал семьи солдат и работников учреждений продовольствием, следил за противопожарной безопасностью, охраной правопорядка, обустройством школ, больниц, телеграфных и телефонных линий, разрабатывал меры по борьбе с правонарушениями и пьянством, проводил сельскохозяйственную перепись, реквизировал оружие и даже занимался юридическим разрешением семейных и имущественных споров и при котором было организовано несколько дополнительных отделов и ко-

торый просуществовал вплоть до весны 1919 года [8]. Таким комитетам бедноты крестьяне доверяли гораздо больше, чем волостным и деревенским Советам, поэтому скорее предпочитали в их руки отдавать деревенское и волостное самоуправление.

Таким образом, стоит отметить, что процесс ликвидации комитетов бедноты на территории Петроградской губернии имел свои ярко-выраженные специфические особенности и характерные черты, которые были связаны с целым рядом субъективных и объективных факторов и обстоятельств, обусловивших весьма сложный, многообразный и противоречивый характер данного процесса. В первую очередь, огромную роль сыграла неравномерная организация комитетов бедноты исследуемого региона следствием которой стала такая же неравномерная ликвидация этих чрезвычайных органов власти. Кроме того, комбеды Петроградской губернии отличались более высоким уровнем организации, организованности и функционирования, и многие из них смогли подмять под себя местные деревенские, сельские и волостные Советы, и тем самым взять власть в деревнях и сёлах в свои руки. К тому же, многие крестьяне стали доверять таким хорошо-организованным комбедам и именно в них они видели стержень объединения деревенского населения и опоры, при

помощи которой крестьяне могли бы реализовать свои интересы и выдержать все тяготы гражданской войны. Были, конечно, среди крестьян и те радикально-настроенные элементы, обычно это были члены плохо-организованных комбедов, пробольшевицки-настроенные крестьяне и некоторые представители озлобленной голодом деревенской бедноты, которые привыкли пользоваться своей вседозволенностью, а также своим «привилегированным» положением, поэтому ликвидация этих чрезвычайных органов власти для них оборачивалась потерей источника бессистемных реквизиций продовольствия и имущества, и такие элементы тоже могли оказывать сопротивление процессу реорганизации комитетов бедноты. Из всего вышеперечисленного вытекают такие особенности процесса ликвидации комбедов как переименования комитетов бедноты в Советы, ликвидация Советов и передача всей полноты власти в сёлах, деревнях и волостях местным комбедам, а также непризнание и отказ выполнять резолюцию Всероссийского чрезвычайного съезда Советов об официальной ликвидации комитетов деревенской бедноты и слияния их с Советами. В результате вышеперечисленной совокупности факторов процесс реорганизации комбедов на территории Петроградской губернии затянулся вплоть до весны 1919 года.

Литература:

1. Декрет ВЦИК от 11 июня 1918 года об организации и снабжении деревенской бедноты. // Сулова Е. Н. Комитеты деревенской бедноты Северной области. Сборник документов. Л.: Лениздат, 1947. — с. 31–33
2. Кабанов, В. В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: 1988.
3. Отношение Совета Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии в комитет деревенской бедноты Овцынской волости о роспуске Совета деревни. 21 января 1919. // Сулова Е. Н. Комитеты деревенской бедноты северной области. Сборник документов. Л.: Лениздат, 1947. с. 447.
4. Протокол заседания Совета и комитета деревенской бедноты Рождественской волости Царскосельского уезда Петроградской губернии об их слиянии. 14 ноября 1918. // Сулова Е. Н. Комитеты деревенской бедноты северной области. Сборник документов. Л.: Лениздат, 1947. с. 433.
5. Протокол заседания исполкома Совета Николаевщинской волости Новолadoжского уезда Петроградской губернии о роспуске старых сельских Советов и переименовании комитетов деревенской бедноты в Советы. 27 ноября 1918. // Сулова Е. Н. Комитеты деревенской бедноты северной области. Сборник документов. Л.: Лениздат, 1947. с. 434.
6. Резолюция 6-го Всероссийского чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов о перевыборах Советов и о комитетах бедноты. 9 ноября 1918. // Сулова Е. Н. Комитеты деревенской бедноты северной области. Сборник документов. Л.: Лениздат, 1947. с. 431.
7. Филлимонов, А. В. К вопросу о численности комбедов в Псковской губернии (1918 г.) // Вестник Псковского государственного университета. 2014. № 4. с. 14
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 216. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–19.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1001. Оп. 3. Д. 93. Л. 6.

Позиция Франции на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.

Мыльцев Валерий Антонович, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Введение

11 ноября 1918 г. Компьенским перемирием завершилась унесшая миллионы жизней Первая мировая война. Для установления нового послевоенного порядка в январе 1919 г. в Париже собрались представители стран-участниц войны (за исключением Германии и России). Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. заложила основы Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, просуществовавшей вплоть до Второй мировой войны. В ходе нее были заключены Версальский, Трианонский, Сен-Жерменский, Нейский и Севрский мирные договоры, а также создана Лиги Наций — первая попытка перехода от системы «баланса сил» к системе «коллективной безопасности». Итоги конференции предопределили послевоенное развитие и взаимодействие государств всего мира, и особенно Европы. Можно, однако, сказать, что созданные в Париже 1919–1920 гг. Версальско-Вашингтонская система и Лига наций не были эффективны ни в решении политических, ни в решении экономических вопросов, потерпели фиаско и привели мир ко Второй мировой войне, а участники конференции зачастую не придерживались провозглашенных на ней принципов, избирательно подходя, например, к принципу прав наций на самоопределение, как это было в случае с Австрией, которой было запрещено объединяться с Германией [2]. Известно, что ключевую роль в принятии практических всех решений конференции играла тройка лидеров крупнейших государств-победительниц: США, Франции и Великобритании (В. Вильсон, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж соответственно). У каждого из них был свой подход к решению существовавших проблем, так или иначе отражающий общественное настроение в своих странах, что зачастую приводило к серьезным разногласиям между бывшими союзниками. Особенно жесткую позицию, как правило, занимал 84 премьер-министр Французской республики Ж. Клемансо: для Франции, которая пострадала от войны значительно больше США или даже Британии, ряд вопросов, как например, репарации от Германии и ее разоружение, был особенно важен. Было необходимо перестроить политическую систему Европы, и Клемансо, конечно, стремился добиться в ней 1 места для Франции. Анализ оказавшей значительное влияние (французское влияние так же хорошо видно из того факта, что договор был создан на 2-х языках: английском и французском) на результаты парижской конференции позиции Франции и оценка «успешности» реализации положений этой позиции и является центральной проблемой данного исследования.

1. Позиция Франции в отношении Германии и репараций.

Не будет преувеличением сказать, что проблема «германского милитаризма», от которого Франция постра-

дала значительно больше Великобритании и США, была центральной в повестке Клемансо. Именно максимальное ослабление Германии и стало главной целью французских дипломатов на этих переговорах. Еще на этапе подготовки к переговорам французский премьер настоял на том, чтобы конференция проходила именно в Париже, а не в нейтральной Швейцарии, как это предлагал В. Вильсон, заинтересованный в том, чтобы отдалить участников от антигермански настроенного парижского общества. То, что германская делегация даже не участвовала в переговорах тоже можно назвать безусловной победой Клемансо (ранее проигравшие стороны тоже, как правило, участвовали в мирных конференциях — например, Франция в Венской 1814). За формирование повестки тоже шла серьезная борьба: французский лидер настаивал на том, чтобы сначала рассматривались вопросы репараций и ослабления Германии, но здесь верх одержал В. Вильсон, и 12 января 1919 г. повестка была определена следующим образом: создание Лиги Наций, вопрос о репарациях, проблемы новых государств, территориальные вопросы и судьбы колониальных владений. По меткому замечанию Дж. Кейнса, непримиримый Клемансо (он с самого начала войны был сторонником войны до победного конца) попытался добиться «Карфагенского мира», максимально ослабив Германию в духе идеи баланса сил XIX в. и политического реализма, а не либерализма, коллективной безопасности и Лиги Наций, через которые предлагал решение вопроса Вильсон. Парижем были предложены следующие, весьма радикальные меры: кроме выплаты значительных репараций, полного разоружения страны и возвращения Эльзаса-Лотарингии были поставлены вопросы об отделении Баварии, Рейнской области, которая бы управлялась франкофильским правительством, богатого углем и бывшего одним из центров немецкой военной промышленности Саара, который должен был перейти под непосредственное управление Третьей республики — тем самым восстановление германской военной мощи становилось бы невозможным, а Франция получала бы столь желанную безопасность со стороны восточного соседа, чье население почти в два раза превосходило население самой Франции. Разумеется, такая радикальная позиция не устраивала ни Британию, ни тем более Штаты. В итоге в отношении Германии были приняты более сбалансированные меры, чем те, что были предложены Кэ Д'Орсэ: по подписанному 28 июля 1919 г. Версальскому договору Германия возвращала Франции, отторгнутые от нее в 1871 г. Эльзас и Лотарингию, сокращала армию до 100 тыс. человек и распускала Генеральный штаб и Военную академию, обязывалась демилитаризировать Рейнскую область, где на 15 лет устанавливался режим оккупации (который, правда, был до-

срочно прекращен в результате кризиса 1923 г.), а так же на 15 лет передавала Саарскую область под управление Лиги Наций (по истечению этих 15 лет там был проведен плебисцит, в результате которого она снова была включена в состав Германии) [4; 5]. Вопрос с репарациями решался уже позже специальными комиссиями по репарациям, так как США были решительно против слишком больших репараций, которые бы замедлили развитие германской экономики (об этом тоже говорил британский экономист Кейнс, предупреждавший, что слишком медленное восстановление Германии усугубит экономическое положение всей Европы). Британия хотела получить некоторые репарации для выплаты пенсий семьям погибших военных, но тоже была более терпимо настроена к Германии в этом вопросе. В результате американского давления вопрос репараций решался с учетом состояния немецкой экономики, что было выгодно американским кредиторам через планы Дауэса и Юнга, а попытки взимать репарации силой, как в Рурском кризисе 1923 окончились для Франции полным провалом. Таким образом, те жесткие требования, которые изначально выдвинула французская сторона в отношении Германии были отражены в конечной версии Версальского договора лишь частично из-за несогласия с ними Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона. Однако лидеры США и Великобритании были готовы предложить Парижу гарантии, что в случае новой агрессии Германии, они вступят в войну на стороне Франции. Трехсторонний пакт действительно был заключен в конце парижской конференции, однако он был перекрестным и вступал в действие только в случае ратификации всеми участниками, но республиканский Конгресс Штатов отказался его ратифицировать, что делало пакт совершенно бесполезным. Стремясь найти ему замену, Франция в 20-е годы активизирует политику по созданию Малой Антанты, идея которой появилась как раз на парижской конференции, где правительство Третьей республики активно выступало за создание «санитарных кордонов» в Центральной и Восточной Европе, что будет более подробно рассмотрено ниже.

II. Позиция Франции в отношении Лиги Наций.

Отношение Клемансо к проекту Лиги Наций прекрасно характеризуется его собственными словами: «Мне нравится Лига наций, но я в нее не верю». Он считал ее несбыточным проектом Вильсона, который не смог бы быть адекватно реализован в реалиях Европы первой половины XX в. Показательным можно назвать знаменитый инцидент, когда французский лидер употребил в отношении американского президента слово «sandeur», что можно перевести как «наивность» или «неискушенность», и несмотря на то, что в официальном отчете его изменили на созвучное «grandeur», американская дипломатия отреагировала достаточно болезненно [3]. Поэтому Клемансо был относительно уступчив практически во всем, что касалось создания Лиги Наций, и мог использовать эти уступки для достижения компромисса с Вильсоном по более важным для себя вопросам, но предпочитал перестраховываться через более консервативные политические инструменты,

как например, уже упоминавшиеся «санитарный кордон» или контроль Саарского промышленного района. Кроме того, Париж требовал включения в Устав пункта о создании международных вооруженных сил (где Франция на тот момент могла воспользоваться превосходством в численности сухопутных сил и контролировать их практически единовластно), которые смогли бы поддерживать безопасность в Европе. Разумеется, это требование категорически не устраивало ни Лондон, ни Вашингтон. В результате Лига наций была создана преимущественно по американским проектам, делавших акцент на международном праве и либеральным инструментам урегулирования международных конфликтов, а французское мнение по этому вопросу было учтено в меньшей степени.

III. Позиция Франции по проблемам новых государств и колониальных владений.

Уникальность парижской мирной конференции во многом заключается в том, что на ее полях 1 раз была выстроена мировая система международных отношений, в которую были включены многие молодые государства, появившиеся в результате крушения трех крупнейших империй (Российская, Германская и Австро-Венгерская), а также колониальные владения европейских держав и Японии. Было необходимо создать новые правила международного порядка, а главное, заставить вновь созданные взаимно недоверчивые государства Центральной и Восточной Европы к этим правилам. Однако, как уже упоминалось выше, главной задачей Франции в Европе стало «усмирение» Германии. Кроме этого, после появления молодого Советского государства вместо Российской империи Париж также был озабочен изоляцией коммунизма и противостоянием Советской России. Клемансо был наиболее непримиримо настроен к новому режиму в Москве, а маршал Фош неоднократно выдвигал воинственные инициативы по расширению европейской интервенции, к чему его иностранные коллеги относились достаточно скептически (Ллойд Джордж открыто предлагал допустить Россию к участию в конференции и был инициатором провалившихся переговоров на Принцевых островах, а с вельможи Вильсона в Россию был отправлен Буллит со своей знаменитой миссией. В итоге стороны остановились на идее «санитарного кордона»). На достижение этих целей и были направлены усилия Франции и ее политика в ЦВЕ. Впрочем, здесь ее интересы практически во всем сошлись с интересами Лондона и Вашингтона. Центральным звеном в «санитарном кордоне» должна была стать «сильная» Польша, которой кроме исторических территорий были отданы Данцигский коридор и украинские земли (впрочем, территории Австрийской Галиции не были за ней закреплены по Сен-Жерменскому договору с Австрией, и их Польша пришлось отстаивать самой во время советско-польской войны 1920–1921) [7]. Крупные порты в Восточной Пруссии Данциг и Мемель были переданы под контроль Лиги Наций (Мемель был захвачен Литвой в 1923, а в 1924 вопрос был окончательно урегулирован Мемельским статутom, который Франция тоже подписала). Париж способствовал

политическому строительству на Балканах, поддерживал КСХС, ядро которого — Сербия, получила значительные территориальные приобретения за счет бывших земель Австро-Венгрии, и Румынию, получившую австрийскую Буковину, а затем успешную с французского молчаливого согласия присоединить венгерскую Трансильванию. Чехословакия были переданы не только австрийские Богемия и Моравия, но и населенная австрийскими немцами Судетская область и Австрийская Силезия. На дружбе с этими странами и ряду перекрестных договоров Париж и будет строить свою Малую Антанту, в теории способную противостоять как Германии, так и СССР.

Важной частью послевоенного урегулирования стал Сен-Жерменский договор с Австрией, которая сохранила только земли, населенные этническими немцами, что сразу же спровоцировало рост движения в пользу объединения Австрии с Германией, а новая республика самопровозгласила себя «Немецкой Австрией». Конечно, в этом случае принцип права наций на самоопределение был сразу же забыт, а Франция в унисон с Британией, США и особенно Италией выступила против слияния государств, а невозможность изменения статуса Австрии как независимого государства и в будущем без согласия Лиги наций была зафиксирована отдельной статьей в Сен-Жерменском договоре (*The independence of Austria is inalienable otherwise than with the consent of the Council of the League of Nations. Consequently Austria undertakes in the absence of the consent of the said Council to abstain from any act which might directly or indirectly or by any means whatever compromise her independence, particularly, and until her admission to membership of the League of Nations, by participation in the affairs of another Power.*) (невозможность объединения была отдельно прописана и в Версальском договоре, с чем, опасавшаяся нового дипломатического поражения Германия была, впрочем, согласна, так как трезво оценивала шансы на успех подобной затеи) [7]. Кроме того, по нему численность австрийской армии была ограничена 30 тыс. человек [7].

Сервско-Лозаннское урегулирование с Османской империей произошло не только в рамках парижской мирной конференции, но началось именно на ней. Здесь основную роль, за исключением, конечно, военных успехов Ататюрка, сыграли противоречия в лагере великих держав. Франция в этом смысле стремилась не допустить одностороннего британского контроля над проливами и территорией Анатолии. США в этом вопросе тоже встали на сторону Парижа. В результате в Севре был достигнут компромисс, согласно которому основные территориальные приобретения получала бы Греция, а великие державы разделили бы непосредственно турецкую территорию. Однако этому плану не суждено было сбыться из-за сокрушительного Сакарыйского поражения Греции в войне против Ататюрка и неготовности европейских держав вмешиваться в эту войну напрямую. Франция и Италия воспользовались этим для еще большего ослабления влияния Британии и подписали с кемалистами сепаратные мирные договоры (Франция не только вывела войска из

Киликии, но и передала Турции запасы оккупационных войск в 200 млн. франков). Заключенный в 1923 г. Лозаннский договор подтвердил, что Турция отстояла территории с курдским и армянским населением и полную независимость от европейских держав.

Вопрос раздела бывших колоний Германии и арабских территорий Османской империи был решен через мандатную систему Лиги наций (ст. 22 Устава) [1]. Франция через них получила Сирию и Ливан (мандаты категории А) и часть Камеруна и Того (В), что в целом немного в сравнении с количеством мандатов Британии, для которой вопрос колоний был гораздо более важен [1].

Заключение

Как было показано в основной части работы, все решения парижской конференции были приняты только через компромиссы лидеров США, Великобритании и Франции (стоит оговориться, что Италия и Япония тоже входили в Совет 5, но не принимали столь активного участия в его заседаниях, так как имели ограниченные круг интересов). Клемансо, достаточно хорошо отражая и представляя мнение большей части французов, в первую очередь требовал максимального ослабления Германии и создания в Европе условий для французской гегемонии и расширения французского влияния. Стремясь этого достигнуть, Париж проводил классическую политику баланса сил и европейского равновесия в духе XIX в., но точно такими же инструментами Лондон не позволил Франции использовать все возможности Пирровой победы в Первой мировой войне. Еще более тяжело было противостоять заинтересованным в европейской политике и особенно экономике Соединенным Штатам (хотя их интерес значительно ослаб после ухода с поста президента В.Вильсона). Таким образом, из-за этих компромиссов ни одна из великих держав не смогла добиться всех поставленных перед конференцией целей, а Германия и Советская Россия вообще были выключены из создававшейся системы международных отношений. На практике не получилось реализовать ни «жесткую» линию Парижа, ни более правильную в смысле построения европейской безопасности, но почти невозможную в реализации программу Вильсона, основывающуюся на 14 пунктах и «импотентной» Лиге наций [2]. Более того, новые молодые государства ЦВЕ тоже были плохо интегрированы в эту систему, остро соперничали как в экономической, так и в политической области, а, следовательно, ни о какой коллективной безопасности речи идти не могло. Прекрасным примером провала французской стратегической политики можно назвать неудачу Малой Антанты, которая не смогла противостоять Германии (более того, Польша сама участвовала в разделе Чехословакии, аннексировав Тешинскую Силезию, а Румыния и вовсе стала союзником Гитлера). Поэтому подводя итог всей работе, необходимо отметить, что Клемансо и французское руководство действительно добились самых важных своих целей даже несмотря на частые разногласия с Лондоном и Вашингтоном: Эльзас и Лотарингия были возвращены, Германия

разоружена и ослаблена, а из стран ЦВЕ создан надежный в теории «санитарный кордон» сдерживающий в изоляции Берлин и Москву. Представляется, что тем самым

Париж в целом добился тактической победы, но сильно проиграл стратегически, за что ему пришлось расплачиваться уже через 20 лет.

Литература:

1. <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatust.htm> — Устав Лиги наций. Сверено по изданию: Версальский мирный договор. Полный перевод с французского под редакцией Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. С 7–15.
2. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. Том 2. Документы 1910–1940-х годов. М. 2000.
3. MacMillan, M. The German Issue // Paris 1919: Six Months That Changed the World / foreword by R. Holbrooke. — 1st US ed. — Random House, 2003.
4. <https://www.herodote.net/Textes/tVersailles1919.pdf> — Версальский мирный договор
5. Версальский мирный договор. Итоги империалистической войны, серия мирных договоров/ Пер. с фр. Ю. Н. Ключникова и А. Сабанина. М.:Литиздат, 1925.
6. История дипломатии Т.3. М.: Политиздат, 1965
7. <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1920/3.html> — Сен-Жерменский договор

Армения в I в. до н. э. Империя Тиграна II Великого

Хачатрян Тагуи Самвеловна, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье на основе свидетельств античных историков и современных исследований анализируется степень развитости Армянского государства в II-I в. до н. э. и изменения в нем после вступления на престол Тиграна II Великого.

Ключевые слова: Армения, Тигран II Великий, Рим, Парфянское царство.

ВI в. до н. э. в Передней Азии шла попытка разделения этой территории на две части. С Запада, медленно и свободно, наступает Рим, с другой стороны — Парфянское царство, территория которого доходит до берегов Евфрата. Два этих государства желают еще до того, как их границы соприкоснутся, очертить довольно четкие рубежи своих владений. В это период существуют два других государства, готовые бросить вызов Риму и Парфии. Одним из них — Понтийское царство, в котором к власти в 113 г. до н. э. пришел Митридат VI Евпатор — выдающийся, талантливый и властолюбивый правитель. Митридат поставил перед собой задачу — создать большое и мощное эллинистическое государство, но у Тиграна Великого были свои планы, заключавшиеся в том, чтобы расширить границы своего царства на юг, север и восток.

Обстановка вокруг Армении в этот период постепенно прекращала быть благоприятной. Римская республика, недавно пережившая вторжение германских племен кимвров и тевтонов, реорганизует свою армию по реформе военачальника Гая Мария. Понтийское царство под началом Митридата VI Евпатора укрепляет свою власть на севере и северо-востоке Малой Азии. Селевкидская империя, хоть и держится на волоске, но все еще имеет военный контингент. Именно с такой расстановкой сил царство получает сын Тиграна I — Тигран II.

В II-I в до н. э. все крупные области армянского государства были объединены в мощное государство — Великую Армению. Армянские земли в начале I в. до н. э. оказались в зависимости от своих соседей. Малая Армения, тесно связанная с Понтом еще со II в. до н. э., была присоединена к Понтийскому царству Митридатом VI (Strabo, XII, 3, 28) в первое десятилетие правления понтийского царя. Судьба наибольшего армянского государства — Великой Армении, была более драматична.

Создателем державы Великой Армении по праву считают Артакса (Арташеса) I, основателя династии Арташесидов. Стоит упомянуть, что о событиях, происходивших в Великой Армении при Арташесе и после него, почти ничего не известно. Все начинает проясняться с того момента, когда на престол восходит Тигран II (Just. XXXIII, 3, 1, LXII, 2, 6; App. Syr., 48.) Внук Арташеса I — Тигран II выступает основной фигурой в истории Великой Армении и играет большую роль на мировой арене того периода.

В 95-55 годы до нашей эры Армянское государство вступило в период своего наивысшего могущества. Тигран II Великий, став царем, оказался деятельным правителем, талантливым полководцем и дипломатом. Он стремился упрочить международное положение Армении и ее экономическое состояние, для чего необходимо было

взять под свой контроль международные торговые пути и транзитную торговлю между Западом и Востоком.

В конце II в. до н. э. Великая Армения подверглась нападению парфянского царя Митридата II. Желая укрепить парфянское влияние в Армении, Митридат II около 95 г. до н. э. привел на армянский престол Тиграна II (Strabo, XI, 14, 15), взамен получив земли, называемые в источнике «семьдесят долин» [7, с. 196] Согласно сообщениям Плутарха, Тигран в 71-70 г. до н. э. Тигран правил уже примерно 25 лет. (Plut., Luc., 21) Хронология Мовсеса вступает в противоречие с его повествованием: он знает, что правление Тиграна длится 33 года (II. 19), что не так уж далеко от истины, но определенные факты из истории Армении он приписывает именно Тиграну.

Правление Тиграна II отмечено созданием огромной империи, простиравшейся от Средиземного до Каспийского моря и от Египта до Кавказских гор. «Он раздвинул пределы страны нашего обитания доведя их до крайних древних ее рубежей. Он вызвал зависть всех своих современников, а для нас, ныне живущих, его время и он сам — заветная мечта» (Movs. I. 24). Общие контуры границ Великой державы упоминаются и Страбоном в «Географии». Хорошо известно, что в самом начале своего царствования Тигран II завершил процесс территориального воссоединения царства Великой Армении, так как до него его дед Арташес I воссоединил 14 губерний, кроме Софены. С середины II в. до н. э. Софена являлась предметом спора между Великой Арменией и Каппадокией (Strabo, XI, 14, 15). Известно, что в 94 г. до н. э. Софена была присоединена к Великой Армении, а с 66 г. до н. э. перестала быть самостоятельным государством. На этом объединение армянских земель было завершено. Но, стоит сказать, что римская дипломатия все же считала Софену независимым государством [1, с. 119] Такое отношение нашло отражение в Арташатском договоре 66 г. до н. э.

Держава Тиграна II охватывала значительную часть Передней Азии. Кроме того, в сфере влияния Армении находились определённые страны и народы — Иберия и Албания на севере, а многие арабские племена — на юге.

Новосозданная держава была типичным эллинистическим государством, хотя и меньшим по величине, но вполне сходным по структуре и функциям с предшествовавшими ей державами Селевкидов и Александра Македонского. Все они, как и держава Тиграна, являлись экономически и этническими различными военно-политическими объединениями, состоявшими из обществ, находившихся на самых разных уровнях развития.

Хорошо понимая огромную роль городов, в особенности богатых и влиятельных сирийских городов, в системе державы, Тигран II проявлял к ним большое внимание. Ряд городов получил право чеканки монет и другие привилегии. Старая столица Армении Арташат осталась на севере, новая — Антиохия — находилась вне Великой Армении. Возникла необходимость создать столицу в такой области Армении, чтобы она одновременно могла служить центром державы. В 80-х годах до н. э. на берегу одного из северных притоков верхнего течения Тигра, в армянской области Ахдзник был основан город Тигранакерт — новая столица державы. Основание Тигранакерты стало неким феноменом для Армении, т. к. город, основанный в эллинистическом стиле, был огромен по сравнению с другими городами, значительно меньшими по размеру и численности населения. Стоит сказать, что в новой столице Тигран поселил жителей двенадцати городов, поэтому можно сказать, что это был интернациональный город. «Тигранакерты изобиловала сокровищами и дорогами приношениями богам, ибо частные лица и правители на перебой расширяли и украшали город, желая угодить царю», отмечает Плутарх. (Plut. Luc. 24).

Никогда еще Армения не была столь огромной, каковой она являлась при Тигране Великом. Тигран II стал воплощением вождя и даже непредставимого могущества армянского народа. Как пишет Мовсес Хоренский, «однажды возглавив мужей он возвысил наш народ и нас угнетенных сделал угнетателями налагающий дань на многих. Миротворец и создатель он скармливал все поколение маслом и медом» (Movs. II, 24) Эта картина царствования отражает народную память об эпохе Тиграна, как времени величия.

Литература:

1. Арутюнян, А. Ж. Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н. э. — 298 г. н. э.). Ростов-на-Дону, Изд-во Южного Федерального университета, 2015. с. 370.
2. Аппиан. Митридатовы войны: пер с древнегреч. // ВДИ. 1946. № 4. с. 235-289.
3. Аппиан. Римские войны. /Пер. С. П. Кондратьева. Изд-во «Алетейя». СПб, 1994.
4. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2. Кн. 13/Пер. Г. Г. Генкеля. М., 2004.
5. Кассий Дион. Римская история. Книги XXXVI-XXXVII. Пер. с англ. С. Э. Таривердиевой и О. В. Любимовой.
6. Манандян, Я. А. Тигран II и Рим: в новом освещении по первоисточникам Ереван: Изд-во АрмФАН, 1943. с. 240.
7. Moses Chorenats'i History of Armenians/Transl. and Comm. R. W. Thomson. Ann Arbor: Caravan Books, Ann Arbor, 2006, Pp. 420.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: [В 3 т.]. Т. 2.: пер. с древнегреч. М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Машек. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. с. 548.
9. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». Пер. с латинского А. А. Деконского, М. И. Рижского. Из-во Санкт-Петербургского университета. 2005 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Dynamics of the development of Uzbekistan-India relations at the current stage

Ibodova Sadoqat Karomiddinovna, student
University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

The article is devoted to the analysis of the dynamics of Uzbek-Indian relations during the last three years. It focuses on cooperation in the political, economic, and cultural spheres. The legal basis of bilateral relations is also described. Uzbekistan considers India to be a strategic partner.

Keywords: *Uzbekistan-India bilateral relations, economic cooperation, cultural relations.*

India was among the first to recognize the independence of the Republic of Uzbekistan on December 26, 1991. Diplomatic relations between the two countries were established on March 18, 1992. According to the protocol on the establishment of diplomatic relations at the level of embassies from 1992, the Consulate General of India, opened in August 1988 in Tashkent, was reorganized into an Embassy in 1992, and the Consulate of the Republic of Uzbekistan operating in New Delhi was also transformed into an Embassy [8].

The first President of the Republic of Uzbekistan I. A. Karimov paid five official visits to India during his term. A Joint Statement on strategic partnership between the Republic of Uzbekistan and the Republic of India was adopted during a state visit in May 2011

Political consultations between foreign ministries are regularly held at the level of deputy foreign ministers since August 1997, the last round of which took place on March 23, 2017 in Delhi [2].

On September 30 — October 1, 2018, the President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev paid a state visit to India. Following the talks, 20 documents were signed in the areas of scientific and technical cooperation, agriculture, tourism, military education, justice, health and medical science, pharmaceuticals, peaceful space exploration and other areas [6]. In addition, agreements on cooperation between the Andijan region and the state of Gujarat, the cities Samarkand and Agra were signed.

During the state visit, the head of our state emphasized that strengthening long-term strategic partnership with India is one of the priority directions of Uzbekistan's foreign policy, and put forward a number of proposals and initiatives for the development of bilateral cooperation, including the creation of reliable trade and transport communications between the markets of Central and South Asia. «We are discussing the project of the Trans-Afghan railway. In the future, this corridor will

provide access to South Asia, including India through the port of Chabahar,» said Shavkat Mirziyoyev. It should be noted that the creation of transport corridors to India will also allow Uzbekistan to enter the world ocean, which will significantly increase its export potential [5].

Uzbekistan and India also intend to cooperate in the field of security to stabilize the conflict in Afghanistan, which contributes to maintaining a favorable situation in Central and South Asia as a whole.

President Shavkat Mirziyoyev took part in the Vibrant Gujarat Global Summit in January 2019 as a guest of honor. In the framework of the summit, the President met with Indian Prime Minister Narendra Modi [5].

India actively cooperates with the countries of the Central Asian region. The first India-Central Asia dialogue with the participation of Afghanistan took place in January 2019 [1]. Particular attention was paid to measures to promote the growth of mutual trade, the prospects for strengthening interaction in attracting investments, innovations, technologies to the economies of the countries of the region, the development of the transit and transport and communication potential of the Central Asian states, the development of tourism, as well as the implementation of specific joint projects in the fields of science, medicine, education and sports.

Mutually beneficial trade and economic relations have been established between Uzbekistan and India. In accordance with the Agreement on Trade and Economic Cooperation between the countries, the most favored nation regime has been established in mutual trade.

Currently, trade and economic relations between Uzbekistan and India are carried out on the basis of major bilateral documents, such as the Agreement on trade and economic cooperation (1993), on the avoidance of double taxation (1993) and on mutual encouragement and protection of investments. The Uzbek-Indian trade house has been operating in Delhi since 2017 [8].

Uzbekistan attaches priority importance to relations with India, and the state visit of Sh. Mirziyoyev confirmed mutual interest in developing cooperation. In a joint press briefing, the President noted that the parties agreed to bring trade between the two countries to \$ 1 billion. In 2017, this figure was \$ 323.6 million, in 2018 — \$ 284.6 million [4].

For Uzbekistan, the main imports from India are pharmaceuticals, mechanical equipment, car parts, optical instruments and equipment. The main products for export to India are fruits and vegetables, fertilizers, juices, extracts and lubricants. Following the negotiations in January 2018 at the summit in Gujarat, Uzbekistan and India signed an agreement on long-term supplies of uranium to India [7].

As noted in the press service of the President of Uzbekistan after the summit talks at the summit in Gujarat, a techno park of advanced information technologies in Tashkent and a pharmaceutical zone in the Andijan region are being created together with Indian partners [3]. An agreement was made with the Eximbank of India on the allocation of a preferential credit line for \$ 200 million to finance socially significant projects in Uzbekistan. India also offered to consider an additional loan of \$ 800 million.

Currently, there are 161 enterprises operating in Uzbekistan with the participation of Indian capital, incl. 65 — with 100% foreign capital [8].

Establishing cultural and humanitarian contacts is important for bringing the peoples of India and Uzbekistan closer together. Indian performers actively participate in the traditional «Sharq Taronalari» International Music Festival in Samarkand.

In accordance with the Memorandum signed in 2004, the Indian-Uzbek Center for Information Technologies named after J. Neru functions in Tashkent. Currently, work is un-

derway to transform the Center into an authorized institution of the Center for the Development of Advanced Computer Technologies of India [9].

Since March 22, 2018, the work of the Indian-Uzbek Friendship Society (Delhi) has been resumed. During 2018, various cultural events related to Uzbekistan were held in India, in particular, the «Festival of Uzbek Cinema» in April in the cities of Delhi, Calcutta and Mumbai, «Days of Uzbekistan Culture» in September, the exhibition «Uzbekistan-India: Dialogue of Cultures» in September — October at the National Museum of India [2].

The Lala Bahadur Shastri Center for Indian Culture in Tashkent is engaged in Hindi, yoga, Kathak and holds cultural performances throughout Uzbekistan. Hindi is taught in several schools and universities in Tashkent [4].

Tourism is one of the main areas of interaction between the two countries. According to statistics, in 2017, almost 3 million foreign tourists visited Uzbekistan, of which more than 24 thousand were citizens of India.

The countries also cooperate in the field of education. The opening of the Uzbek-Indian Center for the Development of Entrepreneurship took place in Tashkent on December 24, 2018. Branches of two leading Indian universities — Amity and Sharda have been opened in Uzbekistan [9].

In conclusion, Uzbekistan and India have common interests in regional development and security, combating modern threats, expanding transport corridors, and deepening public diplomacy. In economic cooperation, Uzbekistan is primarily interested in the implementation of promising projects in areas such as energy, pharmaceuticals, textile, leather and footwear, chemical industry, tourism. Uzbek experts can learn from India's rich experience in the field of information technology and pharmaceuticals.

References:

1. В Самарканде завершилась первая встреча министров иностранных дел Диалога «Индия — Центральная Азия» с участием Афганистана. Народное слово, 14.01.2019. <http://xs.uz/ru/post/v-samarkande-zavershilas-pervaya-vstrecha-ministrov-inostrannykh-del-dialoga-indiya-tsentralnaya-aziya-s-uchastiem-afganistana>
2. Индийско-узбекские отношения. Посольство Индии в Узбекистане. <https://eoi.gov.in/tashkent/?2615?000>
3. Компания из Индии построит в Узбекистане фармацевтический завод. ИА Regnum, 02.04.2020. <https://regnum.ru/news/society/2902926.html>
4. Перспективы развития приоритетных направлений узбекско-индийского сотрудничества. ИСМИ, 01.10.2018. <http://www.isrs.uz/ru/maqolalar/uzbekiston-indiston-amkorligidagi-ustuvor-junalislarni-rivozlantiris-istikbollari>
5. Узбекистан — Индия: по пути дальнейшего укрепления многопланового сотрудничества. UzA, 18.01.2019. <https://uza.uz/ru/politics/uzbekistan-indiya-po-puti-dalneyshego-ukrepleniya-amnogoplano-18-01-2019>
6. Узбекистан и Индия подписали 20 документов. Gazeta. uz, 01.10.2018. <https://www.gazeta.uz/ru/2018/10/01/india/>
7. Узбекистан и Индия подписали соглашение о долгосрочных поставках урана. Podrobno. uz, 18.01.2019. <https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-indiya-podpisali-s/>
8. Узбекско-Индийские отношения. МИД Республики Узбекистан. <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/59/>
9. Muminov, I «Indian-Uzbekistan cooperation on developing digital economy in Uzbekistan» Modern Views And Research 11 (Materials Of The Xviii International Sci), 22-24

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 30 (320) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.08.2020. Дата выхода в свет: 12.08.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.